

Геннадий Ососков

ПЕРЕКАТЫ

книга I

Дубна, 2026

Ососков Г.А.

В потоке событий. Перекаты / под ред. А. Гольдштейн, Е. Малой, Г. Орловой.
– Дубна: ОИЯИ, 2026. – 188 с., с илл.

ISBN 978-5-9530-0663-7

Первая книга воспоминаний доктора физико-математических наук, профессора и главного научного сотрудника Лаборатории информационных технологий Объединенного института ядерных исследований Геннадия Алексеевича Ососкова подготовлена к юбилею человека и института. Она затрагивает период в тридцать лет (от начала 1930-х до начала 1960-х гг.) и представляет собой результат архивной сборки, которая обеспечивает превращение долгой жизни в книгу.

В теории массового обслуживания, развитию которой посвящена первая диссертация Геннадия Алексеевича, поток – это лестница из ступенек единичной высоты (пришло событие) и случайной ширины (из расстояний по времени между моментами прихода событий). Число событий в единицу времени (час или сутки) определяет интенсивность потока.

Это тот случай, когда математический язык, подходит для описания самой жизни.

Автор и его архивные ассистенты адресуют книгу всем, кому интересны перекаты уникального опыта, советской науки и большой истории, приводящие математика в город физиков.

© Объединенный институт ядерных исследований, 2026 г.

© Ососков Г.А., 2026 г.

© Исторический архив ОИЯИ, 2026 г.

От автора

В преддверии своего 95-летия я с удовлетворением констатировал, что предсказания о деменции, неизбежно присущей людям в этом возрасте, как-то меня не коснулись. Замечания типа «все страдающие деменцией никак её не ощущают» опровергались высказанными за последнее время мнениями: как моих студентов – о пользе получаемых от меня советов, так и моих коллег – о значимости лекций и докладов, прочитанных на разных семинарах и конференциях, ну и, наконец, заключением НТС лаборатории, продлившим моё пребывание в должности главного научного сотрудника до 2029 года.

По-видимому, в том, что моя память должна хранить сведения о событиях и фактах, малоизвестных людям, родившимся в нынешнем миллениуме, не сомневались и многочисленные корреспонденты разных СМИ – местных и не только, – которые брали у меня интервью, как правило, к круглым датам: как моим (начиная с моего 75-го юбилея), так и памятным годовщинам ОИЯИ и нашей лаборатории.

Уже в недавнее время к интервьюерам-журналистам добавились режиссёры-документалисты телеканала

«Культура», которым для их киноэпопей о Дубне требовался очевидец старых событий. Правда, из полуторачасового интервью в фильм попадали лишь несколько минутных отрывков, что меня несколько задевало, потому что я старался рассказать о довольно многих интересных событиях с моим участием и людях, с которыми общался.

Нужно сказать, что все эти интервью строили по удивительно одинаковым шаблонам типа: «Почему вы выбрали эту профессию? Что привело вас в Дубну? Над какими проектами вы сейчас работаете?» и в заключение: «Что бы вы хотели сказать вашим молодым коллегам?». Если интервью касалось воспоминаний об известных учёных, спрашивали, что я помню об их достижениях и моём с ними общении.

Единственным, пожалуй, и приятным для меня отклонением от этого шаблона явились вопросы корреспондента религиозной православной газеты Талдомской епархии о моей семье и детях, и о том, что скрепляло наш с моей женой Инной семейный союз более чем 60 лет (было давно, теперь уже более 70!).

Однако наиболее интересным для меня оказалось общение, случившееся в прошлом, 2025 году, тоже в виде серии устных интервью, с представителями команды архивного проекта ОИЯИ и ВШЭ. Они взяли на себя очень нелёгкую задачу – собрать большое количество разрозненных документов, фотографий, ежедневных записей и журналов, дневников и т. п., оставшихся от скончавшихся или просто ушедших сотрудников разных лабораторий ОИЯИ – знаменитых и рядовых; всё это упорядочить, отсканировать

и превратить в исторический архив ОИЯИ, который не только сохранит память о прошлом, но и станет источником ценной информации о замыслах – как уже решённых, так и ждущих своего решения.

Команда поразила и привлекла меня своим энтузиазмом, позволившим привлечь на время летних каникул большую группу студентов Московской Вышки, без активного участия которых проект не стартовал бы так стремительно и продуктивно.

Интервью мне нравились тем, что эти умные и пытливые студенты тоже в них участвовали, готовили для меня вопросы. Мы общались, когда они попросили меня, как очевидца, прочесть им лекцию о становлении вычислительной техники в СССР и потом всего компьютеринга в России на примере моей Лаборатории информационных технологий ОИЯИ.

В ходе общения со мной архивистов заинтересовали и вышеупомянутые многочисленные интервью, так что в итоге у них скопился – именно обо мне – изрядный объём письменных и аудиоматериалов. Возник вопрос: нельзя ли этот материал, представляющий, как выяснилось (в частности, на лекции), несомненный интерес для более молодого поколения, не просто спрятать в архиве, а донести как-то до широкой общественности?

В процессе этой интересной работы и возникла идея, предложенная мне руководителем историко-архивного проекта Галиной Орловой (НИУ ВШЭ) – оформить мои архивные материалы в виде книги воспоминаний и издать как один из полезных результатов проекта ОИЯИ – НИУ ВШЭ. Идею поддержали руководители проекта от ОИЯИ –

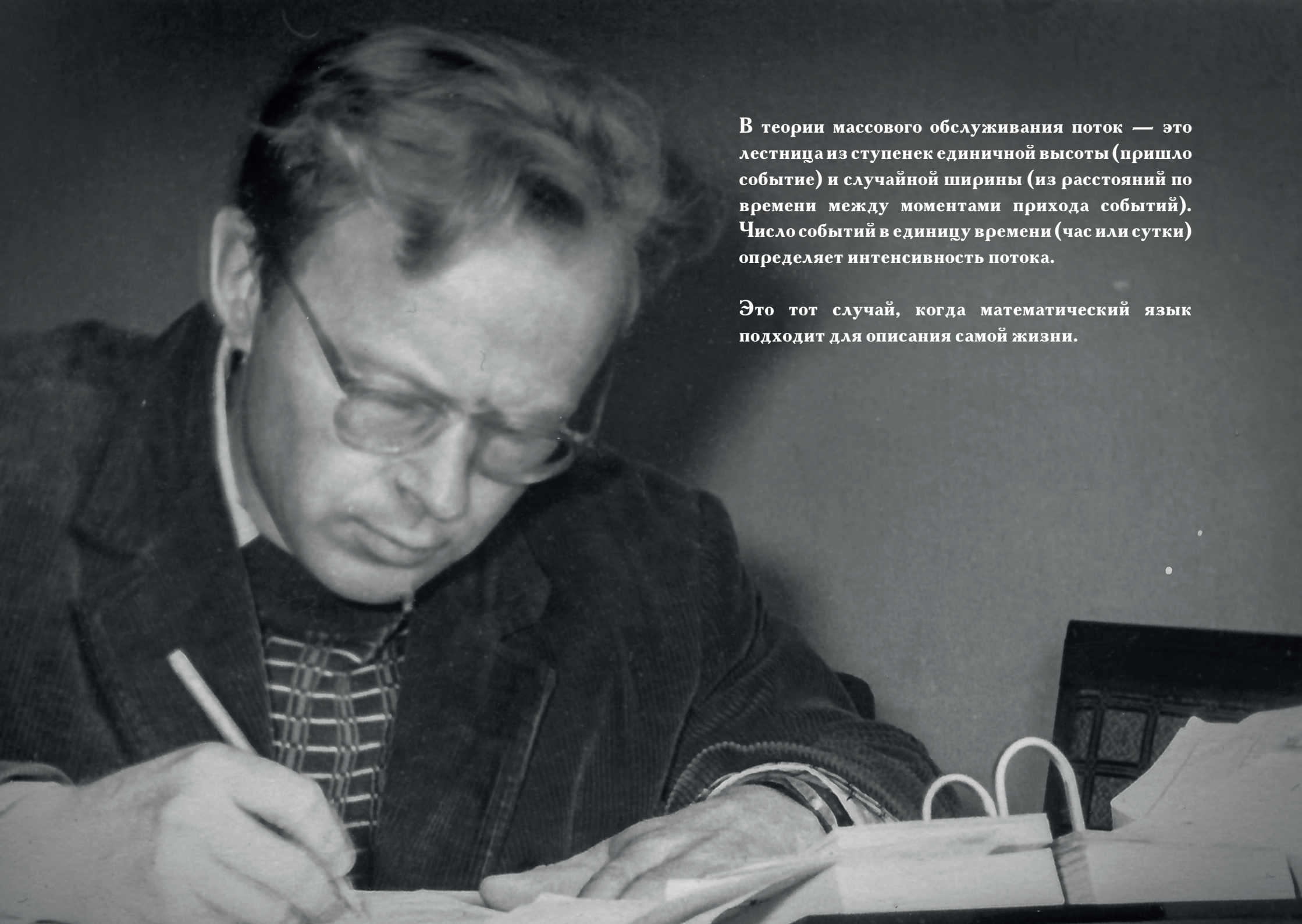
Сергей Неделько и Алексей Жемчугов, а также Елена Малая, руководитель Исторического архива, существующего на базе Музея истории науки и техники.

Мария Чернова и другие сотрудники архива с помощью искусственного интеллекта превратили многочисленные аудио-интервью, проведенные Галиной Орловой, в читабельные тексты. А я дополнил их фрагментами других текстов, написанных как мной, так и моими близкими. Теперь надо было для этих весьма разрозненных кусочков найти такой сквозной замысел – «шампур», чтобы превратить всё в единый, вкусный для восприятия «шашлык» книги воспоминаний.

И тут мне вспомнился увиденный в сети ролик Олега Брылина «Поезд жизни» с задушевной песней, в которой лирический герой путешествует по прожитым годам с остановками на станциях: «Детство», «Школа», «Институт», «Любовь» и т. д. Но вся моя жизнь прошла на разных реках, причем серьёзное плавание по ним началось с байдарочных походов, так что песня «все перекаты, да перекаты» стала своего рода семейным гимном, особенно с учетом разных крутых перемен в моей, а потом и жизни моей семьи. Так «станции» стали «перекатами» в «Потоке событий» моей жизни. Повспоминав, я выделил по хронологии первые девять своих жизненных перекатов, ставших потом пристанями, а в конце и порогами, и заполнил каждую кратким содержанием о том, что произошло на каждой из них. Получился развёрнутый план книги, который начал быстро заполняться готовыми главами, благодаря слаженной работе всего редакторского и авторского коллектива.

Поскольку материала оказалось много, мы решили разбить его на части. Так и пришла идея сделать издание из нескольких книг. Первую из них вы держите в руках. Здесь про мое детство, юность, научное становление меня как математика и ученого, вплоть до моего приезда в Дубну, когда череду пристаней сменил один большой жизненный причал под названием «Объединенный институт ядерных исследований»...

январь, 2026

В теории массового обслуживания поток — это лестница из ступенек единичной высоты (пришло событие) и случайной ширины (из расстояний по времени между моментами прихода событий). Число событий в единицу времени (час или сутки) определяет интенсивность потока.

Это тот случай, когда математический язык подходит для описания самой жизни.

Глава 1. Коломна, 1936.

Самосознание: здесь и ранее.
Мама и семья дяди Афони

Родители познакомились во время учёбы в Нижегородском университете, где отец учился на педфаке, мама – на истфаке. Оба были выдвиженцы из крестьян, комсомольцы-активисты, преданные коммунистической идее. Это их также сближало. К концу учёбы, в 1929 г., они поженились.

Отца распределили в г. Вятку, где он был назначен завучем педтехникума. Ему было всего 24 года, а он должен был руководить коллективом достаточно старых преподавателей. Поэтому тогда он отрастил для солидности большую бороду. Там, в феврале 1931 г., я и родился. Ребёнок я был достаточно крупный, и наша маленькая мама так измучилась во время родов, что чуть не умерла. Всё внимание врачей было к ней, папа был занят на работе, и, как она мне потом рассказывала, я был на пару дней забыт и даже не кормлен. Когда меня к ней принесли, я уже посинел и совсем ослаб, так что ей пришлось долго меня раскармливать. После этого мама не работала и сидела со мной. В моих ранних воспоминаниях я сначала познакомился с мамой, а потом – с папой.

Показав явные успехи на педагогическом поприще, папа в 1933 г. был рекомендован в аспирантуру Ленинградского

1. Семья Ососковых, 1928 г.
Сидит (с палкой): дед Василий,
рядом – бабушка Мария, потом
дядя Андрей.
Стоят слева направо: дядя Николай,
его жена Мария, тетя Аня, жена дяди
Андрея Анна и мой отец Алексей.

2. Анна и Алексей Ососковы
со старшим братом Алексея –
Афанасием, 1929 г.

3. Семья Ососковых. Вятка, 1931 г.

4. Гена с мамой. Коломна, 1935 г.

пединститута. Я почти уверен, что дело исключительно в его рабоче-крестьянском происхождении. Это был основной образовательный тренд в то время – сделать «красных профессоров», направляя выдвиженцев. Он показал себя хорошим завучем – активным, послушным партийной линии. Это было учтено, и его рекомендовали в аспирантуру просто потому, что в нём увидели будущего кадра. Отца забрали в аспирантуру, а мы переехали из Вятки в Коломну. Поэтому мои первые детские впечатления с отцом не связаны: они относятся к 1935–1937 гг. моего периода жизни в Коломне, когда он учился в Ленинграде и не бывал с нами. Однако помнится, как меня поразило известие, зачитанное мамой по папиному письму: в Ленинграде был какой-то праздник, и во время салюта пепел от ракеты попал папе в глаз, чуть не выжег его. Отец в моей жизни появился гораздо позже, в Сталинграде.

Вся радость для мамы была в том, что она устроилась учительницей истории в школу №9. Она попала там в замечательную среду бывших гимназических стариков, которые сохранили трепетное отношение к своему предмету и понимание того, что учить надо так, чтобы ученик ощущал внимание лично к нему.

Мама выросла в крестьянской семье, где к детям относились не так, как сейчас: не прижимали, не целовали, не говорили ласковых слов. Этого и в нашей семье не было. Она воспитывала меня достаточно строго. Страшно любила. Может, и целовала – но я этого не помню. Я всё время ощущал её заботу, но рос автономно и был абсолютно свободен. Меня бросали на целый день и уходили на работу. Я читал книги

и крутил конструктор. Они прибежали, совали мне кусок хлеба и убегали.

Мама и дядя, который был учителем русского языка и литературы, научили меня читать в четыре года, и я вцепился в книги: сначала в детские, а затем в книгу Куна «Что рассказывали древние греки и римляне о своих богах». Я в нее просто вцепился. Она почему-то на меня произвела большое впечатление. И я ее начал читать как сказку. А потом уже перешел на Жюль Верна и все остальное.

Особенно много о тех временах почему-то моя память о тех временах больше всего удерживала эпизоды, когда меня мама, уходя на работу, сплавляла к родственникам по папиной линии – к папиному старшему брату, который старше его был на двадцать лет, – к Афанасию Васильевичу¹ и к его доброй семье. Его жена была для меня тётя Тоня, её родная сестра – тётя Вера. Я был им очень мил, потому что у них не было детей. У Афанасия Васильевича был уже взрослый сын от первого брака, который к тому времени где-то там на флоте служил. И они нуждались в том, чтобы кого-то воспитывать. Они со мной тютюшкались с восторгом и меня всё время там подкармливали.

1. Ососков Афанасий Васильевич (1888 – 1965) – заслуженный учитель РСФСР, кавалер Ордена Ленина, с 1933 г. преподавал в школах Коломны русский язык и литературу.

Например, я был на кухне. Они готовили еду. И я увидел, что они режут что-то белое. Они сказали, что это свиное сало. Я говорю: «А почему оно выглядит таким, как бы сказать, несъедобным? Это не масло». Тогда они отрезали кусочек сала, посолили и дали мне с чёрным хлебом. Я был потрясён этим вкусом и до сих пор обожаю свиное сало с чёрным хлебом, посоленное. Это моя прямая страсть!

1936
Меня регулярно выпускали гулять на улицу одного. Это был нормальный двор. И мне в память запало полное солнечное затмение 1936 года, которое меня совершенно тогда впечатлило². Все бегали, держа в руках закопчённые стёклышки, чтобы смотреть на солнце. И мне дали такое стёклышко. Я ходил и смотрел. Сначала мало что понимал. Но когда действительно сильно потемнело, до меня дошло – я был очень этим впечатлён. Для меня это было, так сказать, большое событие в жизни.

Как выяснилось потом, наша семья тогда чуть не распалась, и поддержка семьи дяди Афони очень помогла маме справиться с этой бедой и вернуть папу в семью.

Про отца есть куча воспоминаний, в основном связанных с его работой в

Орехово-Зуевском пединституте³, где он прославился – и есть мемориальная аудитория, на дверях которой написано, что «здесь был заведующим кафедрой Ососков Алексей Васильевич⁴».

3. См., например, Булавкин К.В. Жизнь и педагогическое наследие А.В. Ососкова // Вестник Государственного гуманитарно-технического университета, 2017, №4. С.5-8. Внук Алексея Васильевича рассказывает о деду как о видном исследователе истории начальной школы в позднимперской России, организаторе педагогического образования и блестящем лекторе, мастерски владевшем дикцией и предьявлявшем аудитории «тест Ососкова» – задания на установление авторства случайных фрагментов из истории педагогической мысли.

4. Ососков Алексей Васильевич (1906–1990) - советский педагог, доктор педагогических наук (1971), профессор (1972). В 1933 г., после учёбы в Нижегородском педагогическом институте и работы в Вятском педагогическом техникуме, поступил в аспирантуру Академии коммунистического воспитания имени Н.К. Крупской (в 1934 г. переведена из Москвы в Ленинград и переименована в Коммунистический педагогический институт им. Н.К. Крупской). После окончания аспирантуры работал в Сталинградском пединституте, в 1938–1946 гг. - доцент и заведующий кафедрой педагогики в Мордовском государственном педагогическом институте им. А.И. Полежаева. С 1946 г. - заведующий кафедрой педагогики и психологии Орехово-Зуевского пединститута. За период научно-преподавательской деятельности награждён несколькими государственными наградами, в том числе орденом "Знак почёта".

2. 16 июня 1936 года на территории СССР наблюдалось полное солнечное затмение – первое за годы советской власти. Предыдущее было в 1914 г., а следующее – в 1941 г. Район нижневолжских степей, где в то время проживала семья Ососковых, попадал в полосу полного затемнения, достигавшую 132 км. Газеты в те дни призывали своих читателей активно включаться в наблюдение, считать секунды, зарисовывать корону и передавать результаты в ближайшую обсерваторию или московский планетарий. См.: 19 июня – солнечное затмение. Беседа с засл. деятелем науки С.Н. Блажко // Гудок, 1936, №134, 12 июня.

Глава 2. Сталинград, 1937–38.

Довоенное детство.

Поездка в Безводное. Шестериковы.

Тайное крещение

После окончания аспирантуры в 1937 г. отца распределили работать в Сталинградский пединститут⁵, где нам дали огромную комнату в каком-то здании типа общежития. Мы поселились втроем. Но на первое время отец из деревни выписал свою маму, Марию Петровну, мою бабушку. Она жила с нами первое время, чтобы присматривать за мной. Она все время что-то чинила, шила, штопала. К тому времени ее глаза ослабли. Очки в деревне добыть было невозможно. Поэтому она толком не видела. Но шить могла. Не могла только нитку в иголку вдеть. В этом ей помогал я. Разные там были иголки и разные нитки. Но она мне всякий раз давала копеечку и на прогулке угощала мороженым. Мороженщик продавал тогда мороженое совсем не так, как сейчас. Была такая круглая штучка, куда он укладывал на дно вафельку. Потом набирал ложкой мороженое, клал сверху другую вафельку, нажимал – и мороженое вылезало с двух вафель, маленькое круглое, за 20 копеек. Я знал, что если я 20 раз ей вставлю нитку в иголку, мне будет полагаться мороженое при следующей прогулке. Я много времени проводил, собирая разные механизмы

из подаренного мне огромного железного конструктора из дырчатых деталей, которые надо было свинчивать винтами и гайками⁶. Сначала я делал всякие тележки, трактора и тому подобное. Сталинградский тракторный завод – мне было знакомо это название. И первая конструкция – это был трактор, но он не мог ездить. В то время не было никаких моторчиков.

Хорошо помню о приходах весёлого дяди Павла Шестерикова – маминого брата, который служил электриком на волжском пароходе и всякий раз, когда у них была остановка в Сталинграде, забегал к старшей сестре на пару часов. Однажды дядя Паня мне подарил чудесную штуковину⁷. Две тонких трубки из плоского сосуда тянулись, изгибаясь на корму вниз. Воду пипеткой накапывали в выход этих трубок, потом под сосудик ставили горящий огарок свечи, и вскоре пар от закипевшей воды выходил из трубок и гнал кораблик вперед. Он был размером 10–12 сантиметров. Это было для меня потрясающее впечатление. Я узнал реактивную тягу, понял идею. Мне было объяснено всё это дело. Тогда только техника мне и была интересна. В общем, я оставался дома один и конструировал разные машины и, увидав в каком-то кино плавучий док

5. Сталинградский педагогический институт – учрежден в 1931 г. Создание сети пединститутов в начале 1930-х гг. – важная часть сталинской реформы начального и среднего образования и возвращения к школьным дисциплинам. См., Юинг Т. Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг.

6. Довоенный детский металлический конструктор. Серия «Техника в массы». СССР, Ленинград, Государственный завод мелкого машиностроения «Конструктор», 1930-е гг.

7. Лодка-пыхтелка, она же хлоп-хлоп-лодочка или парореактивная лодка (pop-pop или putt-putt по-английски, roiet-roiet по-французски, toc-toc или puff-puff по-немецки). Детская игрушка, изобретенная в XIX в. на волне технологической революции. В СССР 1930-х – редкая вещьца.

– такой большой, что в нём умещались суда, требующие починки, – упоённо сооружал такой док. Родители могли оставить меня на целый день одного, а я и не замечал этого.

Летом родители снимали дачу в деревне Иловля под Сталинградом, где мы ходили купаться на речку с тем же названием⁸. Мне очень нравилось, как ловко мой папа плавает сажёнками, и удивлялся, почему мама так не умеет и плавает «по-собачьи». Я же в то время плавать еще не умел. Это случилось позже. А тогда меня к воде только опускали: брали за ручку, и я там плескался. А плавать меня научили довольно жестоко мальчишки в реке Мокша – уже потом, в Мордовии⁹. Они меня кинули и смотрели: утону – не утону? Забарахтавшись, я удержался на поверхности. С тех пор и плаваю.

В деревне я помню картины южной степи, поросшей ковылём и молочаем. Там я с увлечением переключился на ловлю огромных красивых гусениц, ящериц, черепах, тритонов и даже поймал на реке и привёз потом ужа в нашу сталинградскую комнату, засунув его в банку, затянутую сверху марлей. Я был очень горд тем, что мама и даже папа этого ужа побаивались, а я его не боялся и любил шокировать знакомых, наматывая его себе на шею. Ужа надо было кормить, и я ловил где-то для него лягушек. Всё кончилось тем, что однажды, когда ему надо было менять кожу, он так страдал, что провертел головой дыру в марле и сбежал из нашей комнаты. Шкура его осталась стоять вертикально в банке без хозяина, и, видя это издали, я был уверен, что уж там. Помню, как, ведомая папой, прибежала, выпучив глаза, комендантша: «Где ваш мальчик? Там змея

забралась в комнату девочек, и они визжат!». К тому времени, когда я туда прибежал, ужа выкинули в окно, и он пропал.

Папа тогда был молодой (31 год) и очень резвый: по утрам делал зарядку в пижаме у открытого окна, бегал на месте. Помню, как мы с мамой смеялись до упаду, когда он вдруг прерывисто запукал в такт во время зарядки.

Аресты 1937 года запомнились мне по странным поискам и подсчётам моих родителей, всегда внимательно изучавших развешанные на стенах портреты вождей и долго споривших потом, стал ли тот или иной вождь врагом народа или его портрет не повесили по ошибке.

Запомнилось, как мама регулярно поручала мне заклеивать фотографии в своём учебнике истории белой бумагой, вырезанной так аккуратно, чтобы заклеить и подпись под фотографией. Вначале я спросил, почему надо заклеивать Блюхера, когда он такой герой, весь в боевых орденах. Мама ответила, что он стал врагом народа, то есть плохим человеком. Дальше я уже и не спрашивал.

Потом, уже в начале 1938 года, эта беда пришла и в нашу семью. Однажды ночью я был разбужен плачем мамы и шумом каких-то сборов. Как она мне объяснила много лет

8. До 1961 г. – казачья станица Иловлинская в Иловлинском районе Сталинградской области, после – рабочий посёлок. Отсчитывает свою историю с 1672 г. Неоднократно меняла место. Расположена преимущественно на левом берегу р. Иловли.

9. Мокша – крупный правый приток Оки, протекающий по Мордовии и другим регионам Поволжья.

спустя, папа написал диссертацию о роли большевистской фракции Государственной Думы в развитии народного образования в дореволюционной России¹⁰. По принятой тогда системе он должен был в печатных трудах о любом времени много писать об учителе народов Сталине, а, говоря о дореволюционной России, нещадно ругать тогдашнего премьер-министра Столыпина, называя его не иначе как «Столыпин-вешатель». Накануне защиты диссертации отец в самом спешном порядке отдал машинистке напечатать 4 экземпляра диссертации и, не читая, раздал их двум оппонентам и в библиотеку. А в тот вечер, который мне так запомнился, отцу позвонил один из оппонентов, хороший знакомый, и спросил, читал ли он текст перед рассылкой: «Если нет – почитай страницы такие-то». Отец глянул и ужаснулся: невнимательная машинистка, зациклившаяся на Сталине, по инерции напечатала и всюду дальше эту фамилию, лишь бы она начиналась со «Ст...». Так в диссертации в нескольких местах появился «Сталин-вешатель» и ругань в его адрес. Дело было вполне расстрельным. И хоть отец успел утром побегать, напечатать, что надо, выдрать крамольные страницы изо всех копий и вклеить туда правильные, что-то просочилось вовне. К счастью, у отца были знакомства среди НКВДешников, и один из них его предупредил: «Если быстро не исчезнешь – арестуют».

Так, бросив всё, мы бежали в город Саранск¹¹, в Мордовию – туда, где папа родился, всех знал и мог укрыться от преследований.

От Сталинграда остались ещё смутные воспоминания о самом городе, довольно грязной речке Царице, протекавшей в земляных размытых берегах. Ещё помню о каком-то в те времена удивительном полёте на самолёте, улетавшем с маленького аэродрома, куда папу провожала весёлая женщина, всё время певшая песню: «Подари мне, сокол, на прощанье саблю, вместе с острой саблей пику подари...»¹² – и подарившая мне конфеты-драже в коробочках в виде книжек, изображавших сочинения Пушкина (тогда широко праздновалось почему-то 100-летие смерти поэта). Не могу вспомнить, был ли это самолёт, на котором мы и бежали так спешно из Сталинграда, но, кажется, нет, так как я совсем не помню маму при этом, как и своих ощущений от полёта. Папа мог летать тогда в Москву договариваться о защите, а в самолёт меня пустили просто посмотреть.

На период переезда меня отвезли на мамину родину – в село Безводное Кстовского уезда (тогда уже Горьковской области). Мне до сих пор очень ярко помнится путешествие туда от Горького на речном пароходике вниз по Волге, потрясающий багрово-тёмно-синий закат, который я увидел, гуляя на верхней палубе, где ехало множество людей, спавших

10. Диссертация А.В. Ососкова на соискание ученой степени кандидата педагогических наук по теме: «Некоторые вопросы начального народного образования в России накануне мировой войны 1914 – 1918 гг.» была защищена в 1938 г. см. ЦГАМО, Ф. 474.

11. На 1900 г. уездный город Пензенской губернии. С 1934 г. столица Мордовской АССР. Появились первые заасфальтированные тротуары и автобусы, первые трех- и четырехэтажные дома, а также центральная библиотека.

12. Популярная довоенная песня М. Блантера и С. Острового «В путь дорожку дальнюю», 1936 г.

вповалку на своих мешках (это были люди, у которых денег хватило только на дешёвый билет четвёртого класса). Я гулял там, жуя булку, и вдруг увидел дядьку, спавшего с широко открытым ртом и что-то говорившего во сне. Я понял, что он хочет есть и просит его накормить, и начал откусывать от своей булки кусочки и класть ему в рот. Мама оттащила меня, а дядька проснулся и стал страшно ругаться.

Безводное я помню уже вполне отчётливо. Просторный двухэтажный деревянный дом с уборной даже на втором этаже. Каменный амбар напротив через улицу с холодным погребом в нём. Пасека. Ходили за водой далеко вниз под гору на родник. Как-то раз меня взяли на большую рыбалку на Волгу с ночёвкой, где на специальные снасти – подпуска с многими крючками – ловилось сразу по 3–4 большие рыбы, называемые чехонь.

Несколько недель, прожитых в Безводном, позволили мне узнать маминых родных и познакомиться поближе с дедушкой – Шестериковым Измаилом Фёдоровичем. Это был крепкий, уже седой старик с белой бородой. Старый, опытный, мудрый. У меня таких знакомых раньше не было. Этот дом он сам себе строил. Всё умел и знал. Дедушка показал хозяйство. Во дворе был пчельник. Мне объяснили, что пчелы кусаются. И все же меня укусили, пока я не разобрался, в чём дело.

После приезда я заболел кровавым поносом, который никак не проходил сам собой. Когда я наконец признался в этом, дедушка ради меня зарезал кролика. И меня поили бульоном, какими-то настоями, церковным вином – и вылечили.

*Шестериковы. Безводное, 1932 г.
Нижний ряд слева-направо: сестра мамы Тая, её младший брат Павел, мама, её старший брат Александр; Верхний ряд: Муж Таи Авраам с сыном Лёвой, старшая сестра мамы Ольга (острижена после тифа), дед Измаил Фёдорович, бабушка Анисья Никитична, отец Алексей со мной на руках*

Павел Измайлович Шестериков, погиб на фронте в 1941 году

Гена Ососков, 8 лет

Самое таинственное воспоминание было о моем крещении в православную веру. Мои родители, правоверные комсомольцы, и слышать об этом не хотели. А мама, воспитанная по атеистическим канонам революционной школы, ещё до отъезда в Нижний Новгород конфликтовала с домашними по вопросам религии. Поэтому бабушка, Анисья Никитична, сделала это втайне от них. Она еще взяла с меня слово, что я её не выдам. Слово я сдержал. Родители так об этом и не узнали. А в памяти моей осталось впечатление таинственности: запах ладана, вкус просвиры, удивление от странной одежды священника, совершившего обряд на дому, превращенном в тайную церковь.

Это было последнее для дедушки лето перед арестом и расстрелом. Какой-то недруг донес, что он был жандармом. Никто не стал разбираться, что речь шла о речных жандармах – так с какого-то момента именовалось общество спасения на водах, обеспечивающее охрану и безопасность тех, кто плывет¹³. Дедушка чуть ли не за свой счёт содержал спасательную станцию, лодку и эти спасательные круги делал.

В семье долго бытовала легенда о том, что дедушка как-то там долго держался. Я тоже толком не верил и только потом, когда появились вот эти своды данных о судьбе репрессированных, я запросил справку и вот тогда по-настоящему понял, что Измаил Федорович Шестериков был расстрелян в 1938 году. Добрейший человек был.

Воспоминания моей мамы
Анны Измаиловны Ососковой (Шестериковой)

Родиной моей является село Безводное. Расположено оно на берегу реки Волги в 30 км ниже Нижнего Новгорода (теперь – город Горький). Место очень красивое. С высоких шиханов на десятки вёрст вверх и вниз видна Волга.

Откуда появилось название «Безводное»? Это мы узнали из летописи, которую наш учитель Иван Георгиевич Никифоров отыскал у попа местной церкви.

За несколько километров от венца Волги из горы бил большой, звонкий, с очень вкусной водой ключ Гремячий. Вокруг этого ключа ещё в древности расположилась деревня Гремячевка. В XIX веке жители Гремячевки переселились на венец реки Волги – ближе к великой реке. Вероятно, это было вызвано развитием торговли и промышленности в России.

Место было красивое: спустись с горы – и рядом Волга. А воды вот не было. Для жителей Гремячевки, привыкших к дарам ключа Гремячего, это был большой недостаток. Поэтому они и назвали своё новое селение Безводным.

Безводное на Волге было селом известным. В. И. Ленин в своей книге «Развитие капитализма в России» уделил Безводному целую страницу:

«К капиталистической мануфактуре относятся также промыслы села Безводного Нижегородской губернии и уезда. Это – тоже одно из промышленных сёл, большая часть жителей которого вовсе не занимается земледелием и которое служит центром промыслового округа из нескольких селений. По земской переписи 1889 г., в Безводинской волости (581 двор): 67,3 % дворов не имели посева; 78,3 % дворов было безлошадных; 82,4 % дворов – с промыслами; 57,7 % дворов – с грамотными и учащимися (против среднего по уезду – 44,6 %). Безводнинские промыслы состоят в

13. «Общество подавания помощи при кораблекрушениях» (с 1892 г. Императорское российское общество спасения на водах) было создано по инициативе кронштадтских моряков, возникшей «под впечатлением чудесного спасения драгоценной для всех русских жизни Государя Императора» в 1866 г. Общество существовало на пожертвования и стало одним из первых институтов гражданского общества в России. Тогда как речная полиция, в которой после завершения воинской службы И.Ф. Шестериков прошел путь от рядового полицейского до офицера, была сформирована в 1867 г. для поддержания порядка на водах. Ее штат состоял на государственной службе, имел чины и форменную одежду. На фуражке водного полицейского была кокарда с якорем.

изготовлении разных металлических изделий: цепей, уд, металлических полотен...»¹⁴.

В. И. Ленин пишет главным образом о мануфактурном производстве, где делали цепи, якоря и прочие вещи, необходимые для развивающегося речного пароходства. О производстве металлической сетки он только упоминает, а большинство кустарей села Безводного тянули проволоку и ткали разного рода металлическую сетку.

Типичными кустарями были Носковы – родные мамы. Глава семьи – Никита Иванович, жена его Ольга Васильевна и 8 человек детей. Изба делилась на переднюю – со множеством окон – и заднюю, с огромной русской печкой. В передней, вдоль стен у окон, располагались три стана, на которых и ткали металлическую сетку.

Лучшей специалисткой считалась крёстная Марья. Она ткала из медной проволоки № 100 и 120 (тоньше волоса) полотна «саржа». Стан был хорошо подогнан, имел 4 подножки. Её работа требовала большого внимания, навыка и острого зрения.

Дядя Рама ткал широкие полотна – 80–90 см (тогда меряли аршинами и вершками). Стан был большой. В зависимости от заказа хозяина ткались полотна простые – на 2 подножках – или «саржа» – на 4 подножках. Работа требовала большой силы и напряжения. Часто во время перерыва он просил меня «потоптать» ему спину. Он ложился на пол на живот, а я ножками ходила по его спине. Делала я это с большим удовольствием (мне было тогда 5–7 лет), а он давал мне копейку, на которую я покупала у Беловых воблину.

Крёстная Зинаида много помогала бабыньке Ольге по хозяйству, поэтому она ткала более простые полотна – из проволоки № 50–60 и на 2 подножках.

Деденька Никита на кухне, на станочке, делал крючки для рыбной ловли. Сначала он рубил проволоку на кусочки и складывал в коробочку. Затем щипочками брал проволоку,

оттачивал, делал зарубинку, загибал – всё это разными инструментами, – переворачивал крючок и делал петельку для нитки. Деденька был стар, но, имея навык, он делал всё очень быстро. Готовые крючки бабынька воронила в печи на горячих углях, отчего крючки принимали синеватый оттенок и становились крепкими.

Проволоку – и медную, и железную – получали от хозяина, ему же сдавали готовую продукцию и получали заработок. Но заработка кустаря обычно не хватало, так как продукты приходилось покупать у лавочника.

У Носковых был сад и два огорода на задах и три сада в Слуде. От садов они получали и продавали яблоки, вишню, малину, а там же собирали сено для коровы.

***

Шестериковы – Фёдор Алексеевич и Акулина Ивановна – жили на горе, занимались сельским хозяйством. Земли было мало, поэтому зимой дедушка Фёдор летом часто уходил «на Волгу» на заработки. Зимой он обыкновенно тянул медную проволоку, которую получал у хозяина.

Работа эта была очень вредная: проволоку приходилось очищать в купоросе, затем – через специальные стальные доски (2 на 4 см), через дырочки – протягивать несколько раз до нужной толщины.

Измаил был единственным сыном у бабушки Акулины. В 1892 году его женили на старшей дочери Носковых – Анисье. Анисья была не особенно красива, но очень скромная,

14. Ленин В.И. Развитие капитализма в России // ПСС, Т.3. М.: Издательство политической литературы, 1967. С. 366.

трудолюбивая и почтительная. Молодые приглянулись друг другу и мирно зажили. Вскоре у них родилась дочь Лизанька.

Но тут Измаила взяли в солдаты в город Ковно. Анисья осталась со свекровью и свёкорём.

Измаил был старательным солдатом, имел красивый почерк – и его взяли в штаб писарем. Начальник, офицер Лаврик, ценил солдата Шестерикова. И когда в Безводном умерла Лизанька, а у Лаврика должна была родить жена, он отпустил писаря домой за женой, чтобы сделать её нянькой.

Анисья с любовью нянчила маленького Гогу, и Лаврикам очень нравилась. В 1898 году у Измаила и Анисьи родилась дочь Ольга. Лаврик стал её крёстным и подарил ей золотой крестик. Девочка росла здоровенькой, крепкой.

Кончился пятилетний срок службы солдата. Папа и мама с Олей вернулись в Безводное. А в 1900 году родился сын Александр.

Жизнь в Безводном не устраивала родителей: работа кустика не могла обеспечить растущую семью, да и отвыкли они от деревенской жизни. Измаилу Фёдоровичу уже исполнилось 30 лет, и он отправился в Нижний Новгород искать работу. Образование – 3 класса начальной школы. Устроился он в речную полицию рядовым полицейским по охране Плашкоутного моста, соединяющего Нижний с Канавином (сводить и разводить мост, чтобы пропускать суда, идущие по Оке).

Квартиру им дали в Молитовке – это рабочий посёлок на окраине Канавина: кругом безкультурье, грязь, зараза. В 1902 году родился второй сын – Георгий (Гога).

И тут случилась в жизни нашей семьи большая беда. Дети заболели энцефалитом. Болезнь в то время была мало изучена, да и врачей было мало. Родители радовались, что дети остались живы, но они не сразу поняли, что все трое детей стали инвалидами на всю жизнь. Сначала инвалидность была не очень заметна, но со временем увеличивалась.

В это тяжёлое время в Молитовку приехала бабушка Акулина, чтобы помочь снохе и сыну. Но долго она жить не могла – в Безводном оставался один дедушка Фёдор.

В 1905 году отца перевели из Молитовки в Нижний Новгород – к пристаням. Квартиру дали около Блиновского сада, в голубом домике. Зарплата несколько повысилась, и квартирные условия стали лучше.

29 января 1906 года родилась дочь, назвали Анной (в честь Анны-пророчицы; именинница – 3 (16) февраля). Нюрку в семье очень любили – беленькая, голубоглазая, разговорчивая.

Через два года, 1 мая 1908 года, родилась Тая. В семье стало 5 человек детей. Умерла бабушка Акулина. Носковы по силам помогали, часто приезжала крёстная Марья.

Чтобы получить новое повышение по службе, отцу надо было иметь хотя бы двухклассное образование. В это время его перевели на Стрелку – к торговым складам. Дали отдельную квартиру. И вот 40 летний Измаил Фёдорович, имея 5 маленьких детей, засел за учебники и через некоторое время сдал экстерном за двухклассное городское училище. После чего он получил офицерское звание, и его перевели на работу в Сормовский затон.

Зарплата заметно прибавилась. Хорошая квартира. Старшие дети учатся. Оля ездит учиться в гимназию (ей трудно, часто падает). Шура и Гога учатся в Сормовской земской школе. Учатся плохо.

В 1914 году пошла учиться и я. Записали меня в церковно-приходскую школу. Учёба давалась легко. Иногда брала с собой в школу Таю.

Началась империалистическая война. Речную полицию стали привлекать к политическим делам. Отцу это не нравилось, и он перевёлся на работу в Сормовский завод – в качестве брандмейстера пожарной охраны. Переехали в новый район Сормова, ближе к заводу.

В июне 1916 года родился Павлик. Стало 6 человек детей. Время было тяжёлое, голодное. Пришлось купить корову (Чернавку). Мы с Таей собирали муку для коровы по извозничьим телегам, которые стояли во дворе. Я носила молоко господам. Шуру устроили работать сторожем в какой-то цех Сормовского завода¹⁵.

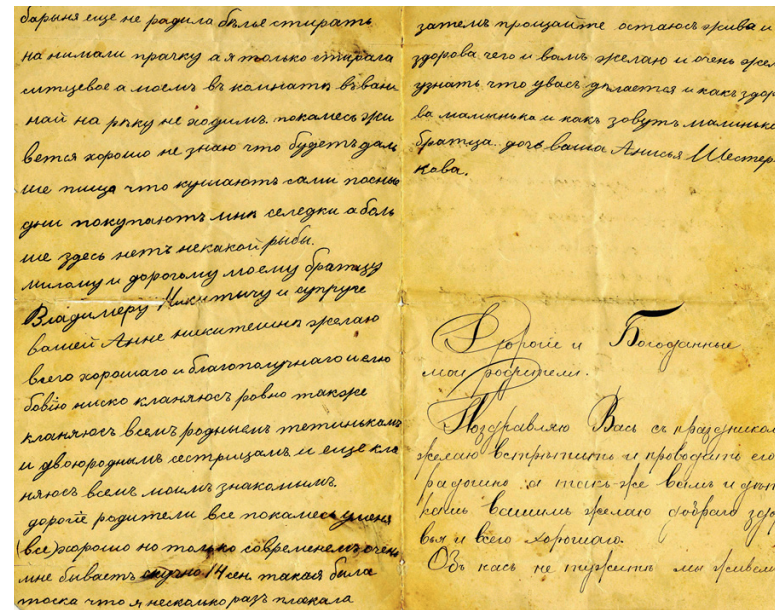
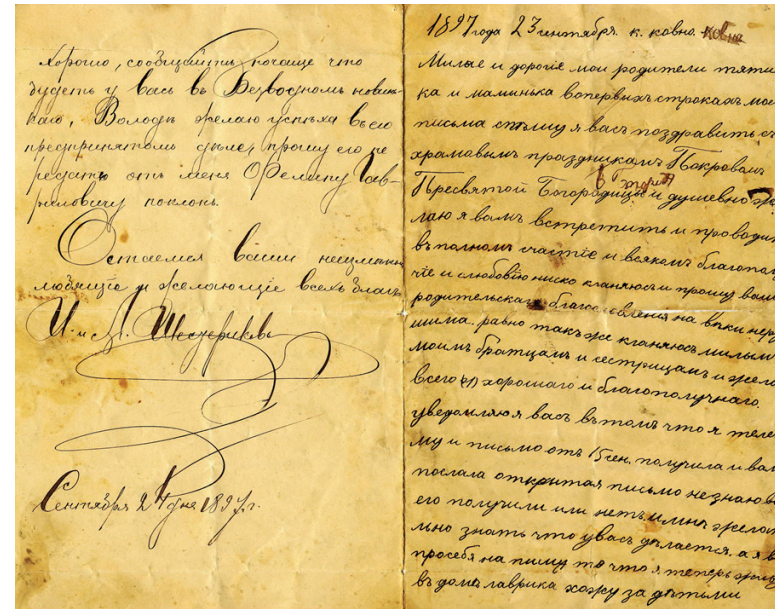
У отца началась неврастения. Пожарный звонок над брандмейстерской кроватью доводил его до припадков.

Сколько ни работал отец в городе, в душе он всё время оставался крестьянином. Я помню его разговоры о прелестях крестьянской жизни: «Выйдешь в огород – тут тебе и всякий овощ, и малина, и вишня, и яблоки. Заведём пчёл. Поедешь в поле – жаворонки поют, воздух свежий. Свой хлеб, своя картошка...».

После Октябрьской революции, когда в Безводном стали давать землю по едокам, отец не выдержал, уволился с завода и со всей семьёй поехал в Безводное. Это было в январе 1918 года. Дедушка Фёдор встретил нас угрюмо: «Надоело ходить в сапогах, так теперь из лаптей не вылезешь».

Он был прав. Середина зимы. Изба худая. Дров мало. Сена и соломы для коровы не запасено. Продуктов – хлеба, овощей и прочего – нет. Семья – 9 человек. Старшие дети больные. Младшие малы (мне – 12 лет, Тае – 10, Павлику – полтора года). Дед стар и болен. Работать некому. Стали продавать вещи, которые привезли с собой.

15. Основанный в 1849 г. Сормовский завод, выпускавший суда, паровозы и образцы военной техники, был одним из крупнейших и наиболее передовых машиностроительных и судостроительных предприятий Российской империи. С началом Первой мировой войны на заводе сокращается выпуск гражданской продукции и развивается оборонное производство.

Письма И.Ф. Шестерикова родным с воинской службы, 1897 г.

Отец поступил в местную кооперативную лавку закупщиком. Человек он был доверчивый, и это привело к новой беде: привезли товар, и он решил помочь извозчику разгрузить воз; повесил пиджак на дворе и стал таскать товар. Когда кончил, то в кармане пиджака не обнаружил ни денег, ни документов. На правлении ему не поверили и обвинили в мошенничестве. Это очень потрясло отца. Пришлось продать корову, чтобы расплатиться с кооперацией и уйти с работы.

Старшие братья, Шура и Гога, были удивительно разные люди. Гога был тихий, много читал, очень любил ходить в церковь, где прислуживал попам (подавал кадило и прочее). В церкви он и заразился тифом, получил осложнение на лёгкие и умер от скоротечной чахотки в 1920 году. В 1920 же году умерли и дедушка Фёдор, и деденька Никита. Шура любил общественную работу, интересовался политикой. В 1920 году был принят в партию. Он постоянно ездил в Нижний — в Уком партии и комсомола. Ему даже поручили организовать в Безводном комсомольскую организацию. Весной 1921 года он привёз к нам мальчика из голодающих губерний. Мальчика звали Витя. Он был из Ставрополя и очень хорошо пел. Осенью его снова отправили в Уком.

В то же время 1920 год стал в нашей семье переломным. Купили лошадёнку Машку. Подросли и мы с Таей и хорошо помогали папе. Пахать я не могла, а бороться была моя обязанность. Папа приспособил нам с Таей маленькие косы, и мы с ним косили в лугах. В 14 лет я уже жала как настоящая жнея, а Тая больше была с папой в лугах. Расскажу случай.

В детстве я была религиозной (сказалось воспитание тётушек Носковых). На Казанскую (8 июля) на бугре у нас созрела полоска ржи. Папа с Таей и Шурой уехали в луга, а нам с мамой велел сжать эту полоску, иначе она осыпется. Мы с мамой начали жать снизу. Когда солнце стало клониться к закату, мама пошла домой, оставив меня одну. Жать надо было ещё много, а оставлять нельзя: на другой день — Казанская, и жать было грех; а через день рожь могла начать осыпаться.

Я жала и всё молилась Казанской Божией Матери, чтобы помогла мне дожать, а сама всё поглядывала на другой конец — когда он приблизится. И вдруг я увидела на другом конце как будто ангелов, крыльями машущих, и слышу какой-то разговор. «Чудо! Услышала меня Божия Матерь!» — подумала я. Сил у меня прибавилось — жну и жну, не разгибая спины. И вдруг слышу голос: «Нюрка, мы тебе помочь пришли!»

Оказывается, мама встретила Груню Тарашеву. Та спросила: «Что, тётя Анисья невесёлая?» Мама рассказала, в чём дело. А девки уж праздновать Казанскую начали. Живо Груня организовала: «Берите, девки, серпы, поможем Нюрке!» А я их за ангелов приняла.

Быстренько дожали и с песнями отправились домой.

Теперь у нас был хлеб и картошка. Настроение улучшилось. Отец работал не покладая рук. Жить стало веселее.

Вспоминаются зимние вечера. Папа и Шура тянут проволоку, я шью или вяжу (сама шила папе шубу). Мама что то штопает. Вдруг папа своим приятным небольшим тенорком запекает песню — мы подхватываем.

Я в это время училась в школе, активно участвовала в работе клуба. Шура стал активно агитировать меня вступить в комсомол. Смущало то, что комсомольцы — безбожники, но всё же я решилась. Стала активной комсомолкой и постепенно стала безбожницей. Отец и мама меня не ругали.

В 1923 году я кончила Безводнинскую семилетку и поступила учиться в Борисово-Покровскую школу (за 25 вёрст).

Летнее утро

Настойчивый стук засова о железную дверь кладовой заставил проснуться. Но так не хочется вставать! Надеюсь, может, Таёнка первая встанет. Повертываюсь на другой бок и стараюсь поглубже зарыться в постель. Но тут раздаётся голос папы:

– Девчонки, пора вставать, скоро солнце взойдёт. Открывайте!

Надо вставать.

Утренняя прохлада охватывает всё тело. Скорее бежать в избу! Наскоро умываемся и начинаем обувать лапотки. Лапти у нас маленькие, аккуратненькие. Чтобы обуться, нужны специальный навык и сноровка. Но нам не впервые: аккуратно наворачиваем портянки, затягиваем верёвочки. Настроение сразу поднимается. Выпиваем по чашке молока, заедаем его ржаным хлебом и, захватив серпы, отправляемся в поле.

Надо спешить, чтобы, пока не жарко, выжать намеченный папой участок.

Идём задами мимо гуляк. Роса смачивает ноги, прохладно. Идём молча, ещё не совсем освободившись от сна. Но вот розовая полоска на востоке начинает разгораться. Лучи ещё не показавшегося солнца прорезывают облака, окрашивая их всевозможными оттенками красно-оранжевого цвета. Приветствуя солнце, запекает жаворонок. Сердце наполняется радостным чувством. Такие чувства никогда впоследствии, живя в городе, уже не испытываешь.

Но вот и наша полоска... Рожь высокая, зрелая, с полными колосьями, как будто ждёт, когда придут жнецы и начнут собирать её в тяжёлые снопы.

Срезав первые колосья, делаем пояса и начинаем жать, стараясь быстрее связать первый сноп. Радостное чувство не покидает нас. Жаворонок – этот певец жниц – заливается в небе. Хорошо!.. Обгоняя друг друга, жнём, стараясь побольше нажать. Работая, сыпем шулки, поём частушки.

Но солнце поднимается всё выше и выше. Тень, такая длинная вначале, становится всё короче и короче. Припекает. Начинает ныть спина. Руки двигаются уже не так быстро.

Взоры невольно обращаются туда, к селу, где через большой овраг виден наш сад, огород и двор. Хочется присесть в межу. Но нет – надо жать, надо выполнить норму. Продолжаем жать, но уже меньше болтаем, уже не поём.

Снопы, как сражённые солдаты, разбросаны по полоске. Чтобы дать отдохнуть спине, начинаем складывать снопы в бабки. Связав три снопа, ставим их, а вокруг приставляем к ним другие снопы, колосьями вверх. Покрывается бабка двумя снопами, которые связываются между собой.

И вдруг – радостный крик Таи:

– Нюрка, смотри, шест!

Да, действительно: над нашим двором торчит шест, на котором развеивается старая папина тужурка. Освещённое утренним солнцем, всё это так ясно видно. Ура! Это сигнал, чтобы мы кончали работу и шли домой завтракать.

Быстро заканчиваем сбор снопов в бабки, набираем для мамы букет васильков (она их очень любит) и, забыв об усталости, весёлые, направляемся домой. Сняв лапти, шлёпаем босыми ногами по пыльной дороге и, перекликаясь с жаворонком, громко запеваем свою любимую песню «На Муромской дорожке».

Арест отца

В ночь на 26 декабря 1937 года в дом моего отца, колхозника села Безводного Кстовского района Горьковской области Шестерикова Измаила Фёдоровича, явились представители органов НКВД и сделали обыск. Во время обыска зачем-то разломали печь. При обыске ничего не нашли, забрали старика-отца и ушли. С тех пор мы об отце ничего не знаем: где он, жив или нет, в чём его вина? Пропал человек.

Дома осталась больная старуха-мать (ей уже 66 лет) и двое инвалидов – сестра Ольга и брат Шура, которые без посторонней помощи не могут даже умыться (расстройство нервной системы в связи с перенесённым в детстве воспалением головного мозга). Остались одни в самые холода с разломанной печью. Остальные дети живут в разных местах Советского Союза и имеют свои семьи. Но самое главное,

что все соседи и даже родные отвернулись от них. Даже мы, дети, живущие вдали от отца, и то почувствовали изменение отношения к нам. Особенно досталось младшему брату Павлуше, который работает радиотехником в г. Сталинграде.

Отца нет до сих пор. Что он сделал, как отнестись к этому...

Воспоминания сестры Надежды Алексеевны Ососковой

Мама рассказывала, что ночью, незадолго до ареста, в избу Шестериковых постучались в окно. Женщина, обмотанная платком так, что не узнать лица, сообщила, что сейчас придут за Измаилом Фёдоровичем, чтобы он срочно уходил в другую деревню. Дедушка не поверил, так как не видел за собой никакой вины и очень доверял советской власти.

Со слов тёти Таи, печку полностью не развалили. На печи лежала сестра Ольга, в руке которой были зажаты золотые вещи: браслет, серёжки и часы в виде кулона. Солдат отнял эти вещи и согнал её с печи. А когда отца уводили, он умолял офицера вернуть их, так как семья оставалась совершенно без средств к существованию. Офицер пожалел инвалидов и приказал солдату отдать золото.

Я видела эти золотые вещи в 1955 году, когда мы переехали в Орехово-Зуево и поначалу жили в общежитии пединститута.

Браслет был из дутого золота (самоварного) в виде толстой, приблизительно 7 мм, якорной цепи, а сбоку висели два дурых сердечка. Серёжка уже была одна, с маленьким красным камешком. Вторую серёжку мама обменяла во время войны на продукты. Часы-кулон в виде овального медальона:

открывалась створка с помощью защёлки, циферблат был с римскими цифрами. Часы не ходили.

Вскоре же папа тайком отвёз эти вещи в Москву в скупку, а на полученные 40 рублей купил маме наручные часы в виде кирпичика. Мама так и не простила папе этого поступка, но ничего не вернёшь! Часы эти потеряла Вера, да они уже ничего и не стоили.

В 60-е годы мама много писала во все инстанции, чтобы узнать о судьбе дедушки, и добилась его реабилитации.

Ещё она рассказывала, что в конце войны к бабушке приходил незнакомый мужчина и сообщил, что был в сибирских лагерях вместе с Измаилом Фёдоровичем Шестериковым. В 1943 году они были вместе отпущены, конечно, без денег на дорогу. Так как дедушка был старенький и очень истощён, то по пути к дому он умер.

Бабушка Анисья Никитична умерла 19 марта 1945 года.

P. S. Как оказалось позже, рассказ про смерть нашего дедушки — это была семейная легенда.

Дед был расстрелян 10 января 1938 года.

Письмо в редакцию радиопередачи
«Рабочий полдень»

Дорогая редакция!

11 февраля нашей маме, Ососковой Анне Измайловне, исполняется 70 лет. Нашу маму очень уважают и любят все, кто её знает. Она тактичная, спокойная, рассудительная, мудрая женщина. Соседи часто приходят к ней с горем и радостью, а чаще всего – за советом.

Наша мама – удивительный человек. Эта маленькая, хрупкая женщина до сих пор сохраняет энергию и деловитость комсомолки двадцатых годов. Глядя на маму, нам и сейчас нетрудно представить белокурую, голубоглазую Нюру Шестерикову – неугомонную, общительную, с немеркнущим огоньком в душе. Именно такой встретил и полюбил её наш отец, Алексей Ососков, когда в 1925 году пришёл учиться по путёвке комсомола в Нижегородский университет. И рука об руку пошли они вместе по жизни, деля все радости и горести, воспитывая детей, а затем и внуков.

Наш дом был открыт всем. За одним столом с нами делали уроки, ели, пили дети из неблагополучных семей – те, кого называют в школе «трудными». В нашем доме они учились любви, впервые почувствовали заботу о себе, ощущали себя равными.

А новогодние ёлки! Мы теперь рассказываем своим детям, что за чудесные новогодние представления с помощью нашей мамы мы устраивали для детей нашего двора.

Наша мама не переносит безделья. Сама вечно в хлопотах, она и в нас воспитывала любовь к труду. Кроме того, она никогда не запрещала нам заводить кошек, собак, морских свинок, черепах, цыплят, кроликов, птиц. Сама руководила тем, чтобы мы правильно ухаживали за ними. Испытывая огромную любовь к природе, она и нас приобщала к работе

по оформлению клумб возле дома, посадке и поливке деревьев и кустарников во дворе.

Благодаря маме мы все хорошо учились. Во все годы каждого из нас она была неизменным членом родительского комитета.

Жизнь сложилась так, что маме пришлось уйти с работы (а по специальности она – учитель истории и географии). Поэтому все свои душевные силы, всю свою жизненную энергию она отдавала и отдаёт прежде всего семье: мужу, детям, внукам.

Огромную, самозабвенную помощь мама всю жизнь оказывает нашему папе – профессору педагогики. Путь от рядового преподавателя через защиту двух диссертаций, через написание монографий и статей она прошла вместе с ним. Маме часто приходилось быть и редактором, и корректором, и цензором, и личным секретарём-машинисткой.

Нас у родителей четверо: брат и три сестры. Все давно взрослые, имеют свои семьи, все получили высшее образование, уважаемые на работе люди. Но, где бы мы ни были, 11 февраля нас всегда тянет в родительский дом, чтобы поздравить дорогую маму с днём рождения, пожелать ей здоровья, счастья и поблагодарить наших родителей за всё, что они нам в жизни дали.

Дорогая редакция, мы очень просим исполнить для нашей мамы в ближайшей передаче песню Колмановского «Наши мамы».

*Сестры Наталья, Вера и Надежда Ососковы
г. Орехово-Зуево
февраль, 1976 г.*

«Наши мамы» – песня
Э. Колмановского на стихи
И. Шаферана, исполняет
М. Кристалинская

«Спасибо тебе, дорогая»
– песня Я. Френкеля на
стихи М. Матусовского,
исполняет И. Кобзон

Послесловие

Передачу эту мама с папой услышали по радио, будучи на отдыхе в подмосковном Доме отдыха «Литвиново». Было три часа дня – послеобеденное время. Прочитали наше письмо, далее сказали, что для Ососковой Анны Измайловны исполнят песню «Спасибо тебе, дорогая» (не ту, которую заказывали). И... радио отключили на тихий час.

Маме потом очень не терпелось послушать эту таинственную песню «Спасибо тебе, дорогая». Но так и не удалось!

А мы в это время были на работе, и никто из нас эту передачу не слушал.

Глава 3. Саранск, 1938–42. Военное детство. Поездка в Горяшу. Табак

Мама с папой переехали и обживались в Саранске, где папа устраивался на работу в пединститут¹⁶ – по-видимому, уже после защиты, так как гордо звал себя доцентом. Отец был очень тщеславным человеком, скажем прямо. И у него это было просто пунктиком – то, что он, крестьянский парень, защитил диссертацию и получил звание доцента. Для него это было очень важно. Поэтому он даже в семье подчёркивал такие вещи, говоря: «Недаром я стал доцентом».

Меня в Саранск, в квартиру из двух комнат на втором этаже каменного, бывшего купеческого дома на улице Володарского¹⁷ привезли уже в самом конце лета 1938 г. Чтобы я не пачкал стену, возле моей кровати родители повесили огромную географическую карту мира. Я лежал рядом с Антарктидой – и это было замечательно. Я выучил земли Беллинсгаузена и прочие хитрые имена. И географию, в каком-то смысле, изучал – просто лежал и смотрел вокруг.

16. В 1931 г. создавался как Мордовский агропедагогический. Был ориентирован на подготовку преподавателей школ колхозной молодежи. В 1931 в рамках сталинской школьной реформы преобразован в педагогический. В 1939 в институте имелась 31 вакансия – след волны репрессий 1937-1938 гг. Одну из этих вакансий занял Алексей Ососков.

17. Улица Володарского в Саранске – до 1918 г. 1-я Троицкая. Преподавателю пединститута Алексею Ососкову было два шага от дома до работы. Пединститут находился по адресу ул. Володарского, 22.

Папа всё время пропадал на работе. Было ещё жарко, и мама работала по дому без платя. Помню, как я удивился, увидев её большой живот: через два месяца она родила сестру Наташу. При мне родители обсуждали имя. Почему-то Наталья Ростова каким-то образом участвовала в выборе имени – так же, как Наталья Николаевна, пушкинская. Вообще это фантастика, на самом-то деле: как классика влияла тогда на жизнь. Сейчас по-другому.

Всё внимание родителей сосредоточилось на сестре. О чем я не очень переживал, так как к тому времени уже учился в первом классе школы. Школа располагалась близко – на углу нашей улицы. Папа отвёл меня туда, познакомил с учительницей и ушёл на работу, оставив осваиваться самостоятельно. Я вырос свободным человеком, не обременённым неуклонной родительской заботой.

В классе был почему-то довольно разный состав по возрасту. Помню великовозрастных каких-то второгодников, совсем больших. Я немножко томился пребыванием в этом коллективе – мне было скучно. Там учили считать и писать. А я уже вовсю и читал, и писал печатными буквами. Когда от меня стали требовать чистописания, чтобы я выводил все эти прописные буквы, у меня не получалось. И это было довольно долго моим бичом. Причём, на самом деле, очень долго – пока не появилось черчение. Именно «пиши по ГОСТу» от чертёжника заставило меня научиться правильно выводить буквы и исправило мой почерк. До тех пор меня за это дело клеймили. Мне ставили плохие оценки, и родители меня за них ругали.

Ругали и даже выпороли меня в первый раз в жизни за гораздо более страшный проступок – и наказывать меня

было за что. Мальчишки с нашего двора подбили меня на воровство моркови из овощного склада на первом этаже того купеческого дома, где мы жили. Окна были зарешечены, но я тогда был страшно тощий и в эти решётки легко пролезал. Меня просунули внутрь, аккуратно поддержав за руку, на гору моркови и попросили передать им наверх самые хорошие морковки – что я и делал, когда всё это увидели прохожие.

Мальчишки с морковью убежали, меня сторож выпустил через дверь склада и за руку отвёл к родителям. Отец был очень раздосадован и прочёл мне лекцию о моральном облике меня как мелкого жулика, дискредитирующего его, доцента института, своим постыдным поведением. Потом они долго спорили за закрытой дверью о том, как меня наказать.

И вдруг вошла мама с ремнём и стала меня стегать им по попе. Штаны не снимали, очень больно не было, но было ужасно обидно: я привык доверять старшим. Мальчишки как-то убедили меня, что имеют права на эту морковь, и я совсем не понимал, почему наказывают именно меня, а не их.

Более радостные воспоминания связаны с нашими с папой лыжными прогулками по улицам Саранска, которые мы делали следующей снежной зимой в ясные лунные вечера после папиной работы. Папа шёл впереди, я попевал за ним по хрустящему, искрящемуся снегу – всё было как в сказке в голубом лунном свете. Увы, таких волшебных прогулок с папой было всего две или три: он был занят, да и погода испортилась.

Начало войны я помню очень ярко. 22 июня 1941 года было воскресенье, и папа, к моей радости, предложил пойти погулять в городской парк культуры и отдыха, расположенный за рекой Саранкой.

День был очень жаркий. Мы гуляли по парку. Мне разрешили покататься на карусели. Купили мороженое. И вдруг громко заговорило радио. Люди стали передавать друг другу, что выступал Молотов. Он сообщил, что на нашу страну вероломно напала фашистская Германия. Немцы бомбили Киев и другие города. Началась война.

И тут вдруг разразилась страшная гроза. Дождь лил потоком, по улицам бежали глубокие ручьи. Мы все вымокли и, сняв обувь, побежали домой.

Все тогда были в полной растерянности. Так недавно мы все с восторгом (я – в особенности) ходили смотреть фильм «Если завтра война», где наши самолёты громили врага на его территории, а ведомые маршалом Ворошиловым танки давили жалких вражеских солдат.

Кроме того, совсем недавно во всех газетах писали о «Пакте о ненападении», заключённом между СССР и Германией, – страна стала считаться дружественной. Папа любил вечерами в семье комментировать эти новости, одобряя мудрую политику Сталина. А теперь всё оказалось не так – да и от Сталина не было вестей недели две.

У нас было в доме радио – такой чёрный конус¹⁸. Мы теперь жадно слушали его, ожидая вестей о быстрой победе, какую сулил нам фильм «Если завтра война». Но вместо этого говорилось о бесконечном отступлении наших войск, сдаче городов и о зверствах фашистских оккупантов: они бомбили поезда с беженцами и насиловали несовершеннолетних девочек в захваченных городах. Я тогда понимал слово «изнасиловать» как заставить силой работать. Но тут же ребята во дворе объяснили мне его ужасный смысл.

Мне ещё запомнилось, как сразу же после объявления войны ночью забрали нашу соседку – добрейшую учительницу немецкого языка, немку Тиршиц¹⁹. Двери были распахнуты. Мы зашли к ней в квартиру и увидели разбросанные повсюду книги на немецком языке. Стихи Генриха Гейне и пьесы Бертольда Брехта, затоптанные сапогами НКВДшников. Я их подобрал и долго потом хранил у себя, пока родители не выбросили их при каком-то из переездов.

Война принесла много неприятных перемен в нашу жизнь: отключили свет; окна заклеили крест-накрест бумажными полосами и плотно зашторивали их на ночь; ввели карточки; из магазинов пропали продукты в свободной продаже – даже за хлебом надо было стоять в длинных очередях.

В летние месяцы сразу после начала войны меня в первый раз свозили на родину папы – в село Старые Горяши Краснослободского района²⁰. Это было очень знаменательное для меня событие, так как я познакомился тогда со всей папиной роднёй, узнал многое о своих предках по этой линии и о том, как жили тогда в предвоенной деревне. Меня поселили в том самом доме, где рос отец, – и теперь жила семья его старшего

18. Согласно статистическому сборнику «Связь СССР за 50 лет» к 1940-му году в СССР насчитывалось 6976 радиоприемников и репродукторов. На протяжении 1930-х, по замечанию историка С. Ловелла, радио стало самым распространенным средством коммуникации для советских граждан. Радиовещание в прямом эфире оперативнее газет распространяло информацию, обеспечивало более свободный доступ к ключевым событиям эпохи в пределе от запусков первых стратостатов и встречи челюскинцев до показательных судебных процессов 1936-1938 гг. и Гражданской войны в Испании. См. Lovell S. Russia in the Microphone Age. A History of Soviet Radio, 1919–1970. Oxford Univ. Press, 2015.

19. К концу 1930-х гг. в СССР насчитывалось полтора миллиона этнических немцев. Переселение немецкого населения из Среднего Поволжья, где находился Саранск, в Сибирь и Казахстан началось к началу третьего месяца войны – 28 августа 1941 г. Однако настороженное отношение к немецкому населению Советского Союза нарастало на протяжении предвоенного десятилетия.

20. Село Старые Горяши (оно же Крутая Горяша), в середине 1930-х центр сельской администрации Краснослободского района Мордовской АССР. В 1930 году образован колхоз «Выдвиженец», председателем которого стал П. Ососков. Сегодня на странице в Википедии среди выходцев из села, связавших себя с наукой, упоминается ученый А.В. Ососков

брата Николая: он сам, его жена Мария и дети Аня и Коля. Аня была постарше, летом работала в колхозе, а с ровесником Колей мы быстро подружились и много времени проводили вместе, бегая по деревне с другими мальчишками и купаясь в речке Мокше.

Выяснилось, что в деревне семью отца зовут «по-уличному» не Ососковы (таких было полдеревни), а Олькины, в честь кого-то из предков. Папина мама, Мария Петровна, была ещё жива. Она активно вела хозяйство в доме папиной старшей сестры. Тётя Дуня в те годы была партийной активисткой. Она работала председателем сельсовета и на других руководящих постах, совершенно не успевая заниматься домом и семьёй. Мужа, горького пьяницу, она выгнала. А сын её, Петька, вырос хоть и без отца, но тоже спился.

Всего бабушка Мария Петровна родила 12 детей, но к тому времени в живых оставалось только шестеро: дядя Афоня (первенец); тётя Дуня; дяди Николай и Андрей (их дома были на параллельных улицах, но смыкались огородами, так что жена Андрея частенько меня звала на малину или пироги); потом была тётя Аня, жившая в другой деревне – Усаде (с ней позже, после войны, близко познакомилась моя сестра Вера); последним, «поскрёбышем», родился Алёша – наш папа.

Моего деда Василия Ивановича Олькина я уже не застал в живых, но со слов отца знал, что он был крепким, рыжебородым, достаточно зажиточным мужиком (иначе он не смог бы дать образование первому и последнему из своих сыновей). Тем не менее он принял Советскую власть и без колебаний одним из первых вступил в Горяшинский колхоз в 1930 г.

*Ососковы. Горяша, 1929 г.
Сидят слева направо: Мама Анна, старший брат Афанасий с племянницей (дочкой другого брата Андрея) на руках, Бабушка Мария Петровна в внучкой Анютой (дочкой брата отца Николая, его нет на фото), муж папиной сестры Анны с дочерью, брат отца Андрей (двое мальчиков внизу – дети Дуни и Андрея).*

Стоят: папина сестра Авдотья (тётя Дуня), отец Алексей, его сестра Анна, жена дяди Андрея Вера и их дочь Шура

Дед и бабушка Олькины

Семья Ососковых в Саранске, 1940 г.

В начале войны колхоз ещё держался. На трудодни осенью выдали какую-то малость и, главное, не запрещали колхозникам иметь коров и приусадебные участки, дающие им пропитание. Была корова и в доме, где я жил, так что я узнал, как доят корову, чем её кормить и как пасут скот. Эти знания мне очень пригодились через несколько лет в войну. Но в общем-то деревенская жизнь мне не очень понравилась, показалась трудной и скучной. Я был очень рад вернуться к нормальной жизни в Саранске.

После рождения маленькой Веры, которой не хватало мамино молоко, мама каждое утро посылала меня за коровьим молоком куда-то за несколько кварталов. Четвертинка молока стоила 5 рублей – синяя банкнота с лётчиком на ней²¹. Обменяв деньги на четвертинку, я бежал домой. Если наливали под пробку, отпивал глоточек вкусного молочка. Мне давали вылизывать тарелки с манной кашей, недоеденной сёстрами. До сих пор я эту манную кашу-размазню очень люблю.

Узнав от ребят во дворе способ незаконного получения слабенького электрического света для настольной лампы, я быстро наладил это и в нашем доме. Подключал один провод к сети, а другой – к заземлению. Освещение мне было нужно, чтобы читать и готовить уроки. Учиться мне нравилось. Всё давалось легко.

В третьем классе я сидел за одной партой со скуластой девочкой Элей Березкиной из нашего двора, расположенного прямо напротив школы. Потом, после возвращения обратно в Саранск из эвакуации в город Темников (куда папу перевели, так как здание пединститута отдали под военный

госпиталь), нас поселили в другой квартире институтского городка. Мы оказались соседями дверь в дверь с Березкиными – и наше знакомство продолжилось.

Вспоминаю один эпизод, связанный с папиной привычкой много курить. Чтобы удовлетворять эту привычку в военные годы, пришлось посеять табак в палисаднике около нашего крыльца. Табак вырос большими лопушистыми листьями и весело цвёл, а осенью папа его срезал и повесил сушить в коридоре. Потом он оборвал с него листья и накрошил из них табак, который и курил потом целый год. Табачные стебли остались висеть на стене после его отъезда в Темников, куда пединститут был временно переведен, освобождая место для эвакогоспиталя²².

В это время мы в школе писали перьевыми ручками. Причём высший шик было иметь такую ручку-вставочку в виде трубки, в которую с разных концов вставлялись ручка и карандаш. Кроме того, сама трубочка отлично подходила, чтобы из неё прицельно плевать жеваной бумагой. Так что такие ручки были в большом дефиците. И вдруг они появились в местном книжном магазине. Жадный директор магазина, в стиле принятого в то время принципа принудительных продаж (когда дефицит продавался только вместе

21. Пятирублёвый казначейский билет СССР образца 1938 г. (выведен из обращения в ходе денежной реформы 1947 г., создан по эскизу главного художника Гознака И.И. Дубасова) отличался синим цветом печати на аверсе с изображением советского лётчика с парашютом на фоне самолёта. На аверсе также присутствовали герб СССР образца 1937 г. и цифровой номинал, по центру – надпись прописью «Пять рублей». Тематическими героями банкнот этого выпуска стали анонимные представители трудовых профессий. Выбор лётчика в качестве центрального образа высшего номинала новой серии денежных билетов отражал место лётчиков в символическом пространстве сталинской эпохи и был реакцией на трансконтинентальный перелет Чкалова в 1937 г.

22. Эвакогоспиталь № 3051. Дислокация в Саранске с 20.07.1941 по 01.08.1944 г. размещен в здании пединститута. Рассчитан был на 1000 коек-мест. Начальник госпиталя майор Шульц Ф.Я.

с каким-нибудь залежалым товаром), начал продавать эти ручки вместе с деревянными трубками, выточенными из осины на местном деревообрабатывающем комбинате. Трубки эти лежали с довоенных времён – их никто не хотел покупать. Ручка стоила 30 копеек, трубка – 3 рубля. Всё это было мигом раскуплено школьниками, которые сразу же начали опробовать и принудительно полученные трубки. Закурили все – и я тоже решил обкурить трубку, чтобы потом подарить её папе, когда он вернётся.

Табак я получил, изрубив в крошку табачные стебли из коридора. Набил эту ужасную смесь в трубку и начал раскуривать. Она никак не раскуривалась, так что пришлось мне достать из печи уголёк, положить сверху и начать активно всасывать дым. Это длилось долго – я в это время решал задачи по арифметике. Запах табачного дыма мне не нравился, но я упорно дымил и даже пытался затягиваться, выпуская дым из ноздрей. Потом мне стало нехорошо. Затошнило. Окончания этого опыта с первым курением не помню. Я сильно отравился. Потерял сознание. Мама нашла меня лежащим на полу с трубкой в руках. Я проболел два дня. С тех пор у меня стойкое отвращение к табачному дыму. Я больше никогда не пробовал закурить. Потом, когда в университете я начал заниматься спортом, искушения не возникало. Так я и не курю до сих пор.

За то время, пока папа был в Темникове, а мы с мамой ещё не уехали, я любил ходить в госпиталь. Выяснилось, что я умею петь тоненьким звонким дискантом все песни той военной поры: «Синий платочек», «Грустные ивы» и частушки о злключениях тупых немецких солдат – типа:

«Получил наш Фриц из дома
Мокроступы из соломы,
А пока он задремал,
Чей-то мерин их сожрал».

Меня ставили на стул, и я пел раненым эти песни. Они слушали со слезами, а потом тискали меня, гладили – и никогда я не уходил из госпиталя без котелка с борщом и свёртка с ломтями хлеба.

Там была и художественная самодеятельность. Выздоровливающие солдаты и офицеры играли в патриотических спектаклях. Я был первым зрителем на всех репетициях и помогал им изготовить необходимый реквизит – деревянные пистолеты. И даже раз выстругал маленькую винтовку со штыком, которая также использовалась на сцене.

Глава 4. Темников–Саранск, 1942–45. Военное взросление: выживание в Мордовии. Изготовление оружия

Освобождая место для эвакогоспиталя, папа осенью 1941 года вместе с пединститутом отправился в Темников²³. Не сразу, но мы с мамой последовали за ним. В Темникове мы поселились в деревянном доме недалеко от кладбища, так что всех городских покойников проносили мимо наших окон. В годы моей жизни в Темникове произошло событие, примечательное для всего города. В город прикатил скульптор Герасимов, который умел на научных основаниях реконструировать портрет человека по его черепу. И вот в годы войны, когда была учреждена медаль Ушакова, то оказалось, что имеется две его живописных портрета, на которых лица разнятся. И вот тогда вспомнили, что около Темникова, на другом берегу реки Мокши есть посёлок Санаксарь и бывшее имение Ушакова, на кладбище которого он покоится. Приехав туда, Герасимов обнаружил, что кладбище заброшено, а могильный памятник используется как пресс для засолки огурцов в местном совхозе. Могила была вскрыта, поскольку был слух, что адмирала хоронили в золотом венце. Гробокопатели здорово попортили там

всё. Тем не менее, череп сохранился. Когда Герасимов добыл этот череп, то устроил для городской интеллигенции лекцию о своём методе, в ходе которой держал этот череп в руках. Я на лекцию, конечно, прибежал и даже подержал ушаковский череп в руках. Из него песок сыпался. И золотой венец был, правда. Но он был такой, из фольги или позолоченной материи. Герасимов нам долго рассказывал, как всё это получается. Я был очень впечатлён и следил долго за судьбой ученого-реконструктора и его произведениями. Это было очень интересно. И когда через 50 лет я приехал в Темников, то попросил меня сводить на могилу Ушакова. Ее привели в порядок. А медаль в своё время была учреждена. На ней был выгравирован портрет, который восстановил тогда Герасимов по черепу.

За водой приходилось ходить на реку Мокшу – за километр от дома. Огромная русская печь, занимавшая всю середину дома, обогревала его, и на ней готовилась пища. Летом не топили – выручала керосинка. Освещение было от керосиновой лампы и двух коптилок – пузырька с керосином, куда вставлялся фитилёк, светивший как свечечка. Чтение и готовка уроков при коптилке ночными вечерами за эти годы (когда мне

23. Во время Великой Отечественной войны г. Темников (В 1934–1990 гг. районный центр Мордовской АССР) стал одним из пунктов приёма населения, эвакуированного из западных и центральных областей СССР.

было 12–13 лет) на всю жизнь испортили мне глаза и скривили спину.

Хлеб, который нам скудно выдавали по карточкам, я вначале не мог есть, так как в нём всегда был мелкий песок, страшно скрипевший на зубах. Голод – не тётка, и мы довольно быстро приучились есть этот хлеб, не дожидая челюсти до конца.

Папу мы видели мало, так как он много работал в институте и занимался общественной деятельностью: читал патриотические лекции в городе и окрестных деревнях. Не досыпая, написал брошюру «Фашизм – смертельный враг народного образования»²⁴, всячески одобренную в партийных кругах. Пробивая строительство и снабжение института, он очень хорошо вписался в городскую советскую и партийную власть, был всюду вхож и выделялся своим местным происхождением и интеллигентностью. Поэтому к какому-то празднику его наградили медалью «За трудовую доблесть». Его пригласили на торжественное заседание, и там, неожиданно для него, вручили правительственную награду.

Мне это запомнилось потому, что на последующем за вручением банкете отец от радости напился так, что не мог идти. Его с трудом доставили домой знакомые где-то в час ночи, бессвязно поющего частушки и с разбитыми часами на руке. Часы были красивые, дореволюционные, знаменитой фирмы «Павел Буре». Он разбил стекло, потерял стрелки и исцарапал циферблат. На другой день отец был очень смущён, страдал от похмелья, а мама его всячески стыдила. Должен сказать, что всё это подействовало. Потом я его никогда не видел в таком состоянии, хотя выпить он любил. Часы удалось починить.

Он их носил долго, пока не подарил их мне по случаю моего поступления в университет. Сам он носил «Победу», которой его премировали после войны.

Однажды осенью, вскоре после нашего приезда в Темников, папа узнал, что в окрестном лесу полно грибов, и отправился туда со мной. Оказалось, что, несмотря на свое сельское происхождение, он с детства так много времени отдавал учёбе, что за грибами никогда не ходил. Он решил брать всё, что попадалось, а я от него не отставал. Мы быстро наполнили огромную корзину и с гордостью принесли её домой. Маме пришлось потом выкинуть большую часть собранного, так как это были поганки. А я хорошо запомнил этот урок и научился отличать хорошие грибы от несъедобных. Эта грибная эпопея повторилась затем ещё раз на следующий год. Я очень чётко объяснил папе, какие грибы можно брать, и следил, чтобы он не ошибался. В тот год был необыкновенный урожай маслят, и мы принесли их несколько вёдер.

Мама лежала с высокой температурой и не могла проследить. Не спросив её, как заготавливать эти маслята, мы решили часть пожарить, а остальные – засолить. Жареные были вкусны, а отварить грибы перед засолкой мы не догадались. Мы засолили бочку маслят, тщательно отмыв их от песка и даже сняв шкурки

24. Ососков, А.В. Фашизм -- смертельный враг народного образования. Саранск: Мордгиз, 1942. 39 с.

со шляпок. Потом ждали, пока выздоровевшая мама не скажет, что теперь они готовы. Достав из бочки студенистую массу, мы начали есть её с картошкой. Слава богу, я был слаб на желудок — и меня начало рвать сразу же после еды. Папе, съевшему меньше меня, было ещё хуже. Ему пришлось промывать желудок. Пока мама сообразила, в чём дело, папа сгоряча вывалил в лопухи за забор всю кадушку, где, кроме маслят, было полно груздей и волнушек, которые выглядели вполне прилично. Наблюдавшая за этой сценой соседка-мордовка, ничего нам не сказав, подобрала злосчастные грибы и отварила их. Потом её семейство с удовольствием их ело, приговаривая: «Мордовское брюхо всё переварит». Так я усвоил урок о том, как и какие грибы надо заготавливать.

Как выяснилось в те годы, папу как-то не научили вести хозяйство. При всём своём интеллекте и умении говорить и писать он и гвоздя в стенку не мог забить. А когда зимой его забрали-таки в армию, хозяйственные дела свалилось на мои худенькие плечи. Мама ухаживала за сестрёнками, готовила еду и обстирывала всех. Я ходил на Мокшу за водой, рубил дрова, занимался сельским хозяйством, пас скотину, которая к тому времени у нас завелась, и добывал пропитание, подворовывая колоски и горох на убранных колхозных полях.

Ещё до папиного ухода в армию мама завела козу Белку, чтобы получать молоко для сестрёнок. А потом папа уговорил кого-то из своих новых руководящих друзей передать нашей семье на время корову из огромного стада, которое своим ходом пригнали из оккупированной немцами Смоленской области и разместили по соседним колхозам. Поход в колхоз, куда пригнали этих истощённых дальним переходом

коров, мне запомнился очень хорошо. Морозным ясным днём мы с папой, запасшись документом на получение одной коровы, отправились пешком за 8 км за реку в этот колхоз. Председатель колхоза тоже был папин знакомый, поэтому, добравшись туда, папа довольно быстро управился с бумажной волокитой. Нас привели в стадо мычащих, недоёных и голодных коров и предложили выбирать.

Помню, как папа совещался со мной, по каким признакам надо выбирать корову. В конце концов мы с ним выбрали смирную коричневую бурёнку — комолую (то есть без рогов, чтобы девочек не забодала), не самую худую и с заметным выменем. У нас были деревянные санки. Мы положили туда купленный в том же колхозе мешок картошки, покормили Комолку (как мы её сразу назвали) хлебными корками, которые нам предусмотрительно дала мама, и, привязав её к санкам, отправились в обратный путь.

Уже стемнело, но вышла огромная светлая луна — так что было видно дорогу. Снег искрился в лунном свете и скрипел под полозьями. Папа рассуждал, как хорошо мы теперь заживём со своим молоком. Мы бойко шагали, как вдруг раздался вой — и мы с папой сразу поняли, что это волки. Все побежали, и корова тоже. Но мост через Мокшу оказался недалеко, а там — и город, и наш дом.

Мама завела Комолку в приготовленный угол сарая, напоила тёплой водой, накормила, погладила, приласкала и сумела в первый же вечер выдоить у неё почти два литра молока. Наша Комолка потом раздоилась и, можно сказать, спасла сестрёнок в ту голодную зиму. Весной она принесла нам телёночка, а Белка — двух козлят. Так что пришлось мне

научиться пасти скотину, сплести пастушеский длинный кнут, чтобы он громко хлопал и животные его слушались.

Кроме того, весной 1943 года нам под огород выделили 8 соток земли. Мы с мамой вскапывали её, засеивали половину просом, а на другой половине сажали картошку.

Картошку мне приходилось три раза за лето окучивать, просо — полоть от сорняков. Потом, когда мама его сжала серпом, я выбил зёрна на полене вальком, отвеял и отвёз на просорушку — это дало нам целый мешок пшена. Это было замечательно по сравнению с первой осенью, когда у нас ещё не было огорода и мне приходилось, рискуя быть либо обстрелянным солью, либо пойманным и осуждённым, собирать по сжатому полю колоски и горох. Несколько раз ползал я тогда по стерне с мешочком между ног, куда запихивал собранные колоски. Дома мы их растирали руками и отвеивали зёрна. Для помола которых мне пришлось соорудить ручную мельничку. Я от толстого полуметрового бревна отпилил два деревянных диска и вбил в них множество осколков от старых чугунных котелков и сковородок — так, что дерева было почти не видно. Получилось два жернова. В верхнем жернове я просверлил дырку для засыпки зерна и вбил сбоку деревянную ручку, чтобы его вертеть. Нижний жернов оббил по краям жостью, устроил носик для ссыпки муки — и мельничка была готова! За полчаса она намалывала муки на то, чтобы испечь оладышек на завтрак на всю семью.

Папино пребывание в армии, к счастью, оказалось недолгим: его, как имеющего учёную степень, забрали на краткосрочные офицерские курсы, где наскоро обучали командовать небольшим воинским подразделением — типа

батальона или роты. Как он рассказывал потом, после наспех прочитанных лекций по воинскому уставу им командовали: «Надеть шинеля, взять компаса!» — и гоняли по полю, объясняя премудрости командования солдатами в атаке и при отступлении.

По-моему, он так и не научился стрелять и с ужасом ждал отправки на фронт. Но вдруг обнаружилось, что в первый же год войны в московском ополчении погибла большая часть учёных страны со степенями. Высшее руководство вынуждено было издать спасительный для отца приказ о немедленном увольнении из действующей армии всех кандидатов и докторов наук.

Так что отец и не повоевал, но остался жив — в отличие от других младших лейтенантов, в обязанность которых входило бежать с наганом в руках в атаку впереди своего подразделения. Как потом рассказывал мне мой соученик в школе, лейтенант запаса Саша Комаров, они гибли тысячами или оставались калеками после тяжёлых ранений.

От пребывания в армии у папы остался на всю жизнь партийный билет: в училище новоиспечённых младших лейтенантов принимали в ВКП(б) в ускоренном порядке — даже, кажется, без кандидатского стажа.

Роль папы в нашей жизни мы очень хорошо оценили за те несколько месяцев, которые он провёл в армии. Мы лишились его кандидатского пайка, который иногда очень нас выручал. Я потерял более сильного партнёра по хозяйственным делам — типа разгрузки везов с сеном, распиловки на дрова толстых брёвен, которые папе (опять же благодаря его связям с местным руководством) регулярно

выписывали и почти даром привозили к нам во двор. Теперь, без папиных связей, наша многочисленная скотина осталась без сена, которое папа умел выписать у знакомых колхозных председателей.

Когда весной 1943 года запасы кормов у нас в сарае кончились, я начал ходить с санками по окрестным деревням и украдкой подворовывать сено из колхозных стогов. Один из таких походов чуть не стоил мне жизни. Мы пошли с мамой рано утром, до рассвета, взяв сани побольше. Где-то в пяти-шести километрах от дома увидели подходящий стог на другой стороне реки Мокши. Однако в оттепель лёд уже отошёл от берега. Я, оставив маму на этом берегу, решил перепрыгнуть с разбега прибрежную полынью. Лёд оказался тонкий — и я ухнул под воду. Помню свой испуг, когда я начал карабкаться на лёд, а он обламывался и обламывался подо мной. Как-то я всё же изловчился, выбрался мокрый на лёд и сумел-таки перепрыгнуть обратно.

Был утренний морозец. Я сразу начал обледеневать. Мама сказала, чтобы я бежал домой, а сама повезла санки. Я пробежал эти километры, позванивая ледяными сосульками на своей одежде, одним духом, и даже не простудился потом.

Весной нам пришлось вскопать под огородик ещё и небольшой участок во дворе нашего дома. Его нужно было огородить от скотины и соседских кур. На папину помощь рассчитывать не приходилось, и пришлось мне бегать с рассветом в соседний лесок и тайком рубить там длинные жерди, которые я по одной притаскивал домой, чтобы сделать скелет изгороди. Потом я уже, не таясь, нарубил несколько вязанок длинных прутьев и переплёл ими этот

скелет, получив отличную изгородь, непроницаемую ни для каких кур.

Кстати, о курах: была целая эпопея, в результате которой у нас появились ещё и куры с петухом. Первую рябенькую курочку с белым петушком мне вручили в качестве подарка, когда я уезжал из Горяши, где побывал ещё раз летом 1943 года. Но лучше рассказать всё по порядку.

Зимой, ещё при папе, к нам в Темников приехала из Горяши папина сестра, тётя Аня, которая очень хорошо помогала маме управляться по хозяйству. Она, в частности, предложила нам сушить все валенки, промокшие за день, в нашей русской печке ночью. Когда в печи отгребали жар, закрывали трубу — и в этом тепле валенки к утру высыхали полностью. В одну из ночей меня разбудил ужасный запах палёной шерсти, густой дым, заполнивший дом, и громкий плач-причитание тёти Ани: как-то получилось, что угли отгребли недостаточно далеко и валенки положили прямо на них. От всех валенок в семье остались одни голенища.

Купить сразу пять пар валенок в ту зиму было невозможно, да и очень дорого для нас. Утром мне надо было идти в школу. Мама сходила к мордовским соседям, и те выдали для меня маленькие лапоточки. Как с ними управляться, мама помнила ещё с детства. От старого одеяла мне оторвали две тёплых портянки-онучи. Мама показала, как их наматывать и как потом привязывать оборками к лаптям. Мне было интересно. Но когда я понял, что в таком виде мне придётся идти в класс, я засмутился. И не зря. Как я ни таился, придя попозже и пряча ноги под парту, одноклассники всё заметили и подняли меня на смех.

Больше в школу я в лаптях не ходил — только по хозяйству. Учиться, однако, было надо. И тогда папе пришла в голову идея. Он вспомнил, что на физкультурной кафедре института ещё с довоенных времён хранились коньки с ботинками, и попросил их для меня. Коньки оказались строго подотчётные. Так что дали их мне только под обещание от ботинок не отрывать и беречь. Вдобавок они были мне великоваты. Первое время, несмотря даже на лишнюю пару носков, ноги мои в голеностопах вихляли ужасно. Тем не менее, я в них явился в школу, предварительно объяснив завучу мои обстоятельства. Она разрешила. И до весны я выходил к доске с грохотом, к общему веселью. Зато через пару недель голеностопы мои окрепли, и я стал классно кататься на коньках. Это умение не забылось даже шесть лет спустя, когда на первых же соревнованиях по конькам в МГУ я сразу получил третий разряд на 500 метров.

Еще раз тётя Анюта приехала к нам во время летних каникул. Она предложила свести меня в Горяшу на лето — пешком, за 50 километров. Родители отпустили. И мы с ней, надев лапти уже с летними онучами, пошли по Мордовии — сначала в Краснослободск, потом в Горяшу.

Шёл я тогда легко, отдыха не просил, и за день мы весь путь прошли. То лето я провёл в доме тёти Дуни. В то время ей поручили руководить свинофермой. Для меня это было замечательное время, так как поросётам по утрам привозили большой чан с жирной простоквашей. Первым к этому чану допускали меня с половником — и я с наслаждением ел и ел эту восхитительную белую еду.

Днём я запоем читал книги из найденных на чердаке собраний сочинений Эмиля Золя, Виктора Гюго и кое-что из Мопассана. Рядом сидела за прялкой бабушка Мария Петровна,

пряла шерсть на зимние носки и тоненьким голосом пела все молитвы, которые помнила. Я их слушал впервые: сначала с интересом разбирал слова, а потом, слушая в десятый или двадцатый раз, просто запоминал — так, что помню до сих пор.

К нам тогда приходил совсем старый и опустившийся человек, которого все звали Учитель. Он и в самом деле был когда-то учителем церковно-приходской школы и учил моего отца, но теперь побирался. Когда он сидел и ждал, что его покормят, я с ужасом видел, как он ловит на себе вшей — но не убивает, а тихонько отпускает на пол. Мне потом объяснили, что он был толстовцем и держал зарок не убивать никого живущего. Не знаю, от этого или от чего-то ещё, но там я завшивел ужасно — до коросты на расчёсанном теле. Так что, когда меня привезли обратно в Темников, мама была в ужасе: долго прожаривала всё с меня, а потом залечивала мои болячки.

Меня провожали тогда из Горяши очень тепло: надавали с собой всякой еды и молоденьких курочку с петушком. Они были такие красивые и ручные, что я не давал их съесть — кормил, ухаживал, и они выросли. Курочка стала нести крупные яйца. Пришлось к ним подкупить ещё пару курочек — так что скотины у нас прибавилось.

О папе как о преподавателе и директоре Темниковского учительского института у меня остались довольно смутные воспоминания, так как он был очень занят своими обязанностями: дома бывал только вечерами и своими делами со мной не делился. Помню только совсем комический случай, когда живший в нашем доме ёжик забрался в рукав его рабочего костюма. При попытке надеть

пиджак папа укололся и очень рассердился — так как спешил на лекцию. Ёжик же растопырил иглы, и, как мы ни старались его вытащить, не хотел вылезать из рукава — даже когда мы стали лить туда воду. Папе пришлось уйти в другом костюме, а ёж, оправившись от шока, сам вылез через час.

Но преподавал папа отлично. Я получил тому свидетельство через 10 лет — уже во время учёбы на мехмате МГУ. Один из доцентов, член партбюро факультета В. М. Москвин, спросил, как зовут моего отца, и стал меня о нём расспрашивать. Он сказал, что во время войны был студентом Темниковского института и хорошо помнит папины увлекательные лекции по педагогике.

Когда я потом спросил у папы, помнит ли он Москвина, папа вспомнил, что тогда среди остальных студентов (все молодые ребята были в армии) училось несколько парней-инвалидов войны. Им было трудно учиться, так как за войну они забыли все школьные предметы. Но они были упорные ребята: усердно учились и, вдобавок, будучи членами партии, активно работали в партбюро, помогая навести порядок в обучении остальных студентов. Москвин был один из них — и самый способный.

Папа постоянно интересовался моими школьными делами, подписывал дневник и бывал в школе, где я учился. Учился я по-прежнему на отлично — в основном благодаря привычке с интересом слушать то, что нам объясняли на уроках. Память у меня была очень хорошая: я всё запоминал и потом запросто мог повторить при вызове к доске.

Свободного времени у меня было много, и, когда в школе организовали самодеятельный школьный театр, я принял в нём деятельное участие. Пьесы нам предлагали

исключительно на военно-патриотические темы: партизанское сопротивление немцам и так далее. Глупых немцев никто не хотел играть, и, чтобы не сорвать затеянное, я брался и за эти роли. Немцы в моём исполнении получались, однако, не глупыми, а хитрыми и коварными. С этими постановками мы ездили по окрестным сёлам. На концертах я также пел свои военные песни и частушки. После наших выступлений взрослые агитировали колхозников подписаться на военный заём или отдать свои деньги ещё куда-нибудь для фронта.

Помню, как однажды на базаре, где мы с мамой покупали картошку, у мамы не хватало денег — и дочка крестьянки, продававшей картошку, вдруг сказала: «Мам, уступи этим, больно этот мальчик хорошо поёт».

В свободное время я занимался не только хорошими, но и плохими делами: была война, и все мальчишки грезили оружием. К тому времени на летней производственной практике я прошёл обучение началам столярного и слесарного ремесла. Я умел работать пилой и рубанком и даже мог выточить нож-финку из отпущенного, а потом мною же закалённого напильника²⁵. Тогда в моде были наборные ручки для ножей. И я перевёл на них все большие пуговицы, расчёски и другие пластмассовые изделия в доме. Ножи применялись в хозяйстве, их кидали в стену и обменивали на что-то полезное.

25. В историю советского (после) военного детства этот эпизод вписал Владимир Высоцкий:

*Не досталось им даже по пуле,
В «ремеслухе» — живи да тужи:
Ни дерзнуть, ни рискнуть... Но
рискнули
Из напильников сделать ножи.
Они воткнутся в легкие
По рукоятки — легкие
Трехцветные наборные...
Вели дела обменные
Сопливые острожники —
На стройке немцы пленные
На хлеб меняли ножики.*

Высоцкий В. Баллада о детстве (1975). Опубликовано: «Аврора», 1987, №8.

Однако более опасным занятием было изготовление огнестрельного оружия. Кусок толстой медной трубы от какого-нибудь радиатора расплющивался с одной стороны, в казённой части пропиливалось маленькое затравочное отверстие. Вся эта конструкция привинчивалась и приматывалась к деревянной гнутой рукоятке — и «поджигалка» была готова.

Пороха не было. Его могли заменить спичечные головки. Но спичек тоже не было. Пришлось делать порох самим из селитры, серы и угля. Забивался заряд: порох на дне, потом свинцовая картечь, а потом — газетный или войлочный пыж. Сверху насыпался порох на затравочное отверстие, и можно было стрелять! И мы стреляли — по заборам и дощатым уборным, просто так и на меткость. Кончилось это плохо для меня.

Я начал нарушать пропорции смеси. Так как селитры было мало, её недостача компенсировалась, например, мелко нарезанной киноплёнкой. Свинец тоже кончился, и я забил в дуло конусный подшипник. Я дождался, когда мама ушла из дома, и стал стрелять. Проклятая «поджига» взорвалась у меня в руке. Я остался жив, но был сбит с ног, слегка контужен (оглох на несколько часов). Самое плохое — опалил глаза.

Когда мама вернулась из города, она сразу же спросила: «Что так грохнуло, не ты ли?». У меня гудело в ушах, и я ещё не знал, что стал чёрен, как негр, от пороха, ударившего мне в лицо. Я вышел к ней — и она даже испугалась. Но нужно отдать ей справедливость: она не ругала меня, а стала отмывать и быстро убедилась, что тысячи порошинок

вонзились мне в лицо, веки, глаза, губы и даже язык. К вечеру всё лицо раздулось и воспалилось.

Мама повела меня к врачу. Тот резонно ответил, что никто не возьмётся всё это из меня выковыривать. Мама, однако, показала свой упорный характер и взялась за эту операцию сама — за что я ей до сих пор благодарен.

Дня три она, распарив мне лицо горячим полотенцем, принималась аккуратно выковыривать прокалённой иглой из него эти порошинки — несмотря на мои вопли о пощаде. Лицо с тех пор у меня осталось чистым, а вот глаза — плохие до сих пор. За войну я посадил зрение до -10 . Это выяснилось в университете, когда впервые точно измерили мою близорукость. Правый глаз я как раз и испортил из-за «стрелялки»: с тех пор он видел плохо, а впоследствии и вовсе ослеп. Я целился так — закрывал левый глаз, а правый открывал. И именно в правый мне попали порошинки. Мама выковыривала их отовсюду — и из самого глаза, и из век. После этого я стал видеть значительно хуже.

Когда я поступил в университет, выяснилось, что сидеть я могу только в первом ряду — иначе не различаю, что написано на доске. Первые сильные очки мне прописали ещё в Саранске — на -7 . Но в университете зрение стало быстро ухудшаться: сначала -8 , потом -9 , затем -10 . Тогда врачи спохватились и начали закапывать мне какие-то капли. В результате зрение стабилизировалось на уровне -7 . С этим я жил до тех пор, пока мне не заменили хрусталик.

Наступил 1944 год — война шла к концу. Госпиталь в Саранске переехал, освободив здание пединститута. Нам

было пора возвращаться в Саранск. К тому времени мы нашу Комолку уже были вынуждены вернуть обратно в колхоз — по мере освобождения оккупированных территорий стада должны были вернуться туда, откуда были угнаны. Бедную козу Белку так сильно избили соседи, когда она забралась к ним в огород, что пришлось её зарезать на мясо. Остальную скотину папа отогнал в «Заготскот», где вместо денег ему выдали квитанцию на получение одинакового по весу животного в «Заготскоте» города Саранска.

Мы долго упаковывали все накопившиеся вещи, книги и собранный с огорода урожай. Потом папа уехал в Саранск, где договорился с автобусной конторой, — и нам прислали два старых рейсовых автобуса для перевозки трёх семей со всеми детьми и вещами. Шофёров тогда тоже всех забрали на фронт. Отец уговорил военкома отпустить с нами двух фронтовых шофёров, находившихся в госпитале на излечении, но ещё не до конца выздоровевших после ранений. Им было скучно в госпитале; папа им что-то обещал заплатить — и они согласились.

Вся эта кавалькада приехала в Темников. Мы в страшной спешке забросили в автобусы вещи, сели сверху и поехали по разбитой грунтовой дороге — за 120 км в Саранск. Сразу же выяснилось, что пропала Верина соска, без которой она не могла спать и вообще спокойно жить. Вера верещала, мама нервничала.

Бедные автобусы были так перегружены, что на первом же крутом подъёме один из них заглох и медленно поехал назад. Женщины и дети визжали от страха, шофёры матерились и прокачивали на ходу текущие тормоза. Автобус накренился,

съехал в кювет и встал. Вот тогда я понял, насколько умел наш папа разговаривать с людьми, убеждать их. Он сходил в соседнюю мордовскую деревню, привёл толпу могучих мордочков. Они облепили наш автобус и выкатили его не только из кювета, но даже на гору. Расплачиваться было мало чем: отдали им припасённые полтора литра водки и что-то из вещей.

Ехали мы со скоростью 30 км/ч и через пару часов приехали в Краснослободск. Папа сходил в местное автохозяйство и уговорил их помочь починить разваливающиеся автобусы. Нам, пассажирам, уходить было нельзя: как только починка закончится, надо срочно ехать. Папа с кем-то передал в Горяшу, что мы недалеко, — и нам принесли еды и молока.

Вроде бы починка кончилась, все уселись, но наш автобус не хотел заводиться. Шофёры крутили ручку вдвоём целых полчаса — не получалось. Мы опять вылезли подышать. Всё это повторилось раза три. Я заметил, что в металле заводной ручки от бесконечного верчения проточилась изрядная канавка. Но вдруг автобус заворчал, пыхнул чёрным дымом, мы уселись — и уже под вечер поехали. Проехали с десятков километров, и где-то в лесу автобус начал оглушительно стрелять мотором, дёргаться — и встал окончательно. Ночь, темно, дети подвывают от страха. Из еды осталась только морковь — и все ею хрупали.

Шофёры выяснили, что пробило конденсатор в системе зажигания. Тогда это была большая редкость, и запасных не было. Они пытались заменить его куском свежесрезанной ветки: завелось, но как только ветка просохла, опять

стрельнуло — и мы встали окончательно. Ночью у одного из шофёров, раненного в живот, от моркови начались ужасные боли в животе. Мама как-то его лечила.

Ранним утром мы вдруг услышали шум мотора и увидели «эмку» какого-то местного руководителя, возвращавшегося из Саранска. Увидев наш табор, он остановился. И опять оказалось, что они с папой то ли знакомы, то ли имеют общих друзей. Короче, он распорядился, чтобы его шофёр отдал нам свой запасной конденсатор. После этого приключения кончились: автобус тронулся сразу и уже без остановки довёз нас в Саранск — на Большевистскую улицу.

Мы поселились уже в другой квартире, но в тех же институтских домах. Учиться я ходил в далёкую среднюю школу в центре города — на спуске к реке Саранке.

Несмотря на горький темниковский опыт, свои дела по изготовлению оружия я не бросил, а, наоборот, перешёл к изготовлению более совершенных видов, которые уже не грозили взрывом в руках. Я сконструировал и сам изготовил малокалиберный гладкоствольный пистолет. А потом, уже во втором издании, усовершенствовал конструкцию так, чтобы из него при выстреле даже вылетала стреляная гильза.

Патроны мы добывали, выменивая их у разных людей, в том числе и у нашего школьного военрука. Стрельба велась в основном по ночам — на пробойную силу пистолета. Стреляли по деревянным туалетам и иногда пробивали их насквозь через обе стенки.

Однажды ко мне в школе подошёл какой-то парень и показал настоящий раритет — старинный кремнёвый пистолет с бронзовым дулом-воронкой. Как-то у меня не возникло вопросов, откуда он у него. Мы поторговались — и я выменял

его за свой малокалиберный плюс одну из своих финок с наборной ручкой. Я пока не знал, что мне делать с этим пистолетом, но на всякий случай надёжно спрятал его в дровяном сарае.

Прошло пару дней — и вдруг во время урока прямо в класс входит милиционер в форме и спрашивает: «Который тут Ососков?». Учительница показала на меня, и он велел мне выйти, одеться и идти с ним.

В учительской милиционер спросил меня про пистолет. Оказалось, что тот вместе с казацкой шашкой был украден группой подростков из местного краеведческого музея²⁶. Сотрудник назвал парня, у которого я выменял пистолет, — и тот указал на меня как следующего собственника.

Пришлось идти с милиционером домой, доставать пистолет из тайника и с тяжёлым сердцем отдавать. Слух о том, что Ососков — то ли жулик, то ли укрыватель краденого, разнёсся по школе. Папе тоже пришлось давать объяснения и в милиции, и в школе. Он долго со мной разговаривал — о том, как плохо я поступил, о бдительности. Выслушав мои оправдания, отец даже не наказал меня.

Однако вскоре чаша его терпения переполнилась. Однажды вечером родители спешили красиво одеться на званое мероприятие: нервничали, суетились,

26. Краеведческий музей Саранска был открыт в здании Трёхсвятительской церкви в 1918 г. В годы войны его фонды хранились в Центральной библиотеке.

опаздывали. Я, не обращая на них внимания, пытался понять – стреляный у меня патрон или ещё годится в дело. В конце концов я решил, что патрон стреляный, и выбросил его в горящую печку. Патрон взорвался, да так громко, что мама, будучи во взвинченном состоянии, упала в обморок. Папе показалось, что я выстрелил в неё и убил. Боже, как он меня схватил, затряс и с криком: «Пойду сдам тебя в милицию – пусть посадят!», втолкнул в кладовку и запер там. Мама, конечно, тут же очнулась. Не помню, пошли ли они на вечер, но меня оставили запертым в кладовке до утра.

Это было зимой 1944–1945 года. Я находился в переходном, упрямом возрасте. Свободного времени у меня стало ещё больше, чем в Темникове. Заботы о хлебе насущном заметно ослабли. Родители были очень заняты. Папа – в институте, мама заботилась о маленьких сёстрах. Внимания мне уделяли мало. Наверно, я сильно отбилась от рук.

Отец взялся за меня. Но только в том смысле, что списал произошедшее на дурное влияние школы, в потому – решил прочесть лекцию по коммунистической морали. Собрали все старшие классы. И он больше часа говорил нам о морали, нравственности, моральных принципах, приводя примеры из жизни школьников – в основном отрицательные. Слушали его внимательно, хотя, по-моему, не очень понимали. Один раз все засмеялись, когда, говоря о курении в школе, он употребил школьное словечко «цыбать» (на тогдашнем сленге это означало «курить»). После этой лекции мой статус в школе заметно повысился. Старшие ребята даже спрашивали: «Что, это твой батя – профессор?».

Мама в итоге нашла мой арсенал и куда-то спрятала на долгие годы. Я получил обратно свой пистолет только после окончания университета, когда мама решила, что я достаточно повзрослел.

Отец никогда в жизни не занимался моим воспитанием. Ограничивался общими беседами и мечтами о том, чтобы я вырос философом и мог с ним обсуждать мировые проблемы. Всячески меня толкал к гуманитарному поприщу. Но в девятом классе математик Георгий Михайлович Горшков меня элементарно сориентировал в сторону математики и точных наук. И потом моя любовь к технике вылилась в то, что я мечтал быть строителем ракет и всё такое. Первое моё сочинение – я уж не помню, в каком классе – было на тему «Кем вы хотите стать?». Я написал, что хочу стать строителем ракет. Циолковский на меня очень сильно действовал. Я тогда читал роман Сергея Беляева «Истребитель 2Z», фантастические повести Толстого – «Аэлиту» и «Гиперболоид инженера Гарина». И, вообще говоря, ракетные дела меня привлекли.

Война шла к концу, и самое яркое воспоминание той поры – о том, как весть о Победе пришла к нам. В ночь на 9 мая, около четырёх часов утра, к нам в дверь постучала соседка со словами: «Победа!» Мы включили радио. Голосом Левитана оно сообщало о о безоговорочной капитуляции Германии. Все кричали и обнимались. А я начал палить в форточку пистолета, который у меня еще не отобрали. В школе мы в тот день не учились.

В годы войны мне пришлось пройти суровую школу выживания, пока отец был в армии, а я оставался «кормильцем»

мамы и двух маленьких сестёр. Это нелегкое время меня закалило и научило быть активным и предприимчивым, что не раз пригодилось мне в дальнейшем.

Воспоминания о войне моей сестры
Натальи Алексеевны Евсеевой (Ососковой)

22 июня 1941 г. Мне не было ещё и трёх лет, и я не должна была помнить, но что-то рассказывала мама, и мне кажется, что я помню: мы с папой, Ососковым Алексеем Васильевичем, и братом Геннадием (он старше меня на 8 лет) гуляли в парке культуры в г. Саранске. Вдруг громко заговорило радио на столбе, люди стояли и слушали. И тут пошёл сильный дождь; папа накрыл меня своим пиджаком, и мы побежали домой.

Отец — кандидат педагогических наук (на то время) — работал заместителем директора Саранского пединститута, но его призвали в армию в какой-то подготовительный батальон. Он был абсолютно гражданским человеком, и, если бы попал на фронт, погиб бы в первом же бою. Но осенью 1941 года Сталин издал приказ вернуть учёных на свои места, и папу демобилизовали. Когда папа пришёл домой, первым моим вопросом был: «Папа, ты Гитлера уже убил?».

Пединститут эвакуировали в маленький городок Темников. Поехали все преподаватели и студенты. Нас поселили в крепкий полуторазэтажный дом. Что было внизу, я не знаю, но мы поднимались по лестнице; там была большая кухня с русской печкой и две светлые комнаты.

В сентябре 1941 года родилась ещё одна сестрёнка, которую папа назвал Верой (вера в победу над фашистами). Во время переезда в автобусе потерялась соска, и Верочка кричала всю дорогу.

В эвакуации маме пришлось очень тяжело: трое детей, Вера — грудная; нужно налаживать хозяйство. Мама, Ососкова Анна Измайловна, была из села, окончила Нижегородский университет и многое умела делать.

По весне она с братом на выделенном участке посеяла просо, посадила картошку и другие овощи. Через город гнали стадо коров из-под Соленска, и нам выдали безрогую коричневую корову Комолку — вот она-то и спасла нашу семью от голода.

Я была очень больным и слабым ребёнком, Вера — совсем маленькая; и, если бы не это молоко, мы бы не выжили. Маме было невероятно тяжело: она хрупкая, маленького роста, надорвалась на этом хозяйстве.

Помню (как сейчас вижу): мама обмолачивала просо во дворе цепями и потеряла сознание на солнце. Её несут на руках; на голове у неё белый платок, а лицо бледное, как этот платок.

Ещё случай: маму положили в больницу, ей сделали какую-то операцию, но после операции начались осложнения — температура, чувствовала она себя плохо. Дома с детьми оставалась папина сестра, тётя Анюта. Однажды она положила в русскую печь всю зимнюю обувь семьи, чтобы просушить, но не проследила — и ночью все валенки сгорели. Это было большое горе, так как стояла морозная зима, а другой обуви у нас не было. Брат ходил в школу сначала в лаптях, а когда над ним стали смеяться — в ботинках на коньках, которые папе на время дал преподаватель физкультуры из института. Учителя страшно удивлялись, когда он выходил к доске, грохоча коньками.

Папа, придя в больницу, не сумел скрыть от мамы, что у нас случилось. Он сидел грустный и молчал. Мама, испугавшись за детей, стала стряхивать градусник и попросилась на выписку.

Тётка Анюта сразу же уехала в деревню, а мама ещё долго не могла оправиться после болезни. Брат Гена, конечно, много помогал маме, а отец целыми днями пропадал в институте — там тоже было много проблем.

Однажды мама понесла папе в институт бутерброды на обед. Ей повстречался директор института, и, когда узнал, зачем мама ищет отца, робко сказал: «Мне бы тоже бутерброды». Голодали все.

Я помню хлеб, который сыпался, когда его нарезали: в нём была мякина, песок, и даже проволока попадалась.

Однажды мама привела в дом детей. Она сказала, что они ползали по оттаявшим пригоркам, выковыривали из земли зелёные росточки и ели их. Позже я узнала, что это были дети «врагов народа» из Темниковских лагерей. Мама их накормила и дала какую-то нашу одежду. Нам одежду она из чего-то перешивала, так как её негде было купить.

Корову у нас отобрали, когда после освобождения Украины стадо гнали обратно²⁷.

Однажды работникам института выделили по два десятка яиц на члена семьи, но взять их можно было только самовывозом — в колхозе. Папа с братом взяли санки и поехали. Был мороз, и, пока их довезли, все яйца помёрзли. А папин товарищ по дороге, когда яйца от тряски разбивались, их сразу выпивал — и по приезде домой сильно заболел, попал в больницу.

Подрастала сестрёнка Верочка: ей уже было 2 года, мне — 5 лет. Я с ней гуляла, заботилась о ней. Запомнила: на ней было бархатное чёрное пальтишко с квадратными красными пуговицами; она была полненькая, с белыми кудрявыми волосами.

Очень памятной была дорога возвращения в Саранск осенью 1944 года. Сотрудников института посадили в автобус с вещами, мебелью и даже курами. Было много детей. Когда мы переезжали через реку Мокшу по старому и гнилому мосту, тяжёлый автобус провалился одним колесом. Спешно всех высаживали из автобуса. Когда я выпрыгнула, увидела огромную дыру, а далеко внизу течёт река. Я испугалась и побежала в обратную сторону. Помню, папа меня изловил и отвёл к маме.

С этой аварии начались неприятности. В одном месте дорога проходила по краю глубокого оврага. Была сырая осень, и вдруг автобус стал задом сползать в этот овраг. Наклон был большой, внутри автобуса вещи сдвинулись назад. Началась давка; правда, мы не пострадали, а вот кур помяло. Вдалеке виднелась мордовская деревня, и мужчины с папой пошли искать трактор. Как-то удалось договориться за несколько бутылок водки — и наш автобус здоровые мордовки вытащили на дорогу.

На этом неприятности не кончились. Помню такую сцену: мы сидим в лесу, автобус стоит, женщины развели костёр, что-то варят. Оказалось, в моторе что-то сломалось — сел аккумулятор, кажется, — и ехать дальше нельзя.

Нашими водителями были солдаты после ранений из госпиталя. Один был ранен в живот, а наши добрые женщины везли урожай с огорода и угостили всех детей и шофёров свежей морковью. Этот бедняга катался от боли из-за съеденной моркови.

Нам, детям, было весело: осень, лес ещё зелёный, тепло. Взрослые не знали, что делать, но вдруг (на наше счастье) едет в чёрной легковушке секретарь горкома (или райкома — не знаю) Кондаков. Он был знаком с папой и распорядился своему шофёру нам помочь. Все погрузились и поехали дальше.

По приезде мама обнаружила, что вещи, которые оставались в нашей квартире, частично исчезли.

Преподаватели института жили в длинных одноэтажных деревянных бараках. Общий

27. Как отмечает В. Шпаковский, на основе Постановления ЦК ВКП (б) 1943 года «О мерах помощи населению временно оккупированных районов страны», скот, эвакуированный из оккупированных западных областей в Среднее и Нижнее Поволжье, нужно было возвращать назад по спискам. Согласно высказываемой версии, именно это на долгие годы подорвало животноводство региона. См. Шпаковский В, Скот и война // Военное обозрение, 28 февраля 2018.

туалет — на улице, но очень чистый. У нас был отдельный вход в квартиру, большая кухня и две небольших комнаты.

Брат Гена, как и все тогдашние мальчишки, увлекался изготовлением оружия — наганов, финок. Однажды, чтобы похвастаться, он выстрелил из нагана в пол за спиной мамы. Ещё не кончилась война, и от звука выстрела, от испуга мать потеряла сознание. Отец его сурово наказал — запер в чулане.

Помню ночь 9 мая: к нам в окно постучали и крикнули: «Война кончилась! Победа!» Все вскочили. Папа, как был в нижнем белье, надел пальто и побежал в институт — там был митинг со студентами. Все ходили по городу и митинговали до самого вечера, а вечером праздновали у нас дома. Радость была незабываемая!

Воспоминания о войне моей жены
Инны Захаровны Ососковой (Порядиной)

Перед войной мы жили в деревне Мисирёво около Клина Московской области. Отец был репрессирован, вернулся после войны. Так что в тяжёлое военное время мы жили вчетвером: мама, брат, бабушка и я.

Мама работала директором семилетней школы. С приближением фронта нас эвакуировали в Ульяновск. Ехали в теплушках. Солдаты нас жалели и помогали чем могли. Помню, когда мы с братом пошли за кипятком, который капал из паровоза, солдаты дали нам по большому куску сахара.

В Ульяновске мама стала работать на швейной фабрике, где шили солдатские шинели. Сначала нас, эвакуированных, поместили в метро. Мы располагались прямо на ступеньках.

На фабрике маме выдали хлебные карточки на всех нас. Мамин паёк составлял 500 граммов, а нам, иждивенцам, давали по 300 граммов. За хлебом приходилось стоять в очереди — это была моя обязанность. Номер очереди записывали на ладони. Ещё выдавали по талонам немного мяса и крупы, но мы решили, что лучше вместо этого пользоваться столовой.

Раз в месяц давали растительное масло, за которым нужно было приходиться со своей бутылкой. Однажды на дне бутылки мы обнаружили мышонка.

Затем мама перешла на работу в школу. Она вела уроки географии и немецкого языка, а я стала учиться в 5 классе. Учебники, тетради и чернила давали в школе.

Летом мы ездили работать в колхоз. Там нас хорошо принимали: кормили супом, давали картошку, хлеб и даже молоко. Работали мы по 6 часов в день.

Когда закончилась работа, нам хорошо заплатили: дали 3 мешка картошки, много тыквы, сахарной свёклы и пшено. Старшие ребята (14–16 лет) всегда хотели есть, поэтому часто ловили раков и варили на костре. А ещё им давали сырую картошку, которую они пекли.

В 1944 году нас вызвала тётя в Клин. Город был под оккупацией. Немцы разрушили множество зданий, осквернили школы, музеи и храмы.

Нам дали отдельную комнату. Мама стала работать директором школы. Она была очень деятельная, активная, и под её руководством школу быстро привели в порядок. Вместе с родителями и учениками разработали пришкольный участок, на котором выращивали картошку. Зимой на большой перемене в школьной столовой каждому ученику бесплатно давали тарелку картошки.

Обувь и одежда у всех были старые-престарые. Иногда давали какие-то вещи по ордеру. Печь дома топили дровами, которые приходилось покупать. Вечерами коптилка едва освещала комнату.

Дети ходили в госпиталь, выступали с концертами и читали раненым книги. Для фронта шили кисеты, покупали стакан махорки и отправляли в посылках²⁸.

Зимой катались на самодельных коньках. Помню, сама из полена вытёсывала тонкую дощечку,

*28. Традиция посы-
лать кисет на фронт
возникла в годы Первой
Мировой войны. Дамы
и гимназистки шили
небольшие мешочки для
табака и махорки.*

обматывала толстой проволокой, привязывала к валенкам и каталась. Однажды мама сильно меня наказала, узнав, что я ехала на коньках, прицепившись к грузовой машине. А цеплялась я за борт машины с помощью крюка из проволоки.

В 6–7 классах нас привлекали к заготовке дров в лесничестве. Пленные немцы валили лес и очищали от веток, а мы пилили деревья на метровые чурки. На пленных было больно смотреть — такие они были худые, жалкие. Мы их частенько подкармливали.

Когда приехали в свою деревню, многие наши вещи, мебель и посуду нам вернули соседи. Тётя научила меня ещё в 10 лет шить что-то для себя. Бывало, проверит мою работу и скажет: «Почему у тебя все швы зубы скалят?»...

***

Осенью 1945 года я попал в «Артек»²⁹.

В Саранске я был в каком-то смысле активным человеком, потому что всюду, где нужно было участвовать, я что-то такое делал. Там нас принимали в комсомол. Мне было 14 лет. К этому нас готовили и идеологически подковывали: объясняли политику партии, кто там у нас в правительстве и всё такое. Я вёл себя активно, проявлял осведомлённость и не сидел в углу молча, как большинство. Это одно. Второе: к нам в эвакуацию приехали женщины, в том числе из блокадного Ленинграда, стриженные и измождённые. И вот мы с одноклассниками ходили к одной учительнице-ленинградке, пилили дрова и помогали.

Вступление в комсомол стало для меня переходом на новую ступень активности. Пионером я в основном в самостоятельности участвовал — в агитпоездах по деревням — и ставил пьесы в школе про то, какие плохие фашисты. И меня

решили наградить путёвкой в «Артек».

Нас всех собрали, загрузили в поезд и повезли в «Артек» через Москву. Мы сидели в вагонах, там как-то знакомились: мальчики, девочки. Когда мы приехали в Москву, выяснилось, что наша руководительница была абсолютно незнакома с московской жизнью. Мы из Мордовии приехали на Казанский, кажется, вокзал. А чтоб ехать дальше, нам надо было перебраться на Курский вокзал.

Наконец мы добрались до «Артека», который только что освободили от немцев. Перед этим Сталин выгнал оттуда всех татар, которых отправил куда то в Сибирь — помирать по дороге. И все эти деревни татарские в округе стояли пустые, разгромленные, хлопали дверьми³⁰. Это было осенью, октябрь-ноябрь. Но когда мы приехали, ещё было сравнительно тепло, и мы активно купались. Война только закончилась. В помещениях жили солдаты и даже лошади. Тем не менее, для нас освободили пару-тройку палат. Мальчики жили наверху, а девочек отправили в нижний лагерь, на берег.

Девочки жили в огромной палатке оранжевого цвета. У неё была такая история. Когда в Ялте проходила знаменитая конференция³¹, жена Черчилля (по-моему) узнала, что в «Артеке» всё разгромлено и девочкам в «нижнем лагере» просто негде жить. Она подарила им армейскую палатку

29. В годы войны главный пионерский лагерь СССР «Артек» был эвакуирован из Крыма, сменил несколько мест временного расположения и в итоге оказался в алтайском поселке Белокуриха. Первая смена в Крыму после его освобождения от немецкой оккупации открылась в августе 1944 г.

30. В годы войны в Крыму прошла серия депортаций по национальному признаку. До нацистской оккупации полуострова были насильственно выселены крымские немцы (28 августа 1941 г.) и итальянцы (8-10 февраля 1942 г.), после ее окончания - крымские татары (18-20 мая 1944 г.), армяне, болгары и греки (27 июня 1944 г.). Депортации проводились в очень короткий срок, люди не имели возможности собрать вещи, бросали дома и имущество. Депортация крымских татар была самой массовой. Многие населённые пункты, названия которых имели крымскотатарское, немецкое, греческое, армянское и болгарское происхождение, были переименованы.

31. Ялтинская конференция - историческая встреча лидеров антигитлеровской коалиции Уинстона Черчилля, Франклина Рузвельта и Иосифа Сталина, проходившая с 4 по 11 февраля 1945 г. в Крыму, в Ливадии (около г. Ялта). Конференция была посвящена вопросам послевоенного устройства мира.

на 150 коек. Палатку раскинули — огромную, невероятную штуквину.

Нас каждый день строем водили купаться. По свистку мы лезли в воду и вылезали из нее. И это оказалось, в общем-то, не зря. Потому что однажды утром две девочки пошли на берег, увидели какой-то странный предмет и его потрогали. Оказалось, что это мина. Она взорвалась. И от двух девочек нашли только ногу одной из них.

Нас никто не агитировал, не объяснял величия момента. Особых экскурсий тоже не было. И все же «Артек» остался ярким пятном в моей жизни. До сих пор помню песни. Помню, как нас вожатая учила петь:

Над аэродромом пролетает с громом,
С грохотом знакомым самолёт.
Это из-за тучки наш самолёт могучий
Боевой привет нам шлёт.

Мы маршировали под эти песни.

На нашей смене было много «детей полков», многие — без рук, без ног. Мальчики, которых подобрали солдаты, находились при воинских частях, а некоторые были партизанами. Большинство ребят с Украины. Дети войны рассказывали про свои подвиги. Я рассказывал, как делал пистолеты и хорошо умел из них стрелять. По возрасту я был чуть постарше остальной публики, но был очень лёгким и разговорчивым, поэтому пользовался авторитетом. А несколько москвичей оказались детьми высшей партийной элиты. Немного разгребли нас и в последний момент их

«Артек», 1945 г.

В центре наша вожатая, а я — справа от неё, третий в среднем ряду

засунули. Они были совершенно ужасные по характеру люди — заносчивые, неприятные очень. Впрочем, я тоже попал в “Артек” не просто так. Должно быть, сыграло свою роль, что отец был вхож в высшие слои руководства. Да и другие мордовские дети, как потом выяснилось, были отпрысками партийных функционеров.

Среди нас был один парень, лет 15 или 16, такой высокий, уже вполне взрослый. На него заглядывались наши молоденькие вожатые. Как-то раз, когда москвичи начали над нами издеваться — говорить, мол, вы мордва, то да сё, тыкать и так далее, — он кого-то из них здорово побил. И они присмирели на какое то время. Но в конце концов один из них меня всё же вывел из себя, и мы вызвали друг друга на драку прямо накануне отъезда. Я не боялся, хотя он был выше меня. Но я был уверен, что его побью. А он поступил совершенно нечестно. Как только нам «секунданты» сказали «давайте!», он взял и ткнул мне пальцами в оба глаза. И всё — я ослеп, закричал... И всю дорогу я потом домой ехал с такими вот фонарями под глазами.

Мы были разного возраста, но, в общем-то, жили дружно. Основная проблема заключалась в том, что мы не наедались. Нас кормили в основном мамалыгой — кашей из кукурузы. Её не хватало, конечно. Мяса было маловато. Поэтому каждый раз, когда было свободное время, мы неслись в брошенные аулы и объедали виноградники. Там я впервые увидел хурму, мушмулу и инжир. Он мне особенно понравился!

А однажды случилось такое приключение. Когда мы плавали, увидели, что на воду села перелётная стая гусей. Все гуси улетели, а один остался. Почему-то не улетел и плавал у

берега. У нас возникла идея его поймать и зажарить. Я плавал хорошо, поднырнул, схватил его за ногу — он не мог лететь. Тут же подбежали остальные, свернули ему шею, отнесли на кухню. Оказалось, что он весь покрыт громадными птичьими вшами, поэтому был истощён и лететь просто не мог. Мяса было совсем мало. Поварихи смеялись над нами, потому что такой уж костлявый этот самый гусь. Каждому досталось по кусочку.

Оказалось, что все кустарники, которые росли вблизи, — это лавровые листья. И я немедленно сообразил, какой это дефицит, которого у нас давно не было, а потому надо взять с собой. Кусты были очень плотные. Я обычно залезал туда, ложился и набивал листьев за пазуху. Потом прятал их и сушил. Директор лагеря, когда увидел, что мы рвём лавровые листья, сказал: «Отчислим!». Но мы к тому времени тайком уже рвали. И я набрал довольно много. А как вывезти? У нас вещи проверяли. Тогда я взял свое зимнее пальто, подпорол подкладку и туда этот лавровый лист весь аккуратненько запихнул. Он спустился вниз, и у меня по низу была такая «колбаса» толстая из этих лавровых листьев. Меня это не смущало. И вот представьте: я был маленького роста, с такими жуткими совершенно синяками, в пальто, которое было мне великовато, и ещё с этой толстой «колбасой» по низу. Домой привёз — потом на три года лаврушки хватило.

Нам с собой дали сухой паёк, который мы должны были съесть. Там было, кстати, масло, сыр, чего-то ещё. Масло растаяло в поезде, потекло и испортило нам одежду.

В Москве нас первым делом повезли в Мавзолей. Мы отстояли очередь, и когда я подошёл, то милиционер, увидав

такого субъекта (с этим пальто, в синяках), подозвал, завел в комнату и спросил: «А что у тебя такое в пальто зашито?» Он думал, что я хочу взорвать Ильича, не иначе. Но я им откровенно рассказал, что я из Мордовии, что у нас дефицит, что воровали листья, да. «И я нарвал, вот, можете посмотреть!» Он понюхал, потрогал, сказал: «Ну, хрен с тобой, иди». Вот так я посмотрел на дедушку Ленина. И запомнил навеки, между прочим. У меня до сих пор его лицо в памяти стоит. Помню, прямо как на фотографии: мумия лежит спокойно, сухая, неживая совершенно. Никакого у меня чувства благолепия не возникло. Я тогда ещё не был прополитизирован, как следует, и не был настроен на то, чтобы понять величие момента.

Дорога домой не обошлась без приключений. В наш вагон, где ехали дети, влезли инвалиды, возвращавшиеся с фронта. Я впервые так близко увидел людей, искалеченных войной. Они пили, дышали перегаром и говорили: «Ты бы знал, что там происходит...». Это было довольно жестоко. Нас сразу выперли на верхние полки.

Мать была довольна моим гостинцам. Что то такое я ещё из пищи утаил и привёз. А ещё привёз шишку!

Недалеко от нашего корпуса в «Артеке» росла сосна, липкая такая – трудно залезть было. Потом пришлось долго отмываться. Но у неё были огромные шишки. И я такую шишку привёз домой в рюкзаке. Тащил всю дорогу. Она вот такая громадная! И дома я поставил её на пианино. Все ходили, смотрели: «Какая огромная шишка!» И вот однажды зимней ночью раздался страшный грохот. И пианино тоже «заорало»

и звучало потом долго. Все повскакивали из постелей: «Что случилось? Что за взрыв?!» А это шишка открылась, и семена разлетелись. Это она так созрела.

Вот такой у меня был «Артек».

Глава 5. Коломна–Москва, 1946–48. Становление интеллекта: как меня научили мыслить. Медаль и поступление в МГУ

В 1946 году мы вернулись в Коломну. Папу там ждала более интересная работа и близость к семье любимого старшего брата. Маму – город, будящий воспоминания о счастливых и тревожных днях. В этот год родилась моя третья сестра – Надежда, названная так, чтобы подчеркнуть надежды родителей на новую (и счастливую) жизнь после войны.

Мама настояла, чтобы я поступил в восьмой класс школы № 9, где до войны она преподавала историю и встретила замечательных коллег-педагогов³². Школа находилась в соседнем Голутвине – в трёх километрах от улицы Пушкина, где мы тогда жили³³. Трамваев в то время не было. Приходилось ходить пешком.

Три года, что я проучился в школе № 9, сыграли важную роль в моей жизни. А все благодаря влиянию замечательных учителей, обративших на меня своё внимание. Русский язык и литературу у нас преподавала Зинаида Григорьевна Ямпольская³⁴, математику – Георгий Михайлович Горшков³⁵, историю – Борис Михайлович Трайнин³⁶. Совсем недавно в должность директора школы вступил Алексей Фёдорович Воронков.

Зинаида Григорьевна была подругой моей матери и потому специально приглядывалась ко мне. В Саранске я был отличником, но она сразу заметила разницу в уровне моей способности связно выражать мысли и требованиями подмосковной школы. Плохие оценки за диктанты и сочинения ударили не только по моему самолюбию, но и огорчили Зинаиду Григорьевну. Она предложила заниматься дополнительно не только мне, но и ещё нескольким ученикам нашего класса. Занятия проходили в состязательной форме. Мы должны были без подготовки выступать на различные литературные и нравственные темы, а Зинаида Григорьевна потом вместе с нами разбирала достоинства и недостатки логических построений в наших выступлениях.

Тогда Ямпольская нас поразила. Я не помню ни одного учителя, который бы так себя вёл. Эта старушка одиноко проживала в маленькой чистой квартирке с самоваром. Приглашая нас к себе, она всегда поила чаем и угощала какими-то сладостями. Мы рассаживались вокруг стола, и начиналась беседа.

Нас, ее любимчиков, было четверо. Я и трое ребят из высококультурных семей, быть может, каких-то привилегированных, не

32. Одна из лучших школ Коломны, основанная в 1918 году в духе новой советской педагогики. С 1928 располагается в конструктивистском здании, выполненном по оригинальному проекту.

33. Сегодня станция и поселок Голутвин входят в черту города Коломна. Во второй половине 1940-х их разделяли 3 километра.

34. Ямпольская Зинаида Григорьевна – учительница русского языка и литературы в школе №9 г. Коломны, методист. Начала преподавать в 1929 г. Автор учебных пособий по развитию стилистических и риторических умений учащихся старших классов. См., например: «Словарно-стилистические упражнения в связи с изучением литературы в старших классах». Коломна, 1958; «Упражнения по лексике и фразеологии». М.: Просвещение, 1973. Руководитель литературного общества «Луч». Награждена Орденом Знака Почета и знаком «Отличник народного Просвещения». См.: Музей истории школы-гимназии №9 и семьи Горшковых // <https://museum-gimn9.edumsko.ru>

35. Горшков Георгий Михайлович (1873 – 1951) – выдающийся преподаватель математики и руководитель методобъединения математиков Коломны. В 1898 г. окончил физико-математический факультет Харьковского университета как стипендиат Святейшего Синода. В Коломне – с 1911 г. Преподавал в школе №9 с 1934 г. Дважды награжден Орденом Ленина за педагогическую работу.

36. Трайнин Борис Михайлович – старший преподаватель кафедры истории Коломенского педагогического института, школьный учитель и фронтовик. См.: Музей истории школы-гимназии №9 и семьи Горшковых // <https://museum-gimn9.edumsko.ru>

знаю. Тогда они были лучше меня подкованы в разговорах. Они начинали, я слушал, а потом учительница говорила: «А ты чего скажешь?». А потом направляла: «А вот ты знаешь, сначала надо мотивацию, а потом надо сказать, что эта вещь известна была давно». В общем, объясняла логику убедительной и связной речи, лежащей в основе рассказа. Для меня это было очень непросто. После Мордовии я плохо владел языком, и не хватало словаря. У ребят я учился новым словам, жадно их впитывая. Причём Зинаида Григорьевна не позволяла им меня презирать и унижать за то, что я делаю ударение на «я», да и говор у меня мордовский. Она говорила: «Не надо его трогать, он еще не привык к нашему выговору». Благодаря этим занятиям я уже в 9-м классе мог легко высказаться и писать сочинение на любую понятную мне тему. Новые навыки тут жегодились на уроках истории. Учитель Трайнин предлагал нам написать небольшой реферат на понравившуюся тему и потом выступить с ним на уроке. Теперь я осознаю, сколь многое мне это дало. А тогда было просто интересно.

Появлению у нас математика Георгия Михайловича Горшкова, который в 1947 году мирно отдыхал на пенсии в свои 74 года, предшествовала весьма драматичная история. В связи с уходом учительницы математики нам прислали нового педагога. Он оказался человеком угрюмым и неопрятным. Но главное — резко отличался от остальных учителей, которые поощряли наш интерес к предмету и всегда отвечали на вопросы, если мы что-то не понимали. Новый учитель математики объяснял невнятно и не хотел отвечать на вопросы. Мы заподозрили, что он сам не всё

понимает. Когда однажды он довольно грубо ответил, что мы сами должны разобраться, несколько активных учеников подбили класс на забастовку. Учитель вызывал нас к доске — мы отказывались отвечать. Он ставил единицу в журнал и вызывал следующего. В итоге в журнале появилось 31 единица. Скандал дошёл до ГорОНО. Проблема усугублялась тем, что в городе в то время не было свободных учителей математики. Тут проявилась мудрость Алексея Фёдоровича Воронкова — нового директора школы. Он побеседовал с классом и отдельными зачинщиками бунта, не стал их отчислять, а уволил учителя математики. Вспомнив про почётного учителя, директор уговорил Горшкова вернуться к преподаванию.

Так к нам пришёл этот выдающийся педагог, который вовлёк нас в увлекательные миры алгебры, геометрии и тригонометрии. Георгий Михайлович не просто формулировал теоремы — он рассказывал, кто их придумал и как применить математическую идею, часто выходя далеко за рамки школьного курса. Учеников, проявлявших способности, он неназойливо вовлекал в решение более сложных задач. Подходя ко мне, Георгий Михайлович вручал листок, исписанный его старческим почерком, и говорил: «Посмотрите, тут очень интересная задачка, попробуйте-ка решить!». Мы с другом, Сашей Комаровым, начинали думать, соревновались, кто решит быстрее. Спорили, чьё решение лучше. Григорий Михайлович нас хвалил и подкладывал новые задачи. В итоге мы оба влюбились в математику и поступили на механико-математический факультет Московского университета им. Ломоносова.

В школе №9 была своя газета. И когда выяснилось, что я умею рисовать, меня пригласили в редколлегия. Для заголовков и иллюстраций нужен был художник. Поскольку я уже начал языком шевелить, то иногда писал какие-то заметки на комсомольские темы и освещал школьные события (или делал анонсы).

Как я начал рисовать? Еще когда мы были в Сталинграде, к нам в гости иногда приходили друзья и коллеги отца. Один из них как-то поинтересовался, а умею ли я рисовать? «Наверное, умею. Вот домик нарисую». И стал рисовать домик. Он меня поправлял. Впервые я узнал о перспективе и о том, что, если вид уходит вдаль, его изображение сужается. Он одним росчерком нарисовал деревья и показал, что если рисовать, например, сосну, то надо показывать, что у нее ствол голый, сучки торчат и так далее. И, в общем, я хорошо запомнил его урок. И меня очень захватила вся эта идея — рисовать. Я до этого не представлял, что можно что-то такое делать, ещё и на бумаге. Так я начал рисовать. Просил бумагу. Мне купили цветные карандаши, и я рисовал чётче что. В основном, конечно, свои технические ракеты или что-нибудь в этом духе. Остальное пошло с уроков черчения.

Чертежником у нас в Коломне был старый гимназический учитель, очень свирепый. Он нам привил пространственное мышление и возможность на бумаге изобразить трёхмерные предметы так, чтобы была видна их выпуклость. Специальных уроков я не брал. Да и предмета рисования во время войны у нас почему-то не было³⁷. Наверное, просто не было учителей. Это ж дисциплина, которая не была идеологически нужна в то время. А вот черчение сильно подвинуло меня

в восприятии всякого рода трехмерностей и умении правильно делать эскизы. После этого я начал рисовать.

И в газете это мне это умение пригодилось. Заголовки я писал уже по ГОСТу специальными плакатными перьями и умел от руки без линейки рисовать любую окружность.

Всеобщуч — обязательное обучение военному делу — определил моё отношение к воинской обязанности³⁸. Все молодые люди в советской школе тех лет должны были хлебнуть, так сказать, солдатского супа. После девятого класса нас забрали, не разбирая. К тому времени я уже носил очки, и, когда дошло дело до призывной комиссии, от воинской службы меня освободили. Но при проведении военных сборов в эти мелочи не вдавались — меня забрали туда вместе со всеми. Да я и не против был. Мне было интересно.

Нас отвезли куда-то, по-моему, под Ковылкино. Есть такая станция в Мордовии. Узловая. Там в поле стояли большие армейские палатки, и располагался летний лагерь, куда нас поселили. Жили мы там, как полагается солдатам, в учебке. Подъем в 6 утра, кормежка, потом бесконечная маршировка и стрельбы, которые мне были

37. Наркомпрос РСФСР изменил учебные программы в годы войны (когда Геннадий Алексеевич учился в средней школе), таким образом, что число часов на математику и русский язык было увеличено, а «второстепенные предметы» исключены. Во всех классах отказались от рисования и пения, в VI - VII - от черчения, в IX - от основ дарвинизма. См.: Черник С.А. Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны. М., 1984.

38. Всеобщуч (всеобщее военное обучение) — система обязательной военной подготовки граждан, в разных формах существовавшая в СССР в 1918-1923 и 1941-1948 гг. В военные и послевоенные годы подчинялась Главному управлению всеобщего военного обучения (ГУВВО) и осуществлялась через отделы всеобщуча при военкоматах. В рамках всеобщуча, помимо прочего, проводилась допризывная подготовка молодежи на учебных сборах.

очень интересны. Постреляв из трехлинейной винтовки (автоматов тогда еще не изобрели по-настоящему), я убедился, что делаю не такие плохие уж образцы. Многие из нас не были готовы к такого рода нагрузке. Нас заставляли без конца выполнять разного рода упражнения. Здесь я как раз был более-менее впереди, потому что у нас во дворе был турник, и мы с соседскими мальчишками соревновались, кто больше подтянется. На фоне тех, которые не могли ни разу подтянуться, я делал десять подтягиваний. Меня в этом плане выделяли.

Участникам сборов полагалось ходить строем и с песней. Наш сержант, услышав, как я кого-то выкрикиваю, определил: «А, вот Ососков, голос есть, запевай». Ну я чё там? Вспомнил «Варяга» и запел: «Наверх, вы, товарищи, все по местам». Пел то да сё. Потом мне это надоело. Я сказал: «Не буду больше петь, пусть поют другие». «Ах, ты не хочешь? Взвод, кру-гом!» А ведь мы шли уже в столовую. Он отвёл нас в поле, где перед этим паслись коровы и оставили громадные лепёшки. «Ложись! По-пластунски — вперёд!». И вот мы по этим лепёшкам ползали, а потом без обеда сидели. Весь взвод. Только от того, что я отказался петь. Эти ребята стали меня щипать и говорят: «Да какого черта мы из-за тебя страдаем? Давай, запевай». Ну я, значит, запел. И так вот меня проучили, как в армии борются с, так сказать, вольнодумством и несогласием. Школа была жестокая. Но главное, мне показали, как легко могут сломать мой характер и заставить делать то, что мне категорически не хочется и кажется неправильным.

На обратном пути пришли на станцию и выяснилось, что с поездами проблемы. Уехать трудно. В итоге все решили

ехать на крыше вагона. Я впервые в жизни прокатился на крыше вагона. Приехал совершенно чёрный — тогда паровозы выкидывали столько сажи в воздух, и всё это на нас осело. Я как негр пришёл домой. Мама была в ужасе.

Где-то в эти годы я подрался со своим лучшим другом. Он ударил меня лопатой по лицу и выбил зуб, а я в ответ разбил ему голову. Всё это происходило из-за скуластой девочки Эли Березкиной, которая теперь жила со мной крыльцо в крыльцо. Мы дружили — сидели за одной партой, и она мне была симпатична. Драка произошла только потому, что она где-то маячила на заднем плане. Кончилось тем, что друг с разбитой головой пошёл домой. Его отец даже сбегал к врачу и взял справку для подачи в суд за увечья. Но когда меня предъявили с выбитым зубом и рассечённой губой, всё быстро уладилось и кончилось миром.

Врач вставил мне нержавеющий зуб. Причём попался хороший врач и хорошая нержавеющая сталь. Зуб просуществовал с 1944 по 1980 год, пока, наконец, в Дубне меня не допекли. Я уже стал профессором, и на всех фотографиях с улыбкой я светился — так коронка отражалась. Я пошёл к зубному и спросил, можно ли от неё избавиться. До этого я уже пытался: все зубные врачи дёргали инструментами за этот зуб, а он не слетал. Они говорили: «Замечательный. Не надо трогать». Но тут я воспалился. Врач взял пилу и ножовкой распилил мне коронку — она отпала. Зуб, который он сделал потом, немного отличается по цвету. Но это уже так получилось. И всё же это лучше того, что было раньше.

Продолжение истории с девочкой Элей было таким. Мы уехали из Саранска в Коломну. А она с родителями переехала, кажется, в Новозыбков на Брянщине. Одно время

мы переписывались, но потом переписка заглохла. Однажды в общежитии на Стромынке³⁹ ко мне кто-то обратился за градусником. В соседней комнате лежала больная девушка. Оказалось, это Эля Березкина. На пятом курсе её направили на стажировку в МГУ — и мы встретились. Эля училась на филолога. Когда она вылечилась от простуды, которую подхватила в дороге, мы стали снова общаться. Но на неё положил глаз Иван Денисович Сафронов — математик на пару лет старше нас. Человек очень активный, по-видимому, более харизматичный, чем я в то время. Он её обаял — и они поженились. Казалось бы, на этом всё кончилось. Но ничего подобного!

Прошло время. Я уже был в Дубне и давно забыл об этой истории. И вдруг у меня на пороге появляется Иван Денисович. Оказалось, после окончания университета он прославился как крупный вычислитель: защитил диссертацию, и его направили в Саров — в тот самый центр, где создавали атомную бомбу. Там он стал, ни много ни мало, предводителем всех вычислителей. Ему нужно было найти человека, который наладил бы монте-карловские вычисления.

Со слов Эли он узнал, что я как раз специалист по этой части. Навёл справки, выяснил, что я преуспеваю именно в этом направлении, — и, недолго думая, прикатил в Дубну на своей «Волге», чтобы уговорить меня переехать в Саров. Он сулил мне блага: говорил, что я мгновенно защищу докторскую, получу блестящую карьеру, а работа будет такой же, как в Дубне, — но на пользу страны. Я уже почти согласился. Но тут моя любимая супруга, узнав, что мне предстоит уехать за колючую проволоку без права общаться с внешним миром

(а тогда Саров находился на очень строгом режиме), твёрдо заявила: «Только через мой труп». В итоге я отказал Сафронову. Он был очень раздосадован, даже взбешён. Как-то обошёлся без меня, но не забыл.

Спустя много лет — когда я уже стал доктором, профессором и т. д. — в Сарове началась серия конференций, посвящённых Харитону (Харитоновские чтения). На одну из них Иван Денисович пригласил меня как специалиста по искусственному интеллекту — выступить с докладом о применении нейронных сетей в обработке данных физического эксперимента. И это совпало с 70-летием Эли Березкиной.

О моем лучшем друге Саше Комарове стоит сказать особо. В 1942 году он ушёл на добровольцем в 16 лет, приписав себе 2 года. Войну закончил старшим лейтенантом в 19 лет, получив ранение и контузию. С трудом добился права продолжить учёбу в дневной школе, чтобы потом поступить в вуз. Пришёл к нам в 9-й класс и, проявив потрясающее трудолюбие, быстро догнал нас. Закончил школу с золотой медалью — первой в истории школы № 9.

Я же во время выпускных экзаменов тяжело болел. Сочинение писал с высокой температурой, пропустил где-то запятую и

39. Стромынка 32 – легендарное общежитие МГУ, размещалось там, где в петровскую эпоху изготавливали паруса для флота. В коридоре, представлявшем собой замкнутый четырехугольник, можно было увидеть студента на велосипеде. В комнатах разной вместимости в конце 1940-х жило и по шесть, и по двенадцать человек. Здесь же селили иностранных студентов. А кастрюли на общей дровяной плите ставили в несколько ярусов. См.: Шеманова Н. Общежитие МГУ Стромынка №22, см: <https://proza.ru/2022/09/23/879?ysclid=ml77ppyfah428188423>.

в итоге получил только серебряную медаль. Дело шло к поступлению в московский вуз.

Москву к этому времени я как-то представлял. Пару раз меня отпускали туда одного. Еще во время каникул в 9 классе я ходил по столичным театрам. Особенно мне запомнился «Вишневый сад» в МХАТе⁴⁰. Я сам выбрал и купил билет. Пришёл, сел. Я был в валенках, подмоченных маслом из разбитой бутылки, в деревенском костюме и выглядел совершенно как сирота с картин каких-нибудь передвижников. А билет у меня был в первый ряд. Рядом со мной сидели какие-то благоухающие дамы. И одна из них, когда в «Вишневом саду» начинались французские разговоры, наклонялась ко мне, смотревшему, разинув рот, и тихонечко переводила. Дама смотрела на мои валенки, гладила меня по голове и поясняла нужные места. А я тогда был совершенно потрясен театральной атмосферой. Потом я попал на балет, по моему, в Большой театр на «Золушку»⁴¹. Утром я приезжал в Москву, садился в электричку, бежал в кассу, тратил деньги на билет. Тогда как-то это было демократично. А вечером на электричке ехал домой.

Комарова, как фронтовика, приняли в МГУ сразу. Мне пришлось пройти собеседование по математике.

40. Премьера спектакля «Вишневый сад» в МХАТ им. Горького состоялась 17 апреля 1947 года. Постановка В.Я. Станицына, Режиссер-ассистент И. М. Тарханов. См.: Наш Чехов. Произведения А.П. Чехова на сцене Московского Художественного театра / сост. Л.А. Богова. М.: : МХАТ, 2010.

41. В 1947 г., к которому отсылают воспоминания, балет «Золушка» Сергея Прокофьева в Большом театре шел, например, 8 декабря и 13 июня. Премьера состоялась 21 ноября 1945 г. (дирижер Файер Ю., хореограф-постановщик Захаров Р., художник Вильямс П.). В 1946 г. председатель Комитета по делам искусства при СМ СССР с удовлетворением отмечал, что «по праву может гордиться своей работой над балетом С. Прокофьева «Золушка» Большого театр Союза ССР. Этот спектакль за минувший год приобрел в столице большую популярность». См.: Вечерняя Москва, № 151, 29 июня 1946 г..

Наш выпускной класс в 1948 году.
В среднем ряду сидят трое в военной форме (слева направо): Саша Комаров, Б. М. Трайнин и А. Ф. Воронков. Я — в верхнем ряду четвертый справа

Поступать меня повез отец, потому как, дело ответственное. Мы поехали в Бауманское училище с моей медалью. И там нам заявили с порога: «Лимит на медалистов у нас давно исчерпан⁴². И поэтому ваша медаль — нам на неё наплевать. Вы будете сдавать экзамены на общих основаниях». Отец был этим недоволен и сказал: «Ну, ты на математику хотел. А тут есть Московский университет». Он с самого начала хотел, чтобы я поступал на философский факультет и к Бауманке относился скептически. Так мы отправились на мехмат МГУ.

Довольно быстро подали документы. Собеседование-то я прошел, но дело уперлось в прописку. Во время собеседования какой-то доцент дал мне двенадцать задач, из которых восемь я уже решал со своим Горшковым. Поэтому я делал вид, что я размышляю, чесал затылок, но быстренько записывал решение. Он был впечатлен. Из 12 я только одну не решил, не сообразил в тот момент, как ее решать. Спустя пять лет меня, аспиранта, направили в приемную комиссию, и ко мне пришел поступать сын того доцента. История повторилась.

Во время моего поступления этот доцент сказал: «Ну, вы мне очень понравились. Но дело очень такое, неприятное, заключается в том, что у вас...». У меня был такой листок в клеточку с заявлением, а внизу — приписка: «Нуждаюсь в общежитии на всё время обучения в университете». И подпись. Он сказал: «Вот это вот не пройдет. Дело в том, что вы из семьи...» Он спросил, кто мой отец? Я с гордостью ответил, что отец мой — доцент пединститута в Коломне, завкафедрой. А мама? Мама сейчас не работает, но была учительницей истории. Он сказал: «Вы знаете, вот такое дело, что у нас сейчас есть лимит. Общежитий мало, а студентов много. И потом, пришли с

фронта люди, которым общежития положены по закону. Поэтому у нас есть ограничения. Было решено, что детям служащих не давать общежитие. Только детям рабочих, крестьян и фронтовикам. Так что давайте мы эту вашу приписку внизу уберем». Он согнул это моё заявление, оторвал аккуратненько низ, заставил меня расписаться чуть повыше и с удовлетворением заметил: «Вот теперь всё в порядке. Я уверен, что вы приняты».

42. О разного рода ограничениях льгот и привилегий медалистов, число которых достигало 5%, при поступлении в советские вузы во второй половине 1940-х – середине 1950-х гг. См.: Елютин В.П. Высшая школа развитого социализма. М.: Высшая школа, 1981.

Глава 6. Москва, 1948–53.

МГУ: стройка на Ленгорах,
фронтвики, общежитие
на Стромынке, спецгруппа.
Учеба и спорт, комсомол и ВКПб.
Инна

Я вышел с вступительного собеседования. Отец меня ждал. Когда я ему рассказал о том, как мой экзаменатор поступил с моим заявлением, он был страшно огорчён, потому что сразу сообразил, что для того, чтобы поступить в МГУ мало пройти вступительные испытания. Мне требовалась московская прописка в качестве подтверждения обеспеченности жильем. Но право на прописку я обретал только тогда, когда получал статус студента. Образовался порочный круг. И тут отец вспомнил о Косихине, своем двоюродном брате, который жил в Москве и работал в милиции. Поехали к нему. По-моему, это была улица Льва Толстого. В общем, где-то в центре. Милиционер был на дежурстве. Мы посидели, дождались, когда он пришел. Ажил он в полуподвале с зарешеченными окнами на уровне асфальта. В большой комнате с отгороженной кухней обитал Косихин с женой и двумя дочерьми. Всё пространство было заставлено койками. Брат сказал отцу: «А куда мы его денем-то?» – «Да нет, ты не беспокойся, главное ему обеспечить прописку. А

уж какую-нибудь бабушку найдём». Косихин обещал попробовать. И через два дня – тогда письма приходили на следующий день – написал, что он меня прописал.

После этого отец нашел мне угол у бабушки. Где-то довольно далеко. Она брала с меня скромные по тем временам деньги. Правда, моей стипендии в 244 рубля, я хорошо помню, не хватало на это дело. Родители первое время помогали. Но первую же сессию я сдал на одни пятерки и, значит, стипендия у меня сразу подскочила чуть ли не до 400 рублей. А потом мне уже стали давать именную стипендию, 750 рублей. Когда же на четвертом курсе я попал в спецгруппу, мне еще доплачивали.

Летом 1949 года активная общественная позиция и нужда в общежитии привели меня на строительство МГУ после окончания первого курса. Про строительство МГУ я могу рассказать и даже спеть:

Наши зубы точены
О гранит науки.
Опосля гранита
Глина нипочём⁴³.

В 1949 году, когда началось строительство нового корпуса, на стройку звали всех

43. А.Г. Шифт в письме М.Я. Гефтеру отправляет список двух студенческих песней, сложенных на строительстве оборонительных рубежей и высказывает предположение, что автором песни о сточенных зубах является М. Левин, навечно оставшийся студентом 3 курса. См.: Письмо Александра Григорьевича Шифта М.Я. Гефтеру // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой отечественной войны. М., 2009. С. 158-159.

(на мотив «В бой за Родину, в бой за Сталина!..»):
«...Жарким летним солнцем согреты
инструменты,
Где-то лает главный инженер,
И поодиночке товарищи-студенты,
Волоча лопаты, тащатся в карьер.

И дружный, в двадцать молодых
глоток, припев:

Стой под скатами,
Рой лопатами,
Нам работа дружная сродни.
Землю роючи,
Дёрном (вариант – матом) кроючи,
Трудовую честь не урони!

И потом дальше:

Пусть в желудках вакуум
и в мозолях руки,
Пусть нас мочит проливным дождём –
Наши зубы точены
о гранит науки,
А после гранита – глина нипочём!..»

Шкловский И. Эшелон. М.: Изд-во «Новости». 1991.

студентов. Откликнулись не все. Из математиков был Саша Комаров, с которым я учился. Из числа тех, кто позднее прославился своими научными подвигами, — Коля Ченцов⁴⁴. Мне, как не имевшему жилья в Москве, дали койку для ночлега в бараке на территории стройки, где поселили агитбригаду истфака МГУ. В составе этой агитбригады Инна — моя будущая жена — пела и танцевала. Её койка была как раз за фанерной стеной, отгородившей нас с ребятами от девичьего отсека.

От участников строительных работ требовались сила и выносливость. Работы велись на дне 13-метрового котлована. Университет получался тяжёлым. Если бы его поставили на берегу, он мог продавить берег и сползти в реку. Поэтому отодвинулись примерно на километр и придумали выкопать котлован так, чтобы вес извлечённого грунта по архимедовски был равен весу здания. Туда влезли потом три или четыре подземных этажа.

Утром я шёл копать глину на дне котлована под фундамент будущего здания, а красавица Инна агитировала эков-строителей работать ударнее. На дне было довольно плохо. После каждого дождя глина превращалась в месиво. Чтобы залить фундамент, подгадали бездождевой месяц. За это время надо было убрать жижу со дна и выровнять поверхность так, чтобы туда стал фундамент. Расстелили доски и с помощью ручных тачек поднимали жидкую глину наверх. Я был маленький и не такой жилистый, чтобы таскать эти тачки в гору. Но делал работу не менее грустную: стоя по колено в глине, затапливающей ноги, копал и накладывал её в тачки. Это были тачки с одним колесом и с двумя

ручками, деревянные — какие заключённые используют.

Зэки были кругом. Они делали всю работу на стройке. Просто их не хватало. Поэтому на конкретную задачу подрядили студентов. Мы работали отдельно. К зэкам подпускали только агитбригаду. Инна пела и плясала, а остальные подпевали частушки и произносили речи о том, как хорошо будет жить при коммунизме, когда зэки получат свободу и проживут хорошо, если будут ударно трудиться. Уже потом, когда кончали строительство, доходили до нас слухи об очередном зэке, который, используя лист фанеры как парашют, прыгал с верхнего этажа. Один разбился, один — даже улетел за колючку.

В общем, зэки были настоящие. Если смотреть с реки, то правое крыло университета, где мы жили, называлось зона В, а левое, где жили девочки, где жила Инна, — зона Б. Названия зон ГУЛАГа, где зэки строители жили в бараках и палатках, остались за крыльями университета, по моему, до сих пор.

За месяц мы справились — осушили и выровняли дно. Туда сбросили арматуру, вбили железяки и залили туда невероятное количество бетона. Сплошной

44. Ченцов Николай Николаевич (1930–1992) - крупный советский математик, специалист в области теории вероятностей и математической статистики. Лауреат Государственной премии СССР 1979 г. Организатор и первый директор (на общественных началах) кабинета-музея М. В. Келдыша в Институте прикладной математики.

железобетонный слой толщиной в метр. На нём потом университет стоял и не качался. Там всё было рассчитано хорошо. После месяца работ меня отпустили домой. Эта активная работа на стройке была отмечена комитетом ВЛКСМ МГУ. Мы получили места в общежитии МГУ на Стромынке, 32.

Жить мне было абсолютно негде, потому что с бабушками я распрощался после первого курса, сменив две квартиры. И когда я приехал в Москву перед началом учебы, комитет комсомола сказал: «Всё, место выделено, иди ищи, где ты поселишься».

Еще до того, как я получил место в общежитии, я начал туда ездить не совсем по своей воле. Фронтовики, жившие в одной из комнат на втором этаже общежития, часто приглашали меня к себе после занятий, чтобы я повторял лекции, которые я так легко запоминал и объяснял, о чем там шла речь. Среди четверых фронтовиков в этой комнате жил еще и мой друг Миша Шабунин. Он из Калинина, из деревни, и поэтому получил место в общежитии. Мы с ним были одного роста и одного, так сказать, склада характера. Как-то очень быстро сошлись. Он, собственно, и сагитировал меня прийти в общежитие, когда выяснилось, что я всё помню. Пару раз я у них ночевал. Они убирали со стола всё, и я там оставался до утра. К своей бабушке не ездил.

Когда в начале учебы на втором курсе мы с комендантом стали обходить комнаты, выяснилось, что решение о заселении меня в общежитие есть, а мест нет. И тогда мои офицеры сказали:

– Да какие проблемы? Мы тебе здесь место устроим.

– Как?

– А вот видишь, у окна есть три койки. Между ними проход. Там стоят тумбочки. Вынем тумбочки, сдвинем кровати,

появится место. Туда вставим четвертую кровать.

– Но тогда же мы не сможем подойти к кровати?

– А через спинку будешь лазить, ничего.

Они все туда лазили через спинку спать. Кровати в то время были железные, с панцирными пружинистыми сетками. Но такое положение существовало лишь до первой сессии. Потому что в этой комнате жил еще один грузин или узбек, из числа тех, кого приняли вне конкурса по рекомендации республики. Они были обеспечены, жили на широкую ногу. У них были деньги. По вечерам ходили в ресторан вместо того, чтобы заниматься. И на весенней сессии из них процентов 60 вылетело, не сдав ни одного экзамена. Он освободил койку и началась нормальная жизнь.

В комнате мы с Мишкой молодые, а остальные — фронтовики. Главный из них — майор в отставке, весь в орденах, просто на груди не умещалось. Такой боевой парень, который дослужился до какого-то комиссара полка или чего-то в этом духе, очень харизматичный, командующий. Он сразу сказал: «Ребята, нам надо организовать с питанием, потому что на нашей стипендии мы нормально жить не сможем, а нам надо питаться регулярно». Каждое воскресенье мы отправлялись на Преображенский рынок, покупали там мешок картошки, мешок капусты и полбарана. Хранить было негде. Капуста и картошка под койками лежали. А барана мы вывешивали за окно. Мы его обматывали, и он там висел. Это называлось коммуна: кому «на», а кому — нет. Щи варились из капусты с картошкой. Майор умел готовить и нас всех научил. Была еще гречка. То есть у нас был суп, в котором ложка стояла, каша, от которой ложка отскакивала, и компот. И так мы питались. Приезжали и ели один раз в день от пуза. А утром как-то перекусывали и неслись в университет. От Стромынки, 32 до

университета ехать довольно долго. Надо было добраться на трамвае до Сокольников, оттуда – до гостиницы «Москва», а уже от неё добежать до здания университета на Моховой.

Я, когда учился в школе, спортом не занимался. Даже не знал, что это такое. Но в университете были уроки физкультуры. На физкультуре я сказал, что хочу быть гимнастом. Но на турнике, когда начал подтягиваться, вывихнул левое плечо. У меня левая рука слабее правой. Мне говорят: «Какой там гимнаст? Иди, давай отсюда!». Но потом мы сдавали нормы ГТО. И, к моему удивлению, оказалось, что моя закалка и походы в школу за три километра в Голутвине сработали так, что я всех обогнал и получил сходу третий разряд по лёгкой атлетике. Меня записали в секцию, что предопределило наше дальнейшее сближение с Инной, которая к тому времени уже была знаменитой спортсменкой – чемпионкой Москвы и даже СССР среди школьников (правда, по лыжам). В секции выдали какие-то шиповки. И в этих шиповках я уже на следующих соревнованиях получил второй разряд. И стал чемпионом. Раз пятнадцать за время учебы я становился чемпионом университета. На этот счет у меня было ужасное тщеславие.

К лету я вошёл во вкус регулярных тренировок и продолжил тренироваться, когда жил на даче. Я раздевался, клал в кусты одежду, надевал шиповки и бежал с восторгом целый час по лесным дорожкам, пугая бабушек-грибниц – такой голый и красный. Мне потрясающе нравилось вот так рассекать воздух. Бежишь, воздух тебя обвеивает, а ты несёшься, несёшься и несёшься. Осенью я приходил и в первых соревнованиях выигрывал первое место элементарно.

Потому что все остальные как-то тренировались по схеме, а мне – нравилось!

Инка примерно то же самое прошла в 8–9 классе, когда попала к хорошему тренеру у себя в Клину. Он открыл в ней, что она бегаёт просто невероятно здорово и всех всегда обгоняет – и мальчишек, и девчонок. В университете мы с ней оказались в группе, которую снабжают костюмами, кроссовками, шиповками, берут на сборы, дают какие-то талоны. Мы стали с ней вместе ездить по соревнованиям и ходить на тренировки к одному тренеру. А я на неё глаз положил очень рано. Она была совершенно невероятной привлекательности. Когда мы вместе оказались в Красновидове на летних сборах, и там я увидел, как она причёсывается на берегу реки, а волосы у неё по реке плывут, то совершенно обалдел. Косы были ниже колен.

Но к ней, конечно, пробиться было абсолютно невозможно. Все долговязые спортсмены вокруг неё так и вились. Вдобавок она ещё и по лыжам была чемпионкой всегда, не только по бегу. У нас кубки её стояли в шкафу потом: первенство Москвы по бегу она выиграла на 800 метров, например. Мы были специалистами по одним и тем же дистанциям – 400–800 метров. А полторы тысячи я бегал, а она – нет.

В Красновидове я в неё окончательно влюбился. Впрочем, она и до этого мне симпатизировала. Однажды мы возвращались из Ленинграда с зимних соревнований. Там на всю страну был только один закрытый стадион в Царском ипподроме с кругом в 300 с чем-то или в 400 метров. Я прилично выступил. Инна бегала хорошо и в длину прыгала.

Мне надо было возвращаться в составе группы. Групповые билеты тогда были дешёвые. А она уезжала домой к маме, сама по себе. Инна всегда жила, как кошка — сама по себе. И вдруг она сказала:

— Эх, ты остаёшься. А хочешь, поехали вместе со мной?

— Как это так?

— Ну, билет возьми дешёвый, а я тебя положу на третью полку, закрою чемоданом — проедешь.

Такая она была авантюристка, конечно. Меня это так потрясло, что я побежал, быстренько собрал все вещи, предупредил, что мой билет мне не нужен — я поеду сам. Пришли на вокзал. Взяли самый дешёвый билет — какой-то сидячий. Я залез на третью полку. Она положила наши две сумки так, что меня закрыли. И когда пришёл кондуктор, меня не было видно. Но я всё время очень переживал. Ну, ночью мы были вместе. Рядом сидели, трепались и так далее. Правда, она руку мою с себя убирала. Утром я в Клину слез её провожать. Стоянка там была двадцать минут. Побежал в кассу, взял билет до Москвы от Клина хотя бы. Боялся, что меня без билета не выпустят с перрона. Это тогда был большой сдвиг к тому, чтобы мы сблизились.

Будучи с детства воспитанным как социально активный человек, я, попав в МГУ на мехмат, оказался неизбежно вовлечён в массу околочных дел: общественная работа по комсомольской, потом и по партийной линии, выпуски знаменитых мехматовских многометровых стенгазет, спорт и участие в самодеятельности. Самодеятельность в начале 1950-х была стандартная. Капустников особых не было — они появились потом, когда мы полюбили ходить в ДК при

Стенгазета мехмата МГУ
Подъем к перевалу Ак-Тюбе, 1949 г.

университете, где факультеты соревновались капустниками и зарождалась бардовская песня. А в начале десятилетия к нам приехали студенты из Китая, и требовалось выучить по-китайски «Дети разных народов». Я выучил куплет, стоял рядом с тихоголоосым китайцем. А я, значит, перекрикивал его, чтобы было хорошо. Долгое время я мог по-китайски это произведение исполнить, но сейчас уже забыл.

Меня записали в академический хор. Вернее, так: когда был набор студентов, отбирали тех, кто с голосом. Про меня знали, что я с голосом. Я там что-то такое спел. «О, — говорят, — хороший голос. Но знаешь ли ты сольфеджио?». Я спросил: «А что это такое?». То есть я не знал ноты. И меня тогда гоняли на прослушивание даже в консерваторию — к какой-то тётке-профессору. Она как раз сказала: «Ну, не знает сольфеджио, значит, надо ходить на занятия хора регулярно. Образуется. Научится всему». Но я быстренько выяснил, что ходить на занятия хора надо четыре раза в неделю по три часа — до изнеможения. А как же мои тренировки по лёгкой атлетике? Нет, я выбрал лёгкую атлетику и на хор наплевал.

В своей группе я был человеком, который мог сформулировать любую проблему в учебном процессе и донести её до деканата. Меня тут же сделали старостой. После этого, поскольку я комсомолец, меня выбрали в комсомольское бюро. Мишка Шабунин тоже шёл по этой линии. Правда, в партию его приняли гораздо позже. Но он почему-то стал редактором студенческой газеты. Привлёк меня рисовать заголовки и кое-чего писать. Писал я туда мало. В основном оформлял.

Доцент Пархоменко вёл у нас аналитическую геометрию. Это фантастика! Я не знаю, когда он ослеп, но как-то так получилось. Я его жалел, а потому чаще других отвечал на его вопросы. После занятий он со мной разговаривал. Будучи фанатичным коммунистом, Пархоменко считал, что в партию надо, что называется, свежую кровь вливать. Узнав, что я такой активный, уже на втором курсе он сказал: «Вы вполне подходите для того, чтобы уже сейчас стать кандидатом в члены ВКП(б)». Я с отцом посоветовался. Тот прям аж подпрыгнул: «Ой, какая честь оказана, Геночка! Ты, ради бога, только соглашайся! Это очень важно!». Ну, я и согласился. Я и охнуть не успел, как дали мне партийную карточку кандидата в члены ВКП(б). Кончилось тем, что я стал заседать не только на комсомольских, но и на партийных собраниях. На математические семинары уже ни малейшего времени не осталось.

Поскольку я вступил в ВКП(б), меня на четвертом курсе загребли в секретную группу и сделали из меня шифровальщика Генштаба. Сначала нас вызвали на Лубянку, где мы заполняли анкету на девяти страницах. Туда пригласили всех, кто был в нашей группе, а потом оставили, как мы говорили «за кнопкой», не всех. В здании МГУ на Моховой в торце коридора на третьем этаже нам выгородили помещение для спецзанятий. На входной двери была кнопка, чтобы мы, нажав, могли войти. Вот про нас и говорили: «Те, что за кнопкой».

Тогда формировали две закрытых группы. Одна — компьютерщики, другая — шифровальщики. Для компьютерщиков меньше секретности было. А

шифровальщиков на Лубянке очень жестко отбирали. Оставили только русских. Никаких евреев или кого-то еще там не было принципиально. Сначала эта группа сидела в отдельной комнате, «за кнопкой». Было, по-моему, две комнаты больших. И нам читали лекции, которые помогали понять вещи, на которых основывалась теория криптографии. Я с удовольствием туда ходил. Тем более, что на пятом курсе меня сделали хранителем печати. Я собирал прошнурованные тетрадки, запирали их, относил их куда-то в сейф. И эту печать сдавал дежурному офицеру. Это удвоило стипендию.

Весь 4-й курс нам усиленно вливали в головы разделы математики, необходимые для последующего освоения криптографии. Теорию чисел читал Гельфонд⁴⁵, теорвер и статистику — Монин⁴⁶. Были еще главы из высшей алгебры. Мы активно изучали теорию информации, которая тогда была абсолютно неизвестна у нас. Только потом Хинчин⁴⁷, прочитав Клода Шеннона, написал свою книгу об этом⁴⁸. Знакомство с теорией информации мне пригодилось, когда я попал к нему в аспирантуру. В то время нам дали английский текст, переведенный на русский язык, под грифом «Совершенно секретно», хотя на Западе эта книга была широко известна. Мы читали и понимали, что обычный язык отличается тем, что там каждый звук встречается с определённой частотой. На этом основаны все способы дешифровки. Если имеется какой-то зашифрованный текст, то надо просто выявить буквы, соответствующие определённой частоте, и расставить их так, как они в алфавите идут по этой частоте. И текст дешифровывался. Работа нашей шифровальной машины

заклучалась в том, чтобы перепутать буквы так, чтобы они не соответствовали частоте, а встречались в более менее случайном порядке. Проверая это, мы убеждались, что получается хорошая перетасовка букв, которая не позволяет статистическим путём идентифицировать буквы. Потом на 5-м курсе всех перевели в спецшколу на Садовом кольце — в сером здании рядом с театром кукол, где уже всё было по-настоящему секретно. Вдобавок я был в спецгруппе еще и лаборантом, за что получал зарплату. К повышенной стипендии дополнительно за работу шифровальщика мне платили ещё 750 рублей. Я никогда так много не зарабатывал!

Спорт, самодеятельность и общественная работа не мешали мне отлично учиться и получать повышенную стипендию. Но, как я осознал уже потом, совершенно отвлекали меня от серьёзной научной студенческой работы, участия в научных семинарах, факультативных лекциях и индивидуальных занятий с профессорами. А профессора в университете были замечательные. Уже на самой первой лекции знаменитого профессора Александра Геннадиевича Куроша⁴⁹ мы услышали: «Чтобы понять высшую математику — забудьте всё, чему вас учили в средней школе!» И мы охотно

45. Гельфонд Александр Осипович (1906 – 1968) – выдающийся советский математик, специалист в области чисел, член-корреспондент АН СССР с 1933 г. и до конца жизни преподавал в МГУ.

46. Вероятно, имеется в виду Монин Андрей Сергеевич (1921-2007) – ученик А.Н. Колмогорова, специалист в области гидродинамики, впоследствии – директор Института океанологии АН СССР и академик РАН

47. Хинчин Александр Яковлевич (1894–1959) – выдающийся советский математик, профессор МГУ, один из наиболее значимых учёных в советской школе теории вероятностей. Член-корреспондент АН СССР (1939), действительный член АПН РСФСР (1944). Лауреат Сталинской премии (1941). Применил теорию вероятностей в качестве математического аппарата статистической физики. Дал логическое определение понятий теории информации. С 1930 занимался созданием теории массового обслуживания. См.: Боголюбов А. Н. Математики. Механики. Биографический справочник. Киев: Наукова думка, 1983. С. 507.

48. Имеются в виду книги Shannon, C.E. (1948), «A Mathematical Theory of Communication», *Bell System Technical Journal*, 27, pp. 379–423, 623–656, July & October, 1948 (в русском переводе: Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М.: Издательство иностранной литературы. 1963) и Хинчин А.Ю. Об основных теоремах теории информации. М.: УМН, 1956. Т. 11, вып. 1(67). С. 17–75

49. Курош Александр Геннадьевич (1908 – 1971) – советский математик-алгебраист, в МГУ с 1929 г. сначала как аспирант и ассистент, затем как доцент (1932) и профессор (1936). С 1939 г. и до конца жизни заведовал кафедрой высшей алгебры на мехмате МГУ.

забывали. Лекциями, которые нам нравились безоговорочно, были лекции профессора Александра Яковлевича Хинчина. Они стали для нас, первокурсников, замечательным образцом того, как надо подавать новый учебный материал, чтобы он стал понятен — и по прозрачности объяснений, и по логике его подачи, дававшей нам радость понимания и, подчас, угадывания того, что должно следовать потом.

Даже с обществоведами мне повезло. В студенческие времена политэкономии нам блестяще читала Александра Васильевна Санина⁵⁰ — жена и соратник экономиста Владимира Георгиевича Венжера⁵¹. Она подверглась критике Сталина за взгляды, близкие к «товарникам», и позднее была вынуждена оставить преподавание в МГУ. Но в её лекциях 1950 года высказывались идеи о том, что экономику страны социализма можно поправить, если внести туда заинтересованность. Короче говоря, разбавить немножко социализм капитализмом. Историю КПСС у нас преподавала очень симпатичная Мария Петровна, как сейчас помню, со странной фамилией Казачок. Я немножко напал на несоответствия какого-то рода, а она их проясняла, укрепляя меня в том, что идея коммунизма очень, так сказать, здравая и заслуживает того, чтобы довести её до воплощения. На курсе философии нас заставляли конспектировать «Материализм и эмпириокритицизм»⁵². Такую штуку я благополучно проделал, сдав экзамен на пятёрку. То есть у меня была очень хорошая база в этом плане.

Последний семестр моей учебы на мехмате пришелся на начало 1953 года. В марте мне сломали ребро на похоронах Сталина! Я был правовеверный коммунист и мог

бы отдать жизнь за него. Когда Сталин помер, я побежал, чтобы попасть в Колонный зал. Там милиция всё перегородила. В конце концов я попал в поток, текущий к Колонному залу от Цветного бульвара. Огромная толпа. Грузовики отделяли толпу, которая все пребывала, от проезжей части. Потом там находили и погибших, и горы обуви, калош, снятых с ног. Мне новые ботинки оттоптали так, что пришлось их потом выкинуть. Я был в каком то пальтишке, куда сунул свою карточку кандидата в члены ВКП(б). Меня в итоге так давили, и я потел настолько, что она размокла вся и расслоилась — за это я потом получил выговор. Но самое страшное было, когда толпа вдруг заволновалась и начала куда-то подаваться. Сбоку вливались ещё люди, меня прижали к стене — там что-то торчало из неё, и ребро сломалось. Но я как-то отбил. Юркий был, спортивный. Это стояние началось, когда объявили, что открыт доступ в Колонный зал — где-то в полдень. Стоя с двенадцати часов дня я попал туда только к утру следующего дня. Голодный. С туалетом можно было проситься в соседние квартиры, но там были этим очень недовольны. Я вспотел, но быстро высох. В туалет мне не хотелось. Воды не было.

Был момент, когда какая-то мама опоздала, и толпа заткнула всё, а ей надо

50. Санина Александра Васильевна (1902–1981), доцент МГУ, кандидат экономических наук, участница экономической дискуссии.

51. Венжер Владимир Григорьевич (1899–1990), советский экономист-аграрник, доктор экономических наук (1959). Имя В.Г. Венжера стало широко известно в связи с ответом на его письма И.В. Сталину в «Экономических проблемах социализма СССР» (1952). Этому предшествовали шесть писем, адресованных Сплину в рамках разрешенной в начале 1950-х гг. дискуссии о «сталинском» учебнике политической экономии, который готовился 18 лет и считается одновременно «суммой» и «чертежом» сталинской полит. экономии. См.: Владимир Григорьевич Венжер: мыслитель, исследователь, учитель / под ред. Т.Е. Кузнецовой, Л.В. Никифорова М.: ИЭ РАН, 2015. теория.

52. «Материализм и эмпириокритицизм» (1908) — считается главным философским трудом Владимира Ильича Ленина, а его конспектирование из 18 тома ЛСС на втором курсе советского вуза — одним из общих мест в опыте советского студенчества и инструментом редукции философии к марксистско-ленинской философии.

было домой, где ребёнок не кормленный. И вот она с грузовика говорит: «Мне надо туда, в этот дом. Я могу пройти, вот мне откроют окно. Как мне туда пройти?» Из толпы предлагают: «По головам». Она шагнула и прошла по головам. Это было фантастическое зрелище. Подставляли люди руки, плечи. Она шагала. Дошла. Ей окно открыли, и она туда влезла — кормить ребёнка.

До Колонного зала я дошел в полуобморочном состоянии — к утру. Потом вышел, добрался до метро, доехал, проспал долгое время. Бок болел страшно. Но как-то так я легкомысленно к этому отнёсся. И был страшно раздосадован тем, что меня спрашивали: «Ну как там оно? Сталин какой? Кто вокруг был?» А я ничего не помню. У меня всё смешалось. Как в тумане было. Ну и я был страшно этим возмущён. А тут пришёл сосед, который тоже побывал в Колонном зале, но сделал это по-другому. Он с Пушкинской площади влез на крышу и по этим крышам, перепрыгивая с одного дома на другой, добрался до проезда Художественного театра. Там спустился вниз и между ног у солдат — и попал он в Колонный зал. И похвастался. И мне втемяшилось, что надо этот подвиг повторить.

Я переоделся в сухое. Значит, сменил ботинки на более походящие. Пошёл, с большим ребром влез на крышу. Пропрыгал до проезда Художественного театра. Слез. Проскочил между ног у солдат, которые стояли вот так, взявшись за руки, и не пускали никого. И попал. Уже на этот раз настоялся, насмотрелся так, что меня толкнули в спину: «Ты чего застыл? Давай, проходи!». Там я видал Сталина, Молотова. Играла музыка. Стоял почётный караул, менялся.

Всего насмотрелся, как полагается. Вернулся домой я уже довольный. Так что я дважды хоронил Сталина.

Готовясь к экзаменам, мы собирались у себя в комнате в общежитии и друг друга гоняли по билетам. За время подготовки мы все билеты раза три проговаривали. И поэтому любой из вытащенных билетов для меня не был проблемой — я сразу начинал отвечать. На задачах иногда у меня были трудности. Один раз даже мне помогли: я кому-то передал вопрос, мне прислали решение, но я придумал получше. И всё равно сдал на пятёрку. Учился я легко и просто — как и в школе, так и на мехмате. Но математика как таковая не привлекала меня. Я видел в ней только сумму знаний, которую надо выучить и сдать. Я не доказывал эти теоремы — знал, как они доказываются. Я не участвовал ни в каких семинарах: мне было некогда. Я сидел в комсомольском и партийном бюро, очень активно бегал и пел что-нибудь.

Поэтому многие вещи, которые я тогда учил и не использовал, сейчас забылись. Например, теорию функций комплексной переменной или теорию вычетов я сейчас не помню, по сути, как это делать правильно. Миша Шабунин, который стал преподавать сразу после университета в МФТИ в Долгопрудном, в этом плане развивался. А я — только по своей специальности, когда меня сделали специалистом по теории массового обслуживания⁵³. И до сих пор

53. Теория массового обслуживания — раздел теории вероятностей, изучающий процессы образования очередей, возникающие, когда входящий поток заявок превышает возможности обслуживающих устройств. Она оптимизирует системы (торговля, транспорт, вычислительные сети, ПВО), минимизируя время ожидания и простои каналов.

ощущаю свою, так сказать, недоукомплектованность. Я не такой фундаментально образованный. Но моя интуиция основана на богатом опыте.

В своем дипломе я разрабатывал алгоритм для шифровальной машины, позволявший создавать совершенно нерасшифровываемый код. Это было для меня лично жутко интересно. Нас лучшие специалисты университета обучали теории чисел (отдельные специальные главы), теории вероятности; было много математической статистики. Всё это подводило к тому, чтобы мы могли делать шифровальные вещи и проверять статистическим путём качество их работы. Как считалось, лучшие шифровальные вещи можно получить с помощью алгебры, где существует теория перестановок, описывающая перетасовку какого-то куска текста случайным образом. Алгоритм задаёт условия перетасовки — то есть шифр, который отдельно хранится в штифтах. В шифровальной машине «Enigma» имелось несколько барабанов, на которых есть штифты (как в шарманке). Крутишь в одну сторону — шифруешь, в другую — расшифровываешь. И вот нужно было написать преобразование, которое бы определяло, как эти штифты выдернуть на каждом из этих барабанов. Чисто алгебраическая задача. Проверка — на каком-то куске текста, что он перекодируется в абсолютную абракадабру, которая не поддаётся статистической обработке. Я придумал алгоритм, проверил на куске текста, что последовательность букв распределена равномерно. Вот и все.

Совершенно не представляю, было ли моё решение потом где-то использовано. Думаю, что нет. Такова судьба большинства дипломов того времени. Студенты могли делать

проекты мостов, зданий, каких-то сопел ракет, но на деле эти работы выполняли совсем другие люди — в совсем других институтах. И мой диплом, наверное, лёг в какой-то архив. Но тем не менее за него мне поставили пятёрку и дали красный диплом. Его мне вручил Петровский в актовом зале на Моховой, а вместе с ним — право попасть в аспирантуру.

Глава 7. Москва, 1953–56.

Аспирантура. Погружение
в науку с А. Я. Хинчиным.

Диссертация с А. Н. Колмогоровым

В 1953 году я как обладатель красного диплома и член партии был рекомендован в аспирантуру на кафедру теории вероятностей, где одним из главных специалистов в те годы был Александр Яковлевич Хинчин. Здесь-то и началась моя научная жизнь.

Через пару недель после окончания мехмата МГУ, слегка отдохнув после госэкзаменов, я зашёл на кафедру, чтобы узнать, когда будут вступительные экзамены и как к ним готовиться. Неожиданно я оказался лицом к лицу с приемной комиссией, составленной из знаменитейших профессоров: Л. А. Люстерника, А. О. Гельфонда, Н. К. Бари и А. Я. Хинчина. Их пригласили для экзаменовки желающих поступить в аспирантуру. Но за час не появилось ни одного поступающего.

Профессора очень мне обрадовались. Каждый стал предлагать по вопросу. Я пытался объяснить ситуацию, возражать, но никто меня не слушал. Я что-то знал, что-то нет — так что дело начало принимать плохой оборот. Как вдруг кто-то спросил меня о распределении хи-квадрат. На подготовку

МГУ, 1957 г.

времени уже не дали, интересуясь ходом моей мысли. Лихорадочно припоминая, что же это такое, я наивно пытался с ходу вычислить n -мерный интеграл от суммы квадратов нормально распределённых величин. Такой лобовой подход сильно удивил моих экзаменаторов, поскольку обычно все пользуются более простым методом характеристических функций. Я догадался перейти к сферическим координатам, но безнадежно застрял в деталях интегрирования. Вот тогда Хинчин, по сути, меня спас. Он назвал мой подход не глупым, а оригинальным, сказал, чтобы я не волновался, и, вдобавок, подсказал идею с нормировкой для вычисления константы. Я выписал ответ — и меня отпустили.

Так благодаря Хинчину я попал в аспирантуру. И когда речь зашла о научном руководителе, естественно, запросился к нему. Помнится, он очень удивился этому моему желанию, сказав, что у него уже давно не было аспирантов. Но, подумав, согласился — к моей радости. Кафедрой теории вероятностей в МГУ заведовал Евгений Борисович Дынкин. Как оказалось, это он был назначен моим руководителем, о чём я не подозревал. Да и никто мне об этом не сказал. Когда я выбрал Хинчина, Дынкин был страшно уязвлён и не хотел со мной иметь дела. Поэтому на заседания кафедры я не очень часто ходил.

За три года аспирантуры я должен был изучить ряд предметов, совершенно новых. В моем случае это была, например, теория меры, ранее не существовавшая. Тогда как раз вышел учебник по теории меры Поля Халмоша⁵⁴. Я его первые полгода изучал. Считалось, что я засиделся на первом экзамене. Но, тем не менее, я всё выучил, сдал на

пятёрку и заслужил одобрение самого Андрея Николаевича Колмогорова⁵⁵, который до этого меня не узнавал в коридорах, потому что я не бывал на научных семинарах. А тут подошёл и пожал руку со словами: «Говорят, вы блестяще сдали экзамен. Поздравляю. Теперь можем работать вместе».

Требовалось совершенствовать свой иностранный язык. Я выбрал немецкий, потому что у меня была хорошая база после школы. Во время учёбы на мехмате я тоже занимался немецким и мог более-менее изъясняться на нём. Кроме этого, надо было сдать специальность и кандидатский минимум по философии. И были ещё какие-то предметы, связанные с математикой.

Моя привычная жизнь сильно изменилась, когда я начал работать под руководством Александра Яковлевича. По сути, под его благотворным влиянием из «серого», в общем-то, студента — хотя отличника и спортсмена — я превратился в молодого учёного, заинтересованного в занятиях наукой. Я с увлечением разбирался в новых задачах, искал неожиданные подходы и не жалел о времени, проведённом за письменным столом в поисках наилучшего решения.

Хинчин запросто пригласил меня к себе домой для беседы и обсуждения темы

54. См.: Халмош П. Теория меры. Перевод с английского Д. А. Василькова; под ред. С. В. Фомина. М.: Издательство иностранной литературы, 1953.

55. Колмогоров Андрей Николаевич (1903 – 1987) – один из самых значительных математиков XX века и основоположник современной теории вероятностей. Годы, когда Геннадий Алексеевич обучался в аспирантуре и находился под присмотром Колмогорова, были временем его деканства на мехмате МГУ и одним из наиболее интенсивных периодов научного творчества, когда многое было сделано для развития теории вероятностей, теории информации и теории алгоритмов.

диссертационного исследования. Он довольно быстро установил такой порядок: мы встречаемся у него дома каждую пятницу в 2 часа после обеда. Я приношу листки с доказательствами, выполненными за прошедшую неделю. А он выкладывает мои прошлые записи и подробно их со мной обсуждает. Мы сидели, работали и беседовали по несколько часов. Для меня эти встречи стали уроком научного поиска в теории вероятностей, выбора оптимальных путей решения научных проблем и даже общих вопросов морали – в частности, нравственных критериев поведения учёных и их отношений между собой.

Как я был горд, когда принёс Учителю доказательство важной теоремы из теории сходимости потоков случайных событий, сделав свой вывод без подсказки и считая его безупречным. На многих страницах я выписал доказательство, выполненное методом полной математической индукции. Через неделю, разбирая эти записи, Хинчин похвалил меня и поздравил с получением важного результата. А потом протянул полстранички текста с совершенно другим доказательством этой же теоремы. Оно было получено как следствие из леммы, относящейся к функциональному анализу и доказанной им в несколько строк. Александр Яковлевич сказал лишь: «Не кажется ли вам, что в этом виде доказательство вашей теоремы будет несколько более элегантно?». Я был, конечно, потрясён и открывшимися мне новыми путями математических доказательств, и той скромностью, с которой Хинчин мне это преподнёс. Он, кстати, настоял, чтобы я включил в диссертацию именно его доказательство – и без ссылки на него: «Это же ваш результат, я только чуть-чуть улучшил его изложение».

Все замечания на моих листках Хинчин делал на немецком языке, поскольку в вопросах математики он думал только по-немецки. Как он мне объяснил, математике он учился в немецкой школе – кажется, где-то в Швейцарии (или у учителя-швейцарца). По его мнению, чёткость формулировок на немецком позволяет излагать математические понятия и доказательства наиболее кратко и внятно. Слава богу, немецкий я знал.

Под влиянием Учителя, стремясь оправдать его доверие, я работал тогда напряжённо, но с большим удовлетворением и быстро прогрессировал. Диссертация была готова задолго до окончания срока аспирантуры. К моему ужасу Александр Яковлевич сказал мне в конце очередной беседы, что он в последнее время очень плохо себя чувствует, но не говорил мне об этом, дожидаясь успешного завершения нашей работы. Теперь, когда он убедился, что моя диссертация завершена, он считает меня готовым к защите. Больше он уже не сможет со мной работать и передаёт меня Андрею Николаевичу Колмогорову для завершения всех формальностей с защитой.

Напрасно я просил его не бросать меня после выздоровления, убеждал его, что он в отличной форме, приходил к нему снова и снова, старался разговорить, отвлечь от мыслей о неизлечимости болезни, приносил всякие деликатесы. Но однажды он выслушал мои призывы и сказал: «Мне бы не хотелось, чтобы в вашей памяти я остался немощным и слабым, поэтому больше не приходите». Александр Яковлевич Хинчин ушёл из жизни через два года после моей защиты.

Он навсегда остался в моей памяти образцом Учителя – блестящего лектора, педагога и замечательного учёного и человека. Я с благодарностью вспоминаю замечательную доброжелательность Александра Яковлевича и очень внимательное отношение ко мне – ученику и просто молодому человеку без опыта. Его стиль контрастировал с подчёркнуто строгим и даже придирчивым отношением, распространённым среди преподавателей мехмата. Я стараюсь, в чём могу, следовать его примеру. Не боюсь приглашать своих дипломников и аспирантов к себе домой для обсуждения результатов их работы. Много вожусь с ними, помогая оформлять их результаты в удобочитаемом виде, пригодном для опубликования. А доказательства теорем, как учил меня Александр Яковлевич, должны быть элегантными.

Моя первая встреча с Андреем Николаевичем Колмогоровым случилась ещё в 1948 году, когда нас, первокурсников, собрали, чтобы уговорить подписаться на облигации госзайма по послевоенному восстановлению страны. Мы уже знали, что академик Колмогоров – это знаменитый учёный, поэтому его появление на трибуне собрания произвело на нас впечатление, хотя для самого академика такое выступление едва ли было приятным. Запомнились его самый обычный внешний вид, загорелое лицо и оригинальная манера говорить.

После моего поступления в аспирантуру и успешной сдачи кандидатского экзамена Александр Николаевич начал меня отличать. Когда же мой научный руководитель серьёзно заболел и попросил Андрея Николаевича помочь мне с завершением всех формальностей с защитой, тот согласился.

И тут же я был приглашен к нему на дачу в Комаровку. Требовалось привезти рукопись и объяснить ему суть работы.

В Комаровку я приехал в конце весны 1956 года и застал Андрея Николаевича в глубоких раздумьях за изучением груды деталей от байдарки. Это было непростое для академика время. После несчастного случая, который привел к полной атрофии мышц правой руки и потребовал сложнейшей операции по восстановлению повреждённого нерва, в качестве одной из реабилитационных процедур врач прописал ему греблю. Так появилась у Колмогорова байдарка «Луч» – мирное изделие конструкторов Куйбышевского военного авиазавода⁵⁶.

Увидав меня, Андрей Николаевич взял довольно увесистую рукопись моей диссертации (тогда не было не только компьютеров, но даже и пишущих машинок – тексты писались от руки) и попросил кратко сформулировать основные результаты. Меня поразило, как быстро он схватывал мои объяснения, сразу оценил основную теорему, но потом, выслушав её обобщение, вдруг сказал: «А вот этого не может быть!». Я бросился доказывать и выводить формулы. Но он остановил меня со словами: «Я вижу, что ваше утверждение неверно, а искать ошибку

56. Двуместная складная каркасная байдарка «Луч» выпускалась с 1953 г. по 1958 г. на Куйбышевском авиационном заводе. Инженер-конструктор И. Деревянко. Первая серийная советская модель, распространение которой через туристические магазины, турклубы и турбазы позволило водному туризму стать массовым явлением. Байдарка обладала хорошей маневренностью и скоростью.

в доказательстве мне некогда. Давайте сделаем так: вы должны доказать всё другим, конструктивным путём. Вот тогда продолжим разговор. А сейчас лучше помогите мне понять, что это за груда трубок и деревянных деталей передо мной».

Только через несколько месяцев напряжённой работы я нашёл решение и убедился в потрясающей интуиции Андрея Николаевича, который оказался абсолютно прав в оценке моих результатов. А тогда, в первый мой приезд в Комаровку, я за час по инструкции собрал каркас байдарки и натянул брезентовую обшивку. Мы с академиком донесли её до Клязьмы, протекающей неподалеку, и торжественно спустили на воду. Я помог в то время ещё почти однорукому Андрею Николаевичу устроиться на борту, показал ему, как надо грести, держа весло перед собой, и мы проплыли пару километров вверх и вниз по реке. Хотя это непривычное упражнение было тяжёлым для Колмогорова, он был доволен тем, что к концу у него начало получаться. Мы отнесли байдарку на дачу, и я уехал, оставив рукопись у него.

В следующий раз я появился у Андрея Николаевича в Комаровке жарким летом не один, а в компании нескольких его аспирантов, приглашенных для обсуждения их научной работы. На этот раз я приехал с новым доказательством, приводившим к совсем другим результатам. Сначала, к моему ужасу, выяснилось, что моя рукопись (единственный экземпляр!) куда-то затерялась. Он не мог вспомнить, как она выглядит и оставлял ли я её у него вообще. Однако содержание работы он хорошо помнил и был готов выслушать новое доказательство. Рукопись потом нашлась на дне коробки с бумагами для растопки – слава богу, до неё дело ещё не дошло.

А пока Колмогоров надел большой рюкзак и пригласил нас всех садиться в огромный автомобиль ЗИМ, положенный ему как академику. Шофёр увёз нас в лес километров за двадцать от Комаровки и уехал, оставив на берегу красивого озера. Андрей Николаевич пригласил нас искупаться. Начав со мной беседовать на берегу о моём доказательстве, он продолжал меня расспрашивать и в воде. По воде я писал ему пальцем интегралы и всё объяснил так, что на этот раз он со мной согласился. Потом он достал из рюкзака минеральную воду и массу бутербродов с ветчиной, и мы все отлично перекусили. Дальше он в бодром темпе двинулся к дому, продолжая беседовать с учениками. Очередной аспирант шёл рядом и быстро говорил, пока не выдохался, уступив место следующему. За время пути до Комаровки мы с ним успели обсудить все проблемы. В то время Андрею Николаевичу было уже 53 года, но по своей физической форме он не уступал тем, кто был моложе его на 30 лет.

Свою первую статью я опубликовал в «Теории вероятностей» – журнале, который придумал и возглавлял Колмогоров. На втором номере в редакционном портфеле возникла брешь – кто-то снял свою статью, или академик её выкинул оттуда за плохое качество. Андрей Николаевич вызвал меня со словами: «Чтобы завтра была статья!» И вот я ночь не спал, набирал текст на машинке «Эрика» – немецкой допотопной с тремя рядами клавиш и ятями, подаренной мне тестем. Напечатал и отнёс Колмогорову. Он потратил вечер, сидя со мной и выправляя текст, показывая, как надо излагать материал научной статьи. Статью опубликовали.

Затем Колмогоров настоятельно посоветовал мне выступить с докладом на III Всесоюзном математическом

съезде с последними результатами диссертационной работы. Он же отправил меня за счёт факультета на первую Всесоюзную конференцию по теории вероятностей в Вильнюс, потом – на следующую, в Ленинград. В итоге Андрей Николаевич сделал много больше, чем обещал Александру Яковлевичу.

После защиты я встречался с А. Н. Колмогоровым на заседаниях Московского математического общества⁵⁷ и семинарах в его лаборатории, которые продолжал посещать. Последний раз мы встретились с Андреем Николаевичем в 1981 году в Литве – на уже VIII Конференции по теории вероятностей. Он меня сразу же узнал. Но о здоровье мы тогда говорили куда больше, чем о математике.

Слабостью социалистической экономики и советского общества вообще было то, что на обслуживание как таковое не обращалось ни малейшего внимания. Эти задачи решались стихийно – за счёт людей и их инициативы. Как оказалось, можно что-то посчитать, чтобы очередей стало меньше, а правильная организация производства принесла выгоду. Этим занималась теория очередей – математическое описание процессов и коллапсов обслуживания, возникающих в ситуации, когда обслуживание по каким-то причинам невозможно. Такие моменты обсуждались с точки зрения теории массового обслуживания, позволяющей описать процессы обслуживания как множество мелких клиентов, где каждый клиент – это некоторый случайный процесс, возникающий в определённый момент времени. Их много, они происходят случайно, но в своём распределении подчиняются определённой закономерности. Собственно, моя диссертация состояла в её выявлении.

Я доказывал, что масса случайных процессов, складываясь вместе, подчиняется распределению Пуассона⁵⁸. В годы

работы над диссертацией у меня не было особых перегрузок в смысле отвлечения на общественные дела. Единственное – мне поручили в качестве агитатора вести политбеседы со студентами младших курсов. Я подменял всякую политику рассказами про область своих исследований – теорию массового обслуживания, которая была новой, и про то, как можно с помощью математики решать экономические проблемы. Им было интересно. Мне – тоже.

Первая часть моей работы была посвящена описанию независимых, а вторая – связанных событий. Во второй теореме я сделал ошибку, которую Хинчин не заметил, а Колмогоров заставил исправлять. Диссертацию я защитил в 1957 году – через год после появления на даче у Колмогорова с рукописью.

В диссертационных бумагах А. Н. Колмогоров вычеркнул себя из руководителей диссертации, сказав, что это – заслуга А. Я. Хинчина. И на моей защите он выступал как научный руководитель, который только заменяет того, кто обеспечивал руководство диссертационным исследованием все эти годы.

Моим оппонентом на защите был будущий академик Юрий Васильевич Прохоров – тогда просто Юра⁵⁹. И тоже мне

57. Московское математическое общество – одно из старейших в мире, создано в 1864 г. В 1950-е гг. его президентом был П.С. Александров, а в 1964-1966 (то есть после защиты Геннадия Алексеевича) – А.Н. Колмогоров.

58. Распределение Пуассона – это дискретное распределение вероятностей для подсчета количества событий, происходящих за фиксированный интервал времени или в определенной области, при условии, что эти события происходят независимо друг от друга с постоянной средней скоростью.

59. Прохоров Юрий Васильевич (1929 - 2013) - советский математик, специалист в области теории вероятностей. Профессор механико-математического факультета МГУ (1957–1970); завкафедрой математической статистики факультета вычислительной математики и кибернетики МГУ (с 1970). Член-корреспондент (1966) и действительный член (1972) АН СССР «Колмогоровский вундеркинд». Окончил школу в 14 лет, с 17 – участвовал в работе колмогоровского семинара, в 18 – опубликовал первую работу.

помог, найдя ошибку в моём автореферате. Я забыл поставить палочки модуля. Из-за этого неравенство там возникало неправильное. Я прямо от руки эти палочки дорисовал во всех экземплярах автореферата – и всё обошлось.

Защита состоялась, когда я уже был в своей лавочке секретной. Она прошла на ура. На банкете девочки с моей работы, которые организовывали мне банкет, упоили Прохорова до такой степени, что он начал к ним приставать. Кончилось тем, что они его втроём подняли, воткнули головой в сугроб и убежали. И он долго не мог выбраться оттуда.

После поступления в аспирантуру меня поселили в шикарную одноместную комнату в аспирантском блоке 14-го этажа зоны В нового здания МГУ, в строительстве которого мы с Инной некогда участвовал. Ей досталась комната на 4-м этаже зоны Б. Инна, которую после окончания истфака распределили учительницей истории в глухую провинцию, привлекла своим чемпионством знакомых экономистов, и по их протекции сдала вступительные экзамены в аспирантуру экономического факультета.

И вот иду я по центральному корпусу после завтрака, как вдруг меня окликают и буквально накидываются с объятиями Инна: «Гена, слава богу, хоть кто-то знакомый нашёлся! Меня поселили в отдельную комнату, а никого знакомых нет. Я ничего тут не знаю – куда идти покушать, как обустроить жильё». Пошёл я к ней в комнату. Всё расставил. Объяснил, где и что. Повесил на стену репродукцию «Аленушки» Васнецова. Да и остался на какое-то время. Мы оба влюбились.

Летом 1954 года я свозил Инну в Коломну, познакомил с родителями и сёстрами. Потом мы по профсоюзным путёвкам

Коломна, 1954 г.

Наша семья, куда я привез на смотрины свою любовь – Инну. Справа внизу – мамина сестра Тая из Дубны, куда я потом повез Инну познакомить с роднёй и впоследствии через пять лет окончательно переехал в этот полюбившийся мне город

Инна Порядина, 1950 г.

Геленджик, август 1954 г.

съездили в предсвадебное путешествие в дом отдыха МГУ в Геленджике. Инна свозила меня в Клин и показала маме. Вернувшись, мы расписались в занюханном ЗАГСе Ленинского района. Грязная лестница, вопрос при входе: «Что будете регистрировать – смерть или брак?». Никаких Мендельсонов и обмена кольцами. Напряжение было при вопросе о смене фамилии – я свирепо глянул, и Инна пролепетала: «Да», а потом пять лет фамилию не меняла, пока не пришла пора менять паспорт.

Мы стали думать о свадьбе. Тут нам серьёзно помогла Иннина тётя Вера Клементьевна – учёная дама, вдова Николая Николаевича Бобровникова, доктора философии, погибшего в 1941 году под Москвой в составе народного ополчения, куда он пошёл добровольцем. Тётя Вера предоставила нам свою большую трёхкомнатную квартиру на Кутузовском проспекте и помогла с организацией закупок и застолья.

Народу на свадьбу нагрянуло много, по всем родственным линиям. Из Коломны приехали все наши, включая папиного старшего брата Афанасия. Из Горького – мамина сестра Тая с мужем Авраамом и сыновьями Женей и Лёвой. Из Иркутска прилетели сестра Инниной мамы с мужем. Из московских кроме тёти Веры была сестра Инниной мамы Мария с мужем, дядей Васей, и сыном Анри с женой. Да и аспирантские друзья пришли. Поэтому свадьба для нас (для Инны особенно) превратилась в тяжёлый изнурительный марафон. Нужно было организовать приём и рассадить всех гостей, позаботившись о том, чтобы всем всего хватало. После многочисленных возгласов «Горько молодым!» гости начали отключаться – их надо было растаскивать по комнатам и укладывать спать.

В итоге часам к двум ночи мы с Инной, наши друзья по аспирантуре и ещё кто-то из молодых вышли на Кутузовский проспект и поймали такси – старую «Победу». Как смогли в неё залезть все девять человек, я до сих пор не понимаю, но мы влезли и быстро доехали до родного здания МГУ на Ленинских горах. Инна осталась ночевать у меня. Но из-за усталости брачная ночь, хоть и была страстной, завершилась тем, что мы быстро уснули – счастливые.

Воспоминания о свадьбе Гены и Инны сестры Надежды Алексеевны Ососковой

Это детские наивные воспоминания восьмилетней девочки...

По словам мамы, Гена купил огромный букет белых махровых хризантем. Он обратился в питомник, но ему отказали: такие цветы предназначались только для большого начальства. Тогда он поговорил с кем-то из работниц – они вошли в его ситуацию и сказали начальнику: «Мы каждая украдём по одному цветку, и соберётся целый букет этому парню». Короче, цветы в осенней Москве 1954 года жених достал!

Из Коломны на свадьбу ехала большая компания: папа, мама, дядя Афоня, Надя, Наташа и Вера. Из Подберезья приехали тётя Тая, дядя Раша и Лёва. Тётю Таю, как профессионального повара, сразу направили на квартиру Веры Клементьевны – готовить свадебный стол. Все остальные поехали на Ленинские горы – посмотреть, что же это такое, МГУ!

Огромный стол в трёхкомнатной квартире был уже накрыт. Меня посадили на стул во главе стола рядом с

невестой. Если бы кто-то подсказал, что я должна продать подороже это место жениху! Мне даже в голову не приходило, для чего я здесь. А Гена стал предлагать мне конфетку, чтобы я ушла. Да ещё спрашивает: «Что здесь написано?» – и сунул конфетку под нос. Я не успела прочитать. Она, оказывается, называлась «Ну-ка, отними!» Гена вроде бы даёт, а вроде бы и не отдаёт. Я была очень смущена этой ситуацией – торг не состоялся. Я ушла, и конфетку он мне просто отдал. Так он стал обладателем этого почётно-го места жениха!

Что ели, как кричали «Горько!» – я ничего этого не помню. Потом все вышли в другой зал для танцев. Там стояло пианино, а на нём лежало большое махровое полотенце. Как потом сказала Инна, это был подарок её папы. Братец Леонид был очень возбуждённым, весёлым – стал кидаться конфетками. Театральная конфетка попала брату Анри по очкам – очки разбились... Наташа рассказывала, что Анри танцевал с красивой девушкой, на ногах которой были капроновые чулки с чёрной пяткой и со швом. Это врезалось ей в память. А Лёва Карзаев танцевал с девушкой, и его ладонь на спине девушки лежала тыльной стороной. Видимо, это было шиком.

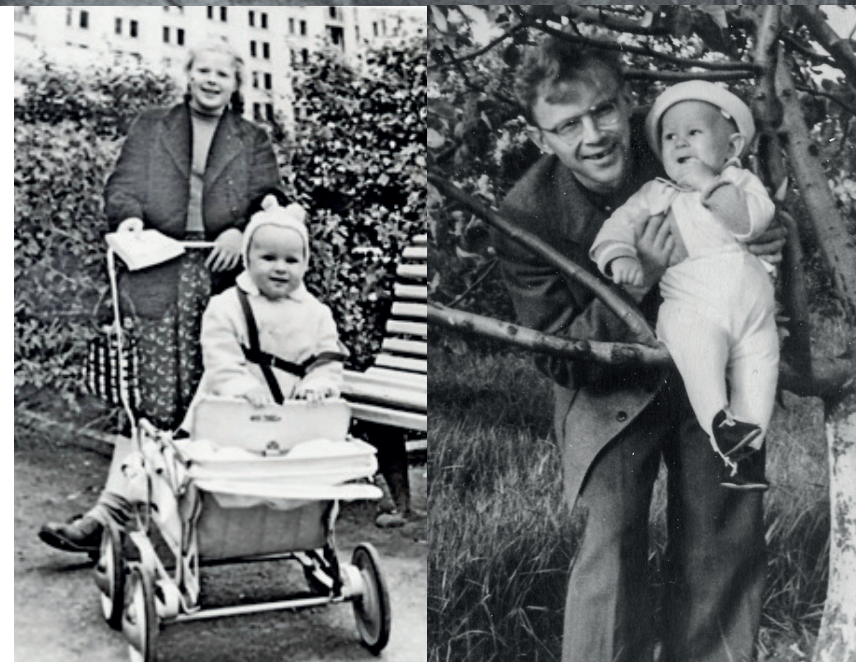
Спать меня отвели раньше всех в другую комнату, где на полу были постелены простыни и лежали подушки. Возможно, я уже уснула, когда рядом со мной улёгся Лёня, от которого жутко несло перегаром. Я отодвинулась от него подальше к стене и оказалась на голом полу. На этом полу вповалку спали все: и папа, и уважаемый пожилой дядя Афоня. А может, я что-то и перепутала.

Да, ещё помню, что невеста была в белом платье из атласного шёлка. Позже это платье постирали, и Гена повесил его сушиться на металлическую спинку кровати. На платье образовалась ржавая полоса от соприкосновения с металлом.

Почему-то всплыло это воспоминание. Или я придумала?

***

А потом пошла наша суперактивная аспирантская жизнь. Появился общий любимец – Андрюша. Инна пожертвовала диссертационными амбициями ради сына, но железной рукой заставляла меня написать диссертацию в срок. У нас это получилось. Когда я женился, то сообщил Хинчину об этой перемене в моей жизни. Он горячо меня поздравил со словами: «Теперь можно быть спокойным за бытовую сторону вашей жизни – жена будет заботиться о вас, вам легче будет заниматься наукой». Возможно, здесь сказались трогательно тёплые отношения самого А. Я. с его доброй и заботливой женой. Противоположной была реакция Колмогорова, который в те годы тоже принимал участие в моём научном образовании. Андрей Николаевич очень встревожился: «А не поторопились ли вы? Не будут ли вас отвлекать от науки все эти новые семейные отношения? Возникнут всякие любовные перипетии – как это получилось недавно с моим талантливым учеником Володей Арнольдом, которого ранняя женитьба сильно выбила из научной колеи», – спросил он. Я вспомнил об этом разговоре полвека спустя на своей золотой свадьбе и подумал: прав был Александр Яковлевич. Без помощи жены вряд ли стал бы я успешным учёным, доктором и профессором.

*Вверху – с Андреем,
1960 г.*

*Справа – Вера и
Андрюша.
Москва, лето 1957 г.*

С Андреем, 1957 г.

Воспоминания сестры Веры Алексеевны Павловой (Ососковой) о маленьком Андрюше

Гена и Инна учатся в аспирантуре. В этот период им нужно было сдавать кандидатские экзамены и работать над диссертацией.

Меня уговорили посидеть с маленьким Андрюшей, которому было всего 9–10 месяцев. Мне всего 15 лет.

Первые три недели я жила и нянчилась с Андрюшей в МГУ на Ленинских горах. В эти дни Инна учила меня варить манную кашу, овощное пюре, яйца, кисель и тому подобное. Каждый день я ходила с Андрюшей гулять за пределы МГУ. Когда мы на коляске проезжали через проходную, у меня никогда не спрашивали пропуск, так как все женщины знали Андрюшу в лицо, приветствовали, шутили со мной.

Мы гуляли по Воробьёвым горам полтора-два часа, возвращались. Я кормила Андрюшу, играла с ним.

Гену я не видела совсем – он был очень занят учёбой. Инна тоже была в библиотеке. Вечером появлялся Гена. Они с Инной мыли ребёнка и укладывали спать с собой в их комнате. Я спала в соседней. Два раза Инна отправляла меня вечером на танцы с какими-то девушками. Там мне было скучно: я никого не знала, и меня никто не приглашал.

Затем, через 2,5–3 недели, нас с Андрюшей отправили в Клин. Мы жили вдвоём в деревянном бараке, в небольшой комнатке без всяких удобств: туалет на улице, ночью – ведро, умывальник на общей кухоньке, примус, керосинка. Была ещё добрая соседка.

Где была Аполлинария Николаевна – не знаю. То ли в санатории, то ли в командировке. Она приезжала два раза за тот месяц, что я жила в Клину: стирала бельё, убиралась, привозила продукты. Но никогда не оставалась ночевать.

Раз в неделю приезжала Инна. Привозила продукты, варила супчик. Мы с ней мыли в тазу Андрюшу. В остальные дни я подмывала Андрюшу в том же тазу. Воду грела на

керосинке и примусе, еду готовила также. Стирала в тазу – никакой стиральной машины не было, холодильника тоже не было.

Андрюша был отличный мальчик: здоровый, некапризный, ласковый. Я до сих пор помню, как он обнимет меня за шею, прижмётся к груди. Он ещё не умел ходить – я водила его за ручки по полу. Он умел пользоваться горшком. Вообще был чудесный, сговорчивый мальчик.

Гулять мы с ним ходили каждый день в сад при доме-музее Чайковского. Там всегда звучала музыка из произведений великого композитора. Было здорово! Музей был через забор – нам повезло.

Гена не приезжал ни разу – был очень занят учёбой.

В начале августа я уехала домой. Приехала Аполлинария Николаевна.

***

Моего тестя, Захара Арсентьевича Порядина, на свадьбе не было. Доступ в столицу ему был закрыт. Он был арестован 5 августа 1938 года, осужден на восемь лет лагерей по 58-й статье (58-7, 58-8, 58-11) в 18 января 1941 года и реабилитирован 5 ноября 1955 года решением Военной коллегия Верховного суда СССР «за отсутствием состава преступления». После освобождения Захар жил отдельно. Мы познакомились с ним в том же 1954 году, когда его вызвали для оформления документов на реабилитацию. Пара дней, что он провел у нас на Ленинских горах, прошла в непрерывных разговорах. С тех пор мы переписывались. Захар Арсентьевич стал для меня очень важным человеком в жизни. Близким и дорогим. И здесь я бы хотел рассказать его историю.

Краткая биография у него такая. Родился в 1903 году в селе Грачевка Усманского района Воронежская области. Был секретарем сельского комитета бедноты, участвовал в создании комсомольских ячеек. В шестнадцать лет ушел добровольцем на Гражданскую. Вступил в партию. Был политруком Грачевского допризывного пункта и бойцом отряда ЧОН. Работал учителем школы 1-й ступени и ответсекретарем усманской газеты «Красный путь». Дошел до заведующего отделом печати Тамбовского губкома ВЛКСМ. В 1929 году поступил в аспирантуру Академии Коммунистического воспитания им. Н. Крупской. Окончив ее, занимал должность проректора по учебной части Казахского пединститута в Алма-Ате и заведовал кафедрой диамата. Когда в 1933 году возник Казахский институт марксизма-ленинизма, Порядин стал там заместителем директора. Был директором филиала этого института на «Прибалхашстрое» и вплоть до своего ареста в 1938 году руководил Казахской республиканской высшей школой пропагандистов. После реабилитации развивал советскую педагогику, участвовал в создании и совершенствовании Липецкого опыта организации урока, за что был награжден золотой медалью ВДНХ. В 1962 году ему присвоено звание «Заслуженный учитель школы РСФСР».

По словам самого Захара, когда кончилась Гражданская война, доблестных коммунистов начали пристраивать в мирную жизнь. Родители Инны были из разных концов страны. Мать из Иркутска, а отец – из-под Липецка. Они встретились и познакомились в Академии коммунистического воспитания, где из них делали преподавателей вузов, способных воспитать молодежь в коммунистическом духе. Как-то очень быстро молодые люди поженились. Замечу, что мать Инны была

холодной и замкнутой женщиной. Не представляю, каким образом Захар смог найти к ней ключик. Тем не менее, у них получились любовь, брак и так далее. Они были вместе до тех пор, пока Захара не забрали в 1938-м.

По окончании учебы Захара распределили в Алма-Ату, где он сначала работал в КазПИ, а потом – занимался партучебой и готовил пропагандистов. Семейство жило недалеко от института. И маленькая Инна бегала каждое утро на работу к отцу, заглядывая в разные аудитории. В свои шесть-семь она была очень живой, гибкой, танцевальной девочкой. И вот однажды, обнаружив, что в аудитории отца нет, она подошла к кафедре и сказала: «Пока папы нет, я вам исполню танец». И станцевала. Ей хлопали. Почему-то о том, как её любила мама, Инна никогда не говорила. А вот отец любил безумно и защищал её.

Захар был вхож в партийную верхушку республики. Он был «московская штучка», и его всюду приглашали, убедившись в том, что он не какой-то там агент, присланный наблюдать, а просто хороший парень, который много чего знает и умеет. Звали на пикники и походы в горы. Как самый молодой, он таскал рюкзак с мясом для шашлыков. Потом этот рюкзак стал частью легенды, разработанной следствием. Утверждалось, что в нем обвиняемые таскали динамит, намереваясь в горах взорвать плотину и сокрушить Алма-Ату. А Захар был их приспешником⁶⁰.

60. Речь идет о высокогорной плотине в урочище Медеу, которая перекрывает реку Малая Алматинка. Расположена в восточной части горы Мохнатая сопка.

После ареста отца поддержать семью приехала племянница матери из Иркутска. В доме была овчарка, на которой Инна любила ездить верхом. И когда пришли конфисковывать вещи, племянница скомандовала собаке охранять и сказала: «Я дверь не открою. Если войдёте, собаку на вас спущу». Пес подал голос. И они не решились. Тогда удалось сохранить часть имущества.

Когда Захара арестовали, одним из способов моральных пыток стала клевета на самых близких людей. Ему постоянно говорили, что жена ему изменяла и младший сын вовсе не от него, а от какого-то там комиссара-еврея. В тюремном коридоре кто-то кричал голосом Инны: «Папочка, папочка, спаси нас!» В общем, он там волосы на себе рвал. И вообще сходил с ума, но никого не выдал. И когда ему сказали про жену, он вздумал с ней выяснять отношения и как-то передал ей письмо. Она на него вусмерть обиделась, потому что это была кристально честная коммунистка. Да ещё у неё примешалось старообрядческое, так сказать, воспитание. А на нее тоже насели. Если она от Захара Порядина публично через «Известия» не отречётся и не напишет, что не хочет ничего общего иметь с врагом народа, то её – в лагерь, а детей – в приюты. Причём – в разные. И фамилии изменят. Она была этим до такой степени напугана, что подписала всё. Её письмо напечатали в «Известиях», развернув перед ним газету: «Вот, видишь, жена то тебя совсем и не хочет». В общем, они добились того, что он от неё отказался, а она – от него.

Семья перебралась в подмосковный Клин, находящийся на 103-м километре от Москвы. Ближе гражданам с подмоченной репутацией не полагалось. Мать Инны учительствовала. Преподавать историю бывшая жена врага народа не могла.

Преподавала географию и немецкий язык. Она очень быстро показала хватку и стала директором школы.

Но Инна совершенно не могла перенести разрыва родителей. Она не верила, что отец враг народа, и знала, что мать безупречна. Когда Инне было шестнадцать лет, она поехала к отцу в Воркуту. На вокзале ее провожала тётка, поручив попутчику-военному. По дороге она очаровала этого майора теткинскими пирожками и косой до колен. Доехали до Котласа – а дальше всё, въезд в зону, куда посторонним хода нет. Военный оказался из числа офицеров охраны, ввез ее туда и помог добраться до лагеря. Там уже отец, который выжил в лагере благодаря когда-то неоконченному медицинскому курсу и организации работы санчасти, нажал на начальство. Его ценили, поскольку какой-то баланс соблюдался – зэки не мерли пачками и не было эпидемии. Так отец и дочь встретились. Инна убедила отца в том, что мать совершенно невиновна. У нее на всю жизнь главная любовь – это коммунистическая партия, а на втором месте – работа в школе, Захар проникся.

После освобождения он поехал в Клин к своей Аполлинарии. Она его встретила как стойкий большевик с железным взглядом и потащила в горком партии. Не понимаю, зачем. Тогда он ещё не был реабилитирован. В горкоме ему сказали: «Что ты, милый, куда сунулся-то? Это Московская область, тебе сюда нельзя – вали отсюда». Она пыталась его как-то там оставить, но его вышвырнули. Потом они встретились, конечно, но жизни их разошлись окончательно. Он обиделся и уехал в Алма-Ату. Пытался там пристроиться. Но и там ему сказали: «Нет, тебе здесь жизни не будет».

В итоге он подался в какой-то городишко. Просто пришёл в ГорОНО и сказал: «Вот я – учитель истории, у вас есть работа?» – «Конечно!». Его сделали учителем истории. Он состоял на учёте в НКВД и пользовался расположением своих надзирателей. В один прекрасный момент они сказали: «Вышел приказ – всех выпущенных обратно быстренько забрать». Тогда существовало правило: если хочешь оставаться на свободе – меняй место жительства. Захар сел в поезд, уехал до первой остановки и вышел. Так продолжалось несколько лет, пока ему сказали: «Ну ладно, если ты хочешь, чтобы тебя никуда не забрали, поезжай туда, где ты родился, и сиди там в своей деревне Грачёвке». Он туда уехал, к своей матери. И там тоже учительствовал. А в 1955 году его реабилитировали.

Он быстро прискакал к нам, меня обаял своим энтузиазмом, умением разговаривать обо всём и рассказами о том, как всё это было. На Инну и формирование ее мировоззрения отец повлиял гораздо больше матери. Он ей мог объяснить, кто такие Бухарин и Троцкий, в то время как мать свято верила, что они враги народа. Эти его откровенность и открытость меня подкупали. Ведь мой папаша со мной не был открыт, всё время в чем-то наставляя и считая ребёнком. А тесть говорил как с равным.

В итоге Захар перебрался в Липецк и прославился как человек, который изобрёл новый способ повышения квалификации учителей. Система Порядина прославила его на всю Россию⁶¹.

Насчет XX съезда были у меня большие переживания. Когда на закрытом аспирантском партсобрании нам доложили о культе личности Сталина с подробностями о массовых

репрессиях, я был потрясён. Влияние тестя с его опытом ГУЛАГа меня к этому малость подготовило. Но про культ Сталина Захар не поминал. Да и вообще был счастлив восстановлению в партии, переживая о перерыве в стаже на время заключения. Помню, как, вернувшись в нашу с Инной аспирантскую комнату на 14-м этаже зоны В, я открыл форточку и выбросил на февральский мороз заветную темно-бордовую книжицу с биографией Сталина. Аспирантура завершалась под бурные политические обсуждения. Но, должен сказать, что мою веру в идеи социализма-коммунизма XX съезд тогда не подорвал.

В аспирантские годы я испытывал эйфорию от пришедшего понимания, что наука – это интересно. Она была мне под силу, и заниматься ею у меня получалось. Хинчин разбудил во мне учёного, давая такие задачи, которые я понимал, и подсказывая мне так, потихонечку, как их можно решать. А может, даже и не подсказывал, а я сам догадывался. Это было время потрясающих открытий. Сюда же накладывались влюблённость в Инну и наша женитьба. Это был период ренессанса – умственного и психофизиологического. Я был тогда очень воодушевлён, и у меня всё получалось. Три года пролетели, как сказка.

61. Возможно, имеется в виду инновационная педагогическая технология оттепели, известная как липецкий метод. В конце 1950-х его разработал Константин Александрович Москаленко. Первая публикация см.: Москаленко К.А. Как должен строиться урок // Народное образование, 1959. №10. Отказ от вызова к доске, поурочная система оценки активности, новая мотивация и атмосфера радости. З.А. Порядин руководил повышением квалификации учителей в Липецкой области, а потому был вовлечен в разработку и распространение новаторского метода, награжден за эту работу, был последовательным сторонником и проводником неформальных методов обучения.

Глава 8. Москва, 1956–61.

Погружение в компьютеринг.
Работа в закрытом НИИ.
ЭВМ и программирование.
Квартира и дети

После аспирантуры меня распределили в Куйбышев. Был там такой Александр Миронович Соيفер⁶², нуждавшийся в специалистах. Он про меня прочитал где-то на распределении. И я должен был туда ехать на три года. К тому времени у меня уже был сын с нянькой. И я запросил двухкомнатную квартиру, на что мне ответили из Куйбышева: «У нас такой возможности нет». У них своих некуда было селить. Куда там приедем пацану давать квартиру! Тогда я сходил в Министерство высшего образования, ведавшее моим распределением, и официально отказался, ссылаясь на это письмо.

К тому времени один из моих приятелей – Володя Срагович⁶³ заведовал расчётной группой в «почтовом ящике» 1546 на Большой Почтовой, что в Бауманском районе⁶⁴. Узнав, что я оказался не распределён, он сказал: «Я подам на тебя заявку, если ты не против». Я выдвинул одно условие: они обеспечат меня жильем, хотя бы комнатой в коммуналке. Так и договорились.

В «почтовом ящике» работали над созданием грандиозной системы дальнего радиолокационного обнаружения – глаз

оборонного щита страны. Пришлось мне, теоретику, срочно учиться работать на первых советских ЭВМ – гигантских, многотонных монстрах – БЭСМ и «Стреле». Программы для них писались в кодах ЭВМ и вводились с однодорожечной бумажной перфоленты.

В почтовом ящике я попал в отдел к будущему академику и Герою Соцтруда Юрию Борисовичу Кобзареву⁶⁵, который меня приметил. Много лет спустя Кобзарев прославился опытами с экстрасенсами, читающими тексты сквозь преграду. Методами радиолокации он пытался уловить реальные сигналы, исходящие от рук экстрасенсов. Была там подопытная женщина экстрасенс – Нинель Кулагина⁶⁶, обладавшая слабым телекинезом. Академикам Кобзареву и Гуляеву, вроде как, поручили в ЦК разобраться с этим феноменом после того, как Джуна нашла подход к стареющему Брежневу.

Мы приспособивали методы Монте-Карло для моделирования сигналов от вражеских самолётов и коварных пассивных помех, которыми американцы ослепляли в то время наши радары в Корее. Американцы умели свои самолёты спасать от ПВО, выбрасывая мелконарезанную фольгу. Диполи создавали облако, засвечивающее радар, а самолеты тем временем делали своё

62. Соифер Александр Миронович (1906 - 1969) – советский инженер-авиационист. Кандидат технических наук. Специалист в области вибрационной прочности и надёжности двигателей и систем летательных аппаратов. Первый ректор Куйбышевского авиационного института (ныне Самарский национальный исследовательский университет им. Королёва). Заведующий кафедрой конструкции авиадвигателей КуАИ (1942-1969).

63. Срагович Владимир Григорьевич (1926–2000) – советский математик. По окончании мехмата МГУ (1949) работал в НИИ-2 Минавиапрома (ныне ГосНИИАС), преподавал в МВТУ (1953-1956). Аспирант МГУ (с 1953 г.). В 1957 г. защитил кандидатскую диссертацию под руководством проф. А.Я. Хинчина. С 1956 по 1961 гг. начальник лаборатории НИИ-20, где занимался созданием радиолокационной техники.

64. П/я 1546 на ул. Б. Почтовая в Москве. Речь идет о НИИ-20 (он же НИИ-244, Яузский радиотехнический институт, в настоящее время «АО Всероссийский научно-исследовательский институт радиотехники» (ВНИИРТ). Институт, образованный в 1937 г., разрабатывал радиолокационные станции. В середине 1950-х основной задачей НИИ-20 было создание РЛС сантиметрового диапазона дальнего обнаружения («Перископ», «Обсерватория», «Тропа»). См.: Смирнов С.А., Зубков В.И. Краткие очерки истории ВНИИРТ, М.: Издательство ВНИИРТ, 1996.

65. Кобзарев Юрий Борисович (1905–1992) -- один из основоположников радиолокации в СССР. Окончил Харьковский университет. Работал в ЛФТИ, НИИ-20, в Институте радиоэлектроники АН СССР. Лауреат Сталинской премии (1941) за создание первого советского импульсного радиолокатора. Руководитель научного отдела Совета по радиолокации при ГКО

(1943). Член-корреспондент (1953) и действительный член (1970) АН СССР. Герой Социалистического Труда (1975). В 1953–1961 гг. решал проблему обнаружения самолетов на очень больших расстояниях на фоне помех. См.: Бартенев В.Г. Первые отечественные РЛС дальнего обнаружения, М.: Массовая радиобиблиотека, 2017.

66. Нинель Сергеевна Кулагина (1926-1990) заявляла о владении телекинезом, способностью читать тексты руками и затылком, управлять сердцебиением животных. В 1966 г. была осуждена за мошенничество Кировским районным народным судом Ленинграда. Была участницей нескольких экспериментов, тестирующих ее «паранормальные умения». Первый из них состоялся, как сообщает ленинградская газета «Смена» в номере от 16 января 1964 года, 10 января 1964 г., а уже 16 марта того же года в «Ленинградской правде» был напечатан протокол исследования Кулагиной в Ленинградском психоневрологическом институте им. Бехтерева, указавший на отсутствие у обследуемой сверхъестественных способностей. Несмотря на это, испытания Кулагиной неоднократно проводились на протяжении 1970-1980-х. В одном из них, проходившем в Институте радиотехники и электроники АН СССР в 1981 г., принимал участие Ю. Б. Кобзарев

67. Канторович Леонид Витальевич (1912 - 1986) – выдающийся советский математик и экономист, один из столпов советской кибернетики и создатель линейного программирования - математического метода, позволяющего находить оптимальные решения в условиях ограниченных ресурсов. Доктор физико-математических наук (1935), действительный член АН СССР (1964), лауреат Нобелевской премии по экономике (1975).

дело. Наша маленькая группа математиков – выпускников мехмата МГУ – моделировала оптимальную обработку сигналов и их фильтрацию, отбрасывая пассивные помехи с помощью математики. Мы учли то обстоятельство, что фольга долго болталась в воздухе, а самолёты летели стремительно. Если, используя разницу скоростей, одно изображение вычесть из другого, фольга уйдет, а самолёты останутся. На премию за исследования сравнительной эффективности нашей методики обработки сигналов с радаров в сравнении с теми, что добыли наши шпионы, я купил себе, наконец, приличное пальто.

Помню, как присутствовал на лекции Канторовича в Математическом институте им. Стеклова. В МИАНе стояла ЭВМ «Стрела»⁶⁷. И я от своего НИИ ходил туда считать чуть ли не каждый день. Однако на эту лекцию меня пригласили по линии Московского математического общества, в члены которого я попал после аспирантуры у Колмогорова. Леонид Витальевич тогда ещё не был никаким нобелевским лауреатом. Но Хрущёв, вернувшись из Америки, поставил вопрос ребром: «А нельзя ли нам использовать американские, так сказать, теории управления экономикой для улучшения работы нашей

экономики, социалистической?». Ответы на этот вопрос тогда искали в кибернетике. Канторовича слушали с живым интересом. Было много вопросов по математике и перспективам практического применения. Послушав Канторовича, я засел за внедрение одного из предложенных им симплекс-методов⁶⁸ в реальную жизнь своего закрытого НИИ.

При вычислительном отделе, куда я попал, действовало расчетное бюро. Семьдесят дам стучали на арифмометрах. Надо было сделать так, чтобы они друг другу не мешали, не разговаривали и работали хорошо, а не обсуждали свои семейные дела. Они не особенно отвлекались, но от шума уставали сильно за своими «Рейнметаллами» и «Мерседесами». Поэтому на них надели наушники. Кто-то догадался подвести к наушникам музыку. Тогда вышла целая история. Как выбирать? Какая музыка способствует повышению работоспособности? Перепробовали Бетховена. Все подряд, включая джаз. В итоге сработал Моцарт. Он дал пик работоспособности!

Расчетчицы хотели заработать, а им платили сдельно – по количеству сделанных расчетов. И тогда от меня военное начальство потребовало, чтобы я предложил алгоритм

68. Симплекс-метод – алгоритм решения оптимизационной задачи линейного программирования. Разработан американским математиком Дж. Данцигом в 1947 г.

расчета оплаты сдельного труда. Здесь-то я и засунул в симплекс-метод реальные цифры. И когда я попытался взять веса, по которым надо было взвешивать их в экономической модели, оказалось, что расчетчицы получали совершенно не зависимо от своей работоспособности. Их зарплата зависела от того, насколько они близки к бригадиру — мужику, который выставлял им в ведомость учёта то, что хотел. Попытка оптимизации управления провалилась, поскольку при социализме в распределение вмешиваются личные интересы распределяющих, что рушит всю идею. Были и другие ситуации, когда метод не работает в отношении нелинейных и более сложных процессов управления. С этими ограничениями имел дело Беллман с его динамическим программированием⁶⁹.

В 1957 году в Москве проходил фестиваль молодёжи и студентов — первый, когда к нам приехали иностранцы. Сотруднику почтового ящика контакт с ними был категорически запрещён. Но из окна своей комнаты на Садовом кольце мы с Инной могли видеть колонны с участниками, движущиеся в сторону Лужников.

В те дни, отсидев ночь за пультом БЭСМ-а, я шёл домой пешком с Ленинского проспекта, где находился институт ИТМиВТ — Институт вычислительной техники и точной механики⁷⁰. У нового здания университета был обустроен новый стадион МГУ, а там — соревнования по случаю фестиваля. Я спросил организаторов:

- Что такое?
- А вот, значок дадут.
- А что надо сделать?
- Бег на 100 метров, прыжки в высоту, метание ядра.

Я не очень-то был специалист по ядру. Я не годился вообще — маленький. Значит, я 100 метров пробежал, по- моему, за 11,6, что ли. Всех быстрее, кто там был. Ядро я толкнул на 9 метров. Это немного. В высоту я прыгать тоже не умел. Я разбежался, поджал ноги и перелетел. Я был такой, комок мышц. Взял 1 метр 50 сантиметров, который полагалось. Я шёл домой довольный. Не спал ночь и, тем не менее, себя преодолел — получил значок и выиграл соревнования.

А вот с комнатой, получение которой было условием моей работы в почтовом ящике, вышла целая история. Её мне достали не сразу, а примерно через год. Год мы снимали углы где-то — так, по привычке, за занавеской, у разных субъектов, которые курили при моём грудном ребёнке. Как оказалось, на эту комнату в двухкомнатной квартире положили глаз дворники, которым тоже жильё обещали. И они, недолго думая, сломали замок, влезли и поселились там с шестью детьми. Когда мы приехали занимать эту комнату, она оказалась занята. Пришлось с милицией выселять дворников. Была целая кампания. В итоге меня всё-таки туда водворили: повесили новый замок, и я стал жить в одной комнате площадью 16 метров — на пересечении Чкалова⁷¹ и Чернышевского⁷².

69. В 1953 г. американский математик Ричард Беллман разработал алгоритм динамического программирования, основанный на поиске оптимальной траектории, соединяющей узлы предварительно заданной регулярной сетки состояний. См.: Беллман Р. Динамическое программирование / пер. с англ. И.М. Андреевой, А.А. Корбу-та. М.: Издательство иностранной литературы, 1960.

70. Институт точной механики и вычислительной техники образован в 1948 г. в результате слияния подразделений трех институтов АН СССР — Машиноведения, Энергетического и Математического — для разработки быстродействующих ЭВМ. В период, когда Геннадий Алексеевич работает на машинах ИТМиВТ по квотам своего «почтового ящика», институтом руководит Сергей Алексеевич Лебедев.

71. Ул. Чкалова — до 1938 и с 1990 гг. название Земляного вала в Москве. С 1938 по 1952 гг. ул. Чкаловская. Получила свое название в память о сталинском соколе и герое сверхдальней (полярной) авиации Валерии Чкалове после его гибели.

72. Ул. Чернышевского — с 1940 по 1992 гг. название ул. Покровка в Москве

73. Магазин «Вина Армении» Министерства торговли Армянской СССР открылся в Москве по адресу ул. Чкалова 2/50 в ноябре 1949 г. Как писала по этому случаю «Вечерняя Москва», «магазин будет торговать сухими и свежими фруктами, сыром многих сортов, кондитерскими изделиями, всеми сортами винно-водочных изделий треста «Арарат», восточными пряностями и т. д.». См. Вечерняя Москва, № 275. 21 нояб. 1949.

74. Издательство иностранной литературы (ИИЛ, Иноиздат, Госиноиздат) – государственное издательство, работающее в СССР с 1946 по 1964 гг. на сокращение зазора между послевоенным советским обществом и передовыми достижениями мировой научной мысли. Подготовку научных кадров и инженерных работников должны были обеспечивать компетентные научные редакции, создаваемые для разных дисциплинарных областей при участии АН СССР и лично С.И. Вавилова, избранного президентом АН СССР. Заведующим физической редакцией стал М.А. Леонтович, математической – А.Н. Колмогоров, географической – Н.Н. Баранский. Первым заведующим экономической редакцией, где работала Инна Ососкова, был Иосиф Трахтенберг. В конце 1950-х гг. редакции Иноиздата была передовым и очень живым местом, где расстояние до современности сокращалось. См.: Гусев А. А. В Издательстве иностранной литературы // Академик М.А. Леонтович: Ученый. Учитель. Гражданин / сост. В.И. Коган. М.: Наука. 2003. С. 371-380.

75. Каролина Франческовна Мизиано (1913 – 1994) – дочь итальянского антифашиста, ученый-итальянист и переводчик. Закончила Институт красной профессуры. По рекомендации Луначарского изучала международное право. Работала в Коминтерне. В годы войны руководила западноевропейским отделом Студии иностранного вещания. В 1950-е преподавала в МГУ. Создала школу итальянистики. Работала в институте всеобщей истории. Была председателем Общества советско-итальянской дружбы.

Вот как раз на правом углу было здание, в котором я жил. А внизу был магазин – по моему, он назывался «Вина Армении»⁷³. Рядом был Сад Баумана. Кинотеатр находился налево, а направо жила лучшая подруга Инны по факультету, с которой она общалась. Так что у нас было всё очень здорово в этом плане. Единственное – Садовое кольцо означало бесконечный поток машин. Мы, открывая окно, занавешивали его марлей, чтобы не летело с улицы. Она становилась чёрной. Надо было менять через неделю.

Кроме того, в соседнюю комнату из этого же нашего закрытого института поселили другую семью – очень агрессивного человека, который, по моему, был ветераном войны. Своей целью они затеяли устроить нам такую жизнь, чтобы мы сбежали, а они захватили всю квартиру. Чего они и добились. Мы переселились туда, скажем, в каком-нибудь 1957 году, а в 1961-м я уже ускакал в Дубну из-за этого. Потому что жизнь там была очень суровой.

После экономической аспирантуры МГУ Инна устроилась в Издательство иностранной литературы⁷⁴ в Сокольниках. Трудоустройству здорово поспособствовала ее научный руководитель Каролина Франческовна Мизиано⁷⁵. Инну любили и ценили. Она

Семья Ососковых в 1960 г.

жально училась редакторскому делу и даже кончила вечернее редакторское отделение Политехнического института, получив второй диплом литературного редактора. А вечерами жально поглощала всех этих Кейнов и Тойнби, чтобы понимать, о чем пишут авторы, которых она редактирует. Атмосфера в издательстве в те годы, по словам Инны, была дружная и творческая.

Нам очень непросто было решиться на второго ребенка в условиях тесной коммуналки. Потом была битва за сохранение беременности. Много всего. Но весной 1960 года у нас родился второй сынок, Алёшенька, названный в честь деда Алексея Васильевича. Находясь в декрете, Инна продолжала работать из дома. Ей было интересно. Алеша был любопытным мальчуганом. Когда он стал ходить, то всюду лазил. Чтобы он не открывал соседский холодильник, сосед даже подвел к дверце электрический ток.

Если на Ленгорах Андрюшу нянчила вся женская половина общежития, то в коммуналке потребовалась нянька, ибо мы с Инной работали. Помню, няnek было несколько. Приходящая пожилая и молодая, живущая с нами ради прописки. Её я устроил потом вахтершей в свой «почтовый ящик». Иногда приезжала моя мама. Летом Андрея забирали родители в Орехово-Зуево. У Алеши была нянька со своей дачей в Отдыхе, куда мы ездили к нему через день. Как-то, приехав туда пораньше, я обнаружил, что нянька привычно засунула Лёшу в бочку, чтобы он ей не мешал заниматься огородом. Оттуда он скулил от скуки. У неё мы его тут же забрали и отвезли в Клин к бабушке Апполинару.

Старшему Андрею было без малого четыре года, когда мы решили устроить его в детский сад, находившийся в двух шагах

от нашего дома. Это было непросто. Директрису удалось уговорить в обмен на крытую беседку для прогулок в дождь и прожектор для освещения территории. На строительство этой обменной постройки я уговаривал уже замдиректора нашего НИИ по хозяйству, напирая на модный тогда лозунг о шефстве над детскими учреждениями. Ситуацию упрощал тот факт, что кроме моего Андрюши туда отдавали детей и другие сотрудники. А прожектор я добыл, увидев как электрики меняют старый кронштейн с прожектором, освещавшем по ночам периметр территории нашего НИИ. Узнав, что его тащат на свалку, я заплатил им, чтобы довели до детского сада и установили там.

Соседи были совершенно кошмарными. Семья разрослась. И в 1961 году я начал искать, куда бы мне сбежать из НИИ, где мне уже не могли помочь с приличным жильём. Сперва я обратился к своим однокурсникам, которые работали в Госплане СССР и, по слухам, были там всем обеспечены. Побывал у них. И они мне рассказали о печальной судьбе кибернетических новаций в социалистической экономике. Когда они пытались сверстать план, используя в расчётах модели Канторовича и Леонтьева, Хрущёв рычал, что их рациональная логика нарушает линию партии. Планы, перечёркнутые генсеком, пересчитывать по простым линейным моделям. Для самих госплановских расчётчиков исход был ещё более печальным. Обеспеченные всем, они получали госпремии и ордена, но все время жили в страхе и стрессе от возможных провалов, массово вымирая от инфарктов. Мне они поступать к ним отсоветовали, и я выбрал Дубну.

Глава 9. Дубна, 1961.

Начало в ОИЯИ. Е. П. Жидков.
Трудоустройство Инны.
Лодки и жизнь на воде

На призыв о помощи откликнулся мой знакомый по общежитию на Стромынке, 32, Евгений Петрович Жидков⁷⁶. Он возглавлял расчетное бюро в Лаборатории теоретической физики известного ядерного института, который находился в ста километрах от Москвы на границе Московской и Калининской областей. Узнав о моих жилищных проблемах, Жидков пригласил меня перебраться в Дубну. В апреле 1961 года он познакомил меня с Анатолием Алексеевичем Логуновым, тогда молодым доктором и заместителем Николая Николаевича Боголюбова по лаборатории. Тут же меня посадили в автомобиль и повезли показывать город и будущую трёхкомнатную квартиру. Сомнения, если они и были, тут же исчезли. С июня 1961 года я перешел на работу в Объединенном институте ядерных исследований.

Однако это было не первое мое знакомство с Дубной.

Кажется, после восьмого класса родители отправили меня к сестре моей мамы, Таисии Измаиловне, которая тогда жила у Молотовского затона под Горьким. Затон использовался для зимнего отстоя и ремонта теплоходов, которые ходили у нас по Волге. Двухпалубники, большие и красивые, они были

шикарно отделаны красным деревом. И вот в этот затон они заводились для ремонта.

Тогда семья Таисии Измаиловны состояла из мужа Авраама Федоровича и двух сыновей, Лёвы и Жени. Авраам Фёдорович был крайне недоволен тем, что родители-старообрядцы назвали его ветхозаветным именем, что делало его едва ли не Абрамом, а значит – евреем. И он решил, что в таком случае пусть дети тоже носят еврейские имена. Одного сына он назвал Евгением, другого Львом. Когда позднее родилась дочка, ее назвали Руфиной. Женя тогда уже был студентом. Учился в Ленинградском авиастроительном техникуме, а в летние месяцы – подрабатывал сварщиком в затоне. По окончании техникума в 1951 году его распределили на работу в Дубну, на левый берег. Там строился военный завод, на который после войны привезли немецких специалистов. Начинать делать ракеты и самолеты. Со временем вся семья тети переехала в Дубну.

В начале осени 1954 года родичи пригласили меня к себе вместе с Инной, чтобы познакомиться с моей будущей женой. Помню, была рыбалка. Я ловил на дорожку лодки⁷⁷. Попадались крупные рыбы, и все было потрясающе для меня интересно. Инна была очарована Дубной. У ракетостроителей-

76. Жидков Евгений Петрович (1926–2007) – советский математик, специалист в области численных методов. Аспирант И.Г. Петровского. Преподавал в МИФИ. В ОИЯИ с 1959 г. До 1963 гг. начальник отдела вычислительной математики и счетных машин Лаборатории теоретической физики ОИЯИ, в 1963–1966 гг. начальник Вычислительного центра ОИЯИ, потом – начальник отдела вычислительной математики ЛВТА ОИЯИ. Большой любитель водных путешествий.

77. Ловля на дорожку (троллинг) – способ ловли хищной рыбы (например, щуки), когда за счет движения лодки создается эффект живой приманки..

ударников с левого берега был тогда пропуск в закрытую часть – к физикам на правый берег. Секретная Гидротехническая лаборатория, на территории которой действовал крупный ускоритель, в те месяцы как раз открывалась миру, превращаясь в Институт ядерных проблем, о котором вот-вот открыто начнут писать газеты. Выходит, что секретность несколько ослабла, но на правый берег, где еще оставались лагеря заключенных, не пускали. Исключение делали для работников авиационного завода, получающих разовые пропуска в магазин на стороне физиков. Там можно было купить красную икру, сливочное масло, гречку и другие редкости.

На правом берегу я побывал по пропуску брата и был поражен тем, как может быть устроена жизнь. И поэтому, когда я решил удрать из почтового ящика и получил приглашение в Дубну, скрепленное обещанием без промедления предоставить трёхкомнатную квартиру, то согласился, не раздумывая.

После завершения формальностей с оформлением Логунов пригласил меня к себе со словами: «Что, Геннадий Алексеевич, ты думаешь, трёхкомнатная квартира даром даётся? Её надо отработать». Я говорю: «Как?» Он говорит: «Очень просто. Вот у нас сейчас Скифф Соколов⁷⁸, который был председателем месткома лаборатории, не может больше. Его пора переизбирать. Теперь ты будешь вместо него председателем месткома на следующие год полтора – как получится». Я говорю: «Как? Я никого и ничего не знаю». «Но, – говорит, – ты, во первых, партийный и имеешь опыт партийного руководства, так что тебе легче будет, чем ему. А во вторых, раз не знаешь – будет повод всех узнать. Уверен, ты справишься».

На следующей профсоюзной конференции меня выбрали председателем месткома лаборатории. Я, действительно,

руководил им полтора года. В то время профсоюзная организация играла в жизни сотрудников куда большую роль, чем сейчас. Приходилось, во-первых, делить жильё. Тогда был пик строительства панельных и силикатных «хрущёвок». Во-вторых, участвовать в распределении премий по итогам соцсоревнований. В-третьих, вести массу социокультурной работы – от организации культурных и спортивных мероприятий до разбора трудовых конфликтов. В том числе тех, что доходили до товарищеского суда, который тоже находился в ведении профсоюза.

Жильё было главным источником напряжения, поскольку в сравнительно молодой Лаборатории теорфизики сразу много новых сотрудников оказались в очереди на жильё, имея на него равные права. Из двадцати претендентов на квартиру, выделенную лаборатории, надо было коллегиально (через жилищную комиссию) выбрать одного счастливец. В этот момент я обретал девятнадцать коллег, крайне недружелюбно настроенных именно ко мне на всю оставшуюся жизнь. Я учился быть беспристрастным. Но часто начальство требовало все нарушить.

Так было, например, с будущим академиком и директором ОИЯИ, тогда

78. Соколов Скифф Николаевич - советский математик и физик-теоретик. Доктор физико-математических наук, профессор. Работал в ОИЯИ, а с 1964 г. в ИФВЭ (г. Протвино). Внес большой вклад в создание программного обеспечения для ЭВМ БЭСМ-6. В 1961 г. защитил диссертацию на тему: «Теория релятивистского квантового описания» на соискание ученой степени доктора физ.-мат. наук.

совсем молодым Кадышевским. После защиты кандидатской ему полагалось выделить на семью двухкомнатную квартиру. Но жена Владимира Георгиевича тогда была в годичной командировке в Индии, что не позволяло его выписать из московской квартиры. Новая двушка, выданная для ЛТФ, в случае малейшего промедления ушла бы в другую лабораторию. Приходилось как-то изворачиваться.

А чего стоила деятельность по организации выступления спортивных команд на соревнованиях, работы стенгазеты или конкурсных капустников на сцене Дома ученых или ДК «Мир», когда хотелось обойти другие лаборатории? Одним словом, была масса занятий, которые меня отвлекали, вообще говоря, от научной работы, но сделали знатоком здешней жизни.

За передачей профсоюзных дел я познакомился и подружился со Скиффом Николаевичем Соколовым, который потом стал знаменитым математиком в Протвино. Этот человек занимался вещами, в которых я не разбирался. Проблему оптимизации я знал только по Канторовичу. А здесь оптимизация осуществлялась применительно к обработке данных физических экспериментов.

Скифф вместе со своим дипломником Игорем Силиным тогда сделал могучую программу FUMILI⁷⁹. Силин был программистом от бога⁸⁰. Его способность программировать в кодах сложные конструкции была просто фантастической. FUMILI

79. FUMILI – быстродействующий алгоритм численной минимизации. Разработан Соколовым С. Н. и Силиным И. Н. в 1961 г. См.: Соколов С. Н., Силин И. Н., Нахождение минимумов функционалов методом линеаризации, Препринт ОИЯИ Д-810, 1961.

80. Силин Игорь Николаевич (1936–2006) – доктор физико-математических наук, профессор, главный научный сотрудник ОИЯИ. В ОИЯИ с 1959 г. Участник и соавтор работ по фазовому анализу. Внес вклад в создание программного обеспечения для ЭВМ БЭСМ-6. Руководил разработкой операционной системы «Дубна», за создание которой в 1974 г. награжден орденом Трудового Красного Знамени. См.: Дубна: наука, содружество, прогресс, №49 (3837), 8 дек. 2006 г..

Семья Ососковых в Дубне, 1961 г.

на долгие годы обеспечила диссертациями многих наших физиков и математиков. Она умела минимизировать любые функционалы и многомерные функции со связанными между собой параметрами. Скифф как раз готовился к защите диссертации, сделанной на базе этой программы. И, естественно, пригласил меня на защиту.

Оппонентом у Скиффа был Михаил Григорьевич Мещеряков⁸¹. Тогда я его впервые увидел. Оппонент вёл себя совершенно нестандартно и артистично: закатывал глаза, говорил, повышая и понижая голос, не глядя в бумажки, и подробно объяснял, насколько важна задача, которую решал Скифф, чем очень меня заинтересовал. Когда я потом у Скиффа спросил: «А это кто такой?», то услышал: «Ты что, не знаешь?! Это человек, который нам Дубну построил!» И он пересказал мне историю скандального смещения М.Г. с должности директора Института ядерных проблем. Не зная ещё всех обстоятельств, я уже был впечатлён значимостью этой фигуры для города.

В ОИЯИ я сразу же почувствовал свою востребованность. В своем почтовом ящике я занимался математическим моделированием методом Монте-Карло. Это умение пригодились и здесь, поскольку физикам было важно моделировать свои эксперименты. О характере этих экспериментов и проблемах, которые решали физики, до начала работы в Дубне я знал немного. Пришлось вникать.

Сначала я попал в объятия специалистов по нейтронной физике и занимался нейтронными спектрами. Тогда пускали ИБР, и было много данных оттуда. Потом теоретики заставляли меня моделировать физические процессы.

И, естественно, рассказывали про то, как сталкиваются, появляются и разлетаются частицы. В решение задач, связанных с обработкой данных экспериментов (и в частности, в сложную задачу восстановления траектории осколков взаимодействия), меня вовлек Николай Николаевич Говорун.

С Говоруном мы встретились в Дубне и обрадовались друг другу. В ОИЯИ он попал после аспирантуры на физфаке МГУ. А до этого закончил мехмат, получив распределение в Харьков на танковый завод, где активно использовал свои знания математики и физики. За ним присматривали Самарский и Тихонов, которых он выручил тем, что решил все 500 задач в их знаменитом учебнике математической физики⁸². Это они его вытащили в аспирантуру. Мы с Николаем не пересекались в аспирантские годы. Но нас связывало студенчество, когда на первых курсах мы сидели вместе.

Говорун был фантастически талантливым человеком. В то время физическую картину взаимодействия элементарных частиц восстанавливали по стереофотоснимкам. По тем временам это была необычайно сложная задача. Николай Николаевич мог не только сформулировать ее математическую сторону, но и знал, как написать программу для ее

81. Мещеряков, Михаил Григорьевич (1910-1994) – советский физик, член-корреспондент АН СССР. Ученник И.В. Курчатова, участник запуска первого советского ускорителя (циклотрона Радиевого института АН СССР), затем – руководитель циклотронной лаборатории РИАН. Советский представитель на ядерных испытаниях США на атолле Бикини (1946 г.), эксперт Атомной комиссии при ООН. Руководитель проекта по созданию синхроциклотрона, директор конспиративной “Гидротехнической лаборатории” АН СССР (будущего Института ядерных проблем АН СССР), один из основателей Дубны. Доктор наук (1950 г.), член-корреспондент АН СССР (1953 г.). После создания ОИЯИ (1956 г.) теряет руководящие посты, однако с 1966 года становится директором новообразованной Лаборатории вычислительной техники и автоматизации (ЛВТА).

82. См.: Тихонов А. Н., Самарский А.А. Методы математической физики, М.: Государственное издательство технико-теоретической литературы, 1953 г.

обсчета. Он рассказал мне, какое уравнение нужно решить и каким образом это можно запрограммировать. Мы придумали схему. По ней я написал программу в машинных кодах – и она заработала. Это была моя первая интересная работа в ОИЯИ. Жаль, что эта программа не применялась широко.

В то время всё было новое, интересное. Мы работали сообща, обменивались какими то наработками. Трудились в каком то смысле на износ, по ночам набирая свои программы на компьютерах. От хронического недосыпа и переутомления я начал хворать и попадать в больницу. То же приключилось и с моими еще более молодыми коллегами.

Моя супруга, имевшая захватывающе интересную работу в Москве, была категорически против переезда. Она закончила аспирантуру, работала в центральном издательстве, знала два языка и была очень социально активна. И потом, у неё там была такая же зарплата, как у меня, если не побольше. А в Дубне ей абсолютно нечего было делать. И здесь еще раз на помощь пришла ее научный руководитель Каролина Франческовна Мизиано. Каролина была дочерью итальянского коммуниста, который в 1930-е годы прибыл в СССР строить коммунизм и с Коминтерном готовить мировую революцию, но был расстрелян. Каролина уцелела, стала кандидатом наук и доцентом МГУ. Это она вырастила Инну, у которой и диплом был по Италии, и диссертация – по итальянскому рабочему движению. Мизиано дала Инне рекомендательное письмо.

Иностранные языки в институте были только в международном отделе. Отделом руководил такой Хангулов – бывший разведчик восточного типа, пожилой и весь больной. Кажется, он был генерал секретных служб в отставке.

Помимо иностранных сотрудников из стран народной демократии в ОИЯИ приезжали видные физики из капстран и большие знаменитости, вроде Нильса Бора и Жолио-Кюри⁸³. Посещение ими института надо было организовывать.

Хангулов почитал рекомендательное письмо, посмотрел на Инну, сунул ей письмо Нильса Бора. Она перевела. Он сказал: «Ну вот, видите? Вы перепутали. Прошедшее время перевели как настоящее. Так что вы не самый лучший переводчик». Она говорит: «Ну, я волнуюсь». А он: «Милая девочка, я вот на вас смотрю и думаю, что здесь вам не место. Переводчик международного отдела – это такая должность, когда надо переводить, сопровождать гостей, выполнять задания, кормить их в ресторанах. Это всё не для вас. Вам надо найти какую то другую работу». Инна сначала расстроилась, но потом оказалось, что старый разведчик был прав.

У моего сослуживца Петра Степановича Исаева жена работала директором вечерней школы. Там как раз требовался учитель истории. Инну взяли. В дипломе у неё было написано, что она может преподавать историю.

И так мы переехали в Дубну и поселились в трёхкомнатной квартире. А до этого ютились

83. Фредерик Жолио-Кюри посетил ОИЯИ в мае 1958 г., а Нильс Бор – в мае 1961 г.

в одной комнате с двумя маленькими детьми и нянькой. Теперь Инна по вечерам работала в вечерней школе, а днём сидела с детьми. Вечером я сидел с детьми, а она уходила на работу. И оказалось, что она учитель от Бога! Преподавала с азартом и была увлечена своим делом.

Вот только преподаватель истории должен был одновременно ещё вести историю КПСС, а значит, быть членом партии. А Инна – дочь врага народа. Она очень переживала. Но уже коллеги появились и знакомые. Хорошие люди дали ей рекомендацию, и в партию она вступила.

В 1961 году в Дубне построили уникальную 8-ю школу. На её открытие приезжал Гагарин! Это стало большим событием. Школа была оборудована по последнему слову. В ней даже имелась обсерватория, предназначенная для наблюдения за спутниками. Первым директором школы №8 был Афанасий Григорьевич Амосов, но ее золотой век связывают с именем Бориса Александровича Сахарова. При нем школа стала лучшей в городе. На новаторский манер он внедрял в своей школе специализацию, создавая классы с углубленным изучением математики или английского. Потом его обвинили в насаждении элитарности и отправили учителем на Дальний Восток. Но в начале своего директорства он обновлял педагогический коллектив и обнаружил, что в вечерней школе работает хороший преподаватель Инна Захаровна Ососкова, которая не прочь сменить место работы. В итоге Инна вела историю в 8-й школе, где учились наши дети, и водила свой класс в турпоходы.

В начале 1960-х Дубна со времени моего первого знакомства заметно изменилась. Исчезли круглые юрты на

берегу Волги, в которых жили заключённые. На этом месте мы на субботниках высаживали деревья. Уходили в прошлое деревенские домики, от которых оставались только берёзы из палисадников. Город активно застраивался «хрущёвками». Сейчас это жилье не считается таким уж комфортабельным, но тогда эта квартира казалась нам очень просторной. До этого мы так никогда не жили! Потом появились еще более удобные дома с отличной планировкой, построенные по болгарским проектам⁸⁴. Это был вклад Болгарии как страны-участницы в общее хозяйство ОИЯИ.

Обустройством нашей новой квартиры я занимался сам. Поскольку во время войны я научился работать с деревом, то всю мебель в доме изготовил собственноручно. Тогда ведь ничего не продавали. Купил рубанок, доски выписал по наряду от лаборатории и сделал столы, табуретки и топчаны, на которые мы уложили матрасы. Дубненская жизнь началась.

Поскольку Дубна стоит на Волге, жизнь здешних обитателей тесно связана с водой. Первые лет двадцать после приезда сюда я открывал купальный сезон 1 мая и заканчивал 7 ноября.

До тех пор, пока бензин стоил 7 копеек за литр, весь берег был уставлен ящиками, в которых лежали моторы, а люди катались на

84. Болгарские дома – жилье дома, построенные по проектам, разработанным в начале 1960-х годов болгарским проектным институтом Главпроект по заказу ОИЯИ специально для Дубны. Всего было разработано четыре типа четырехэтажных секций, а также проект 9-10-этажного жилого дома.

лодках. Это мне очень понравилось. Сначала у меня не было денег на такую лодку. Но сразу же после переезда я отыскал в одном из московских магазинов и притащил на своих плечах в Дубну увесистую шестиметровую байдарку «Ладога»⁸⁵, куда помещались четверо – двое детей и мы с женой.

Мои коллеги начинали с того, что ходили в байдарочные походы по окрестным рекам. Надо было заехать на грузовике куда то в верховье, спуститься в Волгу и приплыть в Дубну. Я тоже пошел по этому пути. В результате моя байдарка, после двух сезонов истыканная корягами и заклеенная со всех сторон, выглядела старушкой. Белой краской у нее на боку так и было выведено – «Старуха». Всю Прибалтику мы проехали на этой «Старухе», спускаясь по всем рекам, какие там только были.

Заместителем директора Лаборатории ядерных проблем был знаменитый физик, Алексей Алексеевич Тяпкин⁸⁶. Очень увлекающийся человек, катался на горных лыжах. Я с ним вместе ездил однажды в горнолыжный лагерь на Домбае. Поскольку гор в Дубне не было, Тяпкин, пользуясь своим административным ресурсом, нанял трактор и насыпал в лесу за Черной речкой высоченный сорокаметровый холм, названный «Пиком

85. Разборная байдарка «Ладога» выпускалась с 1964 г. Была несколько крупнее популярных моделей «Луч» и «Салют»: длина – 5,4 м, ширина – 0,92 м, высота – 0,35 м, вес – 35 кг. Обладала большой остойчивостью и грузоподъемностью (до 400 кг). Особенно ценилась туристами-байдарочниками, сплавлявшимися по маршрутам с обилием порогов.

86. Тяпкин, Алексей Алексеевич (1926-2003) – советский физик, доктор физико-математических наук (1964), работавший в ОИЯИ. Увлеченный исследователь, создатель экспериментальных установок и новых видов детекторов. Внес большой вклад в исследования релятивистских частиц. Большой энтузиаст горно- и воднолыжного спорта, вдохновитель многих творческих инициатив Дубны. Благодаря А.А. Тяпкину в Дубне появилась насыпь для лыжных спусков, с юмором названная в его честь «пик Тяпкина».

Тяпкина». На этом пике учились кататься наши дети, да и вся горнолыжная секция Дома Ученых ОИЯИ.

Покатавшись на горных лыжах, Тяпкин обнаружил, что за границей, оказывается, все ездят на водных лыжах. Наши лодки с моторами «Стрела» такие лыжи не тянули. Надо было, чтобы мотор был не меньше пятидесяти лошадиных сил. И Тяпкин, пользуясь связями с заграницей, выбил скоростной катер, который привёз сюда, и устроил водно-лыжную секцию.

Инна тут же в неё записалась, естественно. А там основной костяк составляли мальчишки лет по пятнадцать (и среди них – будущие известные воднолыжные тренеры, братья Нехаевские). Они были очень недовольны тем, что появилась резвая тётка, которая «полна рефлексов», как они выражались. Это выяснилось, когда Тяпкин соорудил трамплин, и катер мог разогнать людей так, что они взлетали, а потом летели метров тридцать по воздуху. И вот тут оказалось что Инна, «в силу естественных рефлексов», когда оказывалась в воздухе, отпускала фал, который ее тянул, и начинала махать руками, чтобы сохранить равновесие. И, конечно, плюхалась в воду. В общем, она ушла из секции со словами: «Хватит байдарки! У нас должна быть лодка с мотором, которая будет меня возить!» Что делать? Я купил «казанку» – такую лодку, у которой с боков есть широкие дополнительные «карманы», чтобы она при повороте не опрокидывалась.

Но эта лодка у меня появилась не сразу. Из Лаборатории физики высоких энергий к нам перешел Юрий Александрович Каржавин – специалист по автоматизации,

энергичный и интересный человек. Из эпоксидки и фанеры Юрий Александрович сделал себе катер. Мой мотор на него хорошо вставал – можно было ездить. Я брал у него катер, устанавливал свой мотор, и мы катались всей семьёй. Было очень здорово!

Потом мы купили самодельную лодку у одного чеха. Но она была такая маленькая, что мотор поднимал у неё нос. Жене приходилось сидеть на носу, а это было не очень удобно. В общем, мы её потом кому-то подарили. И вот тогда купили «казанку».

Это была уже серьёзная посудина – с рулём, со всем управлением, и мотор «Вихрь» в 50 сил. Опять же, один из первых в России. Весил 52 килограмма. Так я завёл лодку и начал катать Инну. Потом дети подросли и тоже стали кататься. Младшего Лёшку поставили на водные лыжи в семь лет. Он научился мгновенно. Просто встал – и поехал. В этом он был в маму. Инна и сама научилась кататься на водных лыжах вот так запросто. Когда в 1964 году мы ездили в Прибалтику, то на озере в Тракае она увидела, как катаются на самодельных лыжах из гнутой фанеры. Инна подошла к мужикам и сказала: «Я хочу попробовать». Они ответили: «Да ни одна женщина ещё не смогла прокатиться на этих лыжах». А Инна встала – и поехала. Она была в таком диком восторге, что тогда же сказала мне: «Категорически мне это нужно!»

Как извозчику Инны, самому мне не так часто доводилось стоять на водных лыжах. Это когда дети выросли – потом уж начали меня катать. Поэтому я не стал водным лыжником таким незаурядным, как мой старший сын, который на одной лыже делает любые фигуры. Я стоял на двух лыжах как любитель. Мне просто нравилось, что я лечу.

К слову, мы не только на водных лыжах катались, но ещё ездили на Медведицу за грибами. На лодке, которая неслась очень быстро, добирались туда за час. Вечером, после работы, садились в лодку, дёргали мотор, ехали в темноте, приставали к месту и разбивали палатку. Утром просыпались и набирали две корзинки грибов. Потом грузились обратно. Дети такое любили. У меня и песня есть об этом:

Не знаю, почему мне вспомнилось тогда,
Как было хорошо в те дальние года
По Волге вниз с семьей умчаться на моторке,
Чтоб там без лишних слов
Насобирать грибов
И спать там вчетвером в палатке на пригорке
Под крики утренних дроздов.

Воспоминания сына Алексея Ососкова
о своем дубненском детстве

Несколько дней я раздумывал, что написать такого памятного. И как-то сами собой в памяти начали всплывать картинки-воспоминания из разных периодов детства и юности, в которых роль отца запечатлелась наиболее ярко.

Я всегда восхищался его умением делать всё своими руками. Когда наша семья переехала в Дубну в 1961 году, отец сам сделал на тесной кухне откидной стол и лавку из толстенной сосновой плахи на врезных крепких ножках, на которой мы с братом сидели за столом вдвоём, построил ещё какую-то мебель, оборудовал полки в кладовке.

Когда купили лодку с мотором, он сам построил слани для лодки, где-то добыл металлический ящик для хранения мотора и канистр с бензином, устроил съёмную лебёдку для вытаскивания лодки. Таких лодок было по берегу несколько сотен, т. к. Волга была безальтернативной водной дорогой в то время. Я очень гордился, что мы теперь тоже можем на лодке домчаться с ветерком до Клетинского бора или до дальнего грибного леса на речке Ситмеж.

Однажды лодочный мотор сломался. Папа взвалил его на плечо (а это 50 кг) и легко поднялся на наш 4-й этаж, положил мотор на кухонный стол, разобрал его на части и долго смотрел на всё это в глубокой задумчивости. Что-то заменил, собрал – и мотор заработал! Я был настолько уверен, что «папа всё может», что не сомневался в успехе ни секунды, и моя детская вера не была посрамлена. Папа-волшебник! Сильный, мудрый, любящий, но строгий.

Я знал, что он – математик и на работе делает что-то очень сложное, недоступное моему пониманию. Может задержаться до глубокой ночи, потому что его дело – государственной важности.

Я знал, что папа и мама – спортсмены, и мы, дети, рано встали на лыжи и коньки.

Для коньков у отца был специальный станок для заточки и большой серый точильный камень. Наши коньки были всегда острые, не то что у других пацанов во дворе!

Именно с коньками связан один эпизод, о котором я хочу рассказать подробнее.

Думаю, мне было лет двенадцать-тринадцать в тот год, и эта история оказалась важна для меня, для, как сегодня сказали бы, подростка в переходном возрасте: отец впервые поставил меня рядом с собой как равного. Это сильно отозвалось в сердце.

В тот год зимние морозы неожиданно ударили сразу после оттепели, когда снег уже лежал, а лёд на реках ещё не встал. И вот прошло несколько тихих морозных дней, и Волга и Дубна покрылись льдом – гладким и прозрачным. На Волге лёд был неустойчивым, а на Дубне – уже прочным. И мы решили пробежаться по этому зеркалу на коньках.

Я к этому времени уже умел сносно гонять на маминых беговых коньках с длиннющими лезвиями и полюбил это ощущение головокружительной скорости, когда на большом ледовом кольце на стадионе я с лёгкостью обгонял сверстников на их «гагах» и «канадах», не говоря уже о девчонках на «фигурках». Видимо, наблюдая за мной, отец и решил показать мне, что такое настоящий лёд.

Мы с папой оделись по-спортивному легко, обули валенки, взяли в руки коньки и быстрым шагом отправились на берег Дубны. Через полчаса мы были на месте. День был хмурый, но безветренный. Лёд лежал перед нами тёмной лентой, прозрачный до глубины.

Надели коньки, спрятали валенки в кустах и ступили на зеркало реки.

По замыслу отца, мы должны были добежать до Стрелки – деревеньки на месте слияния рек Сестры и Дубны. От места нашего старта по льду это около 10 км.

Алеша (2 года) с папой в лыжном походе

Через пару километров я вошёл в ритм, и меня подхватило. Лезвия коньков пели высоким гласом, почти звенели, лёд отзывался потрескиванием. Я старался как можно дольше длить скольжение после каждого толчка, и у меня получалось. Это был полёт.

По сторонам проносились брейгелевские пейзажи – заснеженные берега, замысловатые чёрные деревья, посеребрённые купы прибрежных кустов, тёмные домики деревень. А мы летели вперёд.

Километров через 5–6 чудо закончилось и началась тяжёлая работа. В висках стучало, куртка взмокла на спине, ноги отяжелели. Стало труднее перескакивать через вмёрзшие ветки деревьев и крупные трещины льда. Но я тянулся за отцом и не жаловался. А может, и жаловался. Как отец меня поддерживал, тянул ли он меня на буксире часть пути или я справился сам – гордая память не сохранила.

Когда мы добрались до Стрелки, короткий зимний день уже начал склоняться к вечеру. Немного отдохнули и повернули в обратный путь. В сумерках наше обратное движение ещё больше замедлилось. До финиша добрались уже затемно. Значит, всё путешествие заняло около двух с половиной часов. Для пути длиной около 20 километров – неплохо.

Домой брели уже в полной темноте, луны не было, но белый снег позволял видеть дорогу и стволы деревьев, и с пути сквозь лес мы не сбились.

В тот день я в первый раз в жизни узнал, что значит – преодолеть себя. И понял, что это возможно. Это был важный урок, и я благодарен за него своему Учителю.

Обустроившись в Дубне, в 60-х годах я обнаружил, что люди плавают под водой в масках. И захотел, чтобы у меня тоже была маска. Я нашёл и купил первые в своей жизни резиновые ласты и был в диком восторге от их возможностей. А с маской вышло непросто. Её надо было сделать самому. И вот тогда я использовал инженерную мысль. Взял грелку, вырезал дырку для головы, чтобы было прилегание. Спереди вырезал отверстие. Вставил туда из плексигласа экран обзора. А сзади оставил резину, чтобы маска держалась на голове. И получилась вполне приличная маска.

Но самое для меня трудное было – сделать трубку и ружьё для подводной охоты. Благо, у меня были хорошие отношения с рабочими, а в институте были экспериментальные мастерские с токарными станками и прочим оборудованием. Трубку я согнул из алюминиевой трубочки с большим трудом. Она не хотела гнуться, но в итоге поддалась. Нагубник выпилил сам из резины – так, чтобы всё это можно было взять в рот и не выпускать. Первое время я задыхался, если опускался слишком глубоко. Потому плавал так, чтобы трубка торчала. И если вода попадала, то выныривал и выплёвывал. Это потом уже появились трубки со всякими клапанами, которые позволяли нырять.

А ружьё для подводной охоты я сделал полностью самостоятельно. Ребята выточили корпус небольшой. Штуковину из толстой вакуумной резины, которую очень трудно растянуть, я использовал, чтобы натягивать гарпун. Трезубцы-гарпуны мне помогли отковать в мастерских. Они крепились на длинных тонких трубках, летели и втыкались в рыбу.

Вначале я просто нырял с маской и палкой, к которой была привязана вилка. И, кажется, первого ската своего я вот так проткнул и вытащил на берег в Геленджике. Фурор начался страшный. Меня быстро отпихнули со словами: «Не мешай, смотри-ка, скат живой, дай нам посмотреть!» А скат там прыгал, и все вокруг говорили, что если он ударит своим жалом, то тебя парализует.

Впоследствии, когда я ездил в Алушту, где у ОИЯИ пансионат «Дубна»⁸⁷, там уже нырял хорошо и основательно увлекался подводной охотой. Мне попадались какие то окуни ленивые, которые не очень быстро плавают. К тому времени, по-моему, уже можно было купить уже что-то более менее приличное из оборудования.

Я и на горных лыжах катался довольно прилично и даже занимался фрирайдингом. В Казахстане есть такой Чимбулак, и там спуски очень хорошие. Я каждую зиму там катался по свежему снегу. Это была фантастика! Полёт! Крутой склон – ты летишь, и как будто буквально полёт!

В век физики, работая в Дубне среди физиков, я с самого начала ощущал себя как обслуга – человек, который должен физикам обеспечить инструментальную базу для обработки данных эксперимента. При всём при том я понимал, что они без нас никуда не денутся. И что вообще большинство методов, которые применяются в физике, основаны на математических вещах. То есть я ходил на семинары, слушал доказательства и понимал, что там есть глубокая математика.

Именно в Дубне я ощутил атмосферу оттепели во всей силе, поскольку до этого находился среди вояк, где всё было закрыто и нельзя было откровенно

говорить ни с кем. А здесь меня встретили свобода и раскрепощённость. В начале 1960-х Дубна была раем для поэтов, бардов и свободомыслящих людей. Это свобода, в которую вливаешься совершенно естественным образом.

Не то чтобы я попал в какую-то там Страну Оз. Нет. Просто жизнь в Дубне была настолько естественна и легка, что я воспринял ее, как в реку вошёл. Вошёл и увидел, что такая жизнь лучше, чем та, что была раньше.

Продолжение следует...

87. Пансионат «Дубна» – объект инфраструктуры ОИЯИ в г. Алушта. Помимо базы отдыха используется как место проведения конференций. Решение о постройке принято в 1961 г., первый корпус открыт в 1967 г.

Список использованных источников

1. Интервью с Геннадием Алексеевичем Ососковым [Видеозапись] / Лаборатория информационных технологий ОИЯИ. – 2025. – URL: <https://rutube.ru/video/d185a99af5bbe860ab857b0b6d0590e/> (дата обращения: 03.02.2026).
2. Личный архив семьи Ососковых (Дубна, Орехово-Зуево). Воспоминания Геннадия Алексеевича Ососкова о знакомстве с Инной Захаровной Ососковой (Порядиной): [рукопись]. – 2025 г.
3. Личный архив семьи Ососковых (Дубна, Орехово-Зуево). Воспоминания Геннадия Алексеевича Ососкова, написанные по запросу учителей Коломенской школы №9: [рукопись]. – 2018 г.
4. Личный архив семьи Ососковых (Дубна, Орехово-Зуево). Воспоминания Геннадия Алексеевича Ососкова об учителях А.Я. Хинчине и А.Н. Колмогорове. Материалы доклада, прочитанного на XXIII международной конференции «Математика. Компьютер. Образование», расширенные и записанные по просьбе ее организаторов: [рукопись]. – июнь 2016 г.
5. Личный архив семьи Ососковых (Дубна, Орехово-Зуево). Воспоминания Геннадия Алексеевича Ососкова, написанные к 100-летию отца по просьбе семьи: [рукопись]. – 2006 г.
6. Личный архив семьи Ососковых (Дубна, Орехово-Зуево). Воспоминания Натальи Алексеевны Евсеевой (Ососковой) о военных годах, записанные к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне: [рукопись]. – 2020 г.
7. Личный архив семьи Ососковых (Дубна, Орехово-Зуево). Воспоминания Надежды Алексеевны Ососковой о рассказах про арест деда, записанные в 1970-х гг., предположительно, к 70-летию матери: [рукопись].
8. Личный архив семьи Ососковых (Дубна, Орехово-Зуево). Воспоминания Анны Измаиловны Ососковой о семье: [рукопись]. нач. 1970-х гг. Семейный архив.
9. Личный архив семьи Ососковых (Дубна, Орехово-Зуево). Воспоминания Анны Измаиловны Ососковой об аресте деда, написанные ок. 1938-1940 гг. от руки и переведенные в машинопись около 1970-го года: [рукопись].
10. Личный архив семьи Ососковых (Дубна, Орехово-Зуево). Воспоминания Натальи Алексеевны Евсеевой (Ососковой) о свадьбе Геннадия Алексеевича и Инны Захаровны Ососковых: [рукопись]. – осень 2025 г.
11. Личный архив семьи Ососковых (Дубна, Орехово-Зуево). Воспоминания Надежды Алексеевны Ососковой, записанные к 100-летию мамы, Анны Измаиловны Ососковой: [рукопись]. – февраль 2006 г.
12. Личный архив семьи Ососковых (Дубна, Орехово-Зуево). Воспоминания Алексея Геннадьевича Ососкова о беге на коньках с отцом: [рукопись]. – январь 2026 г.
13. Личный архив семьи Ососковых (Дубна, Орехово-Зуево). Воспоминания Веры Алексеевны Ососковой об уходе за маленьким Андреем Геннадьевичем Ососковым: [рукопись]. – осень 2025 г.
14. Личный архив семьи Ососковых (Дубна, Орехово-Зуево). Письмо в редакцию радиопередачи «Рабочий полдень» от Натальи Алексеевны Евсеевой (Ососковой), Надежды Алексеевны Ососковой и Веры Алексеевны Павловой (Ососковой): [рукопись]. – февраль 1976 г.
15. Личный архив семьи Ососковых (Дубна, Орехово-Зуево). Фотографии разных лет.

16. Личный архив семьи Ососковых (Дубна, Орехово-Зуево). Шестериков И.Ф. Письма родным с воинской службы: [рукопись]. – 1897 г.
17. Молчанов Е. М. // Профессор Г.А. Ососков: «Как важно вовремя передать эстафету» // Дубна: наука, содружество, прогресс. – 2001. – 23 февраля (№7). – С. 4-5.
18. Ососкова, И. З. Детство отняла война... Воспоминания дубненских ветеранов [Электронный ресурс] // Встреча. – 2018. – 19 апреля – URL: <https://www.dubnapress.ru/social/8459-2018-04-17-12-47-01> (дата обращения: 02.02.2026).
19. Тарантина, О. Н. Г. А. Ососков: «Желаю сохранять оптимистичный настрой!». К юбилею ЛВТА-ЛИТ // Дубна: наука, содружество, прогресс. – 2025. – 28 августа. (№ 32). – С. 4-5.
20. Тарантина, О. Н. Г. А. Ососков: «Желаю сохранять оптимистичный настрой!». К юбилею ЛВТА-ЛИТ // Дубна: наука, содружество, прогресс. – 2025. – 4 сентября (№ 33). – С. 4-5.

Список использованных интервью

1. Интервью с Ососковым Г.А. Интервьюер Орлова Г.А. 18 октября 2024 г. Расшифровка Гольдштейн А.А.
2. Интервью с Ососковым Г.А. Интервьюер Гольдштейн А.А. 25 августа 2025 г. Расшифровка Гольдштейн А.А.
3. Интервью с Ососковым Г.А. Интервьюеры Орлова Г.А., Малая Е.К. 25 ноября 2025 г. Расшифровка Черновой М.А.
4. Интервью с Ососковым Г.А. Интервьюер Орлова Г.А. 23 декабря 2025 г. Расшифровка Орловой Г.А.
5. Интервью с Ососковым Г.А. Интервьюер Орлова Г.А. 19 января 2026 г. Расшифровка Черновой М.А., Малой Е.К.
6. Интервью с Ососковым Г.А. Интервьюер Орлова Г.А. 26 января 2026 г. Расшифровка Орловой Г.А.
7. Интервью с Ососковым Г.А. Интервьюер Орлова Г.А. 27 января 2026 г. Расшифровка Орловой Г.А., Черновой М.А., Малой Е.К.
8. Интервью с Ососковым Г.А. Интервьюер Орлова Г.А. 28 января 2026 г. Расшифровка Орловой Г.А., Черновой М.А., Малой Е.К.
9. Интервью с Ососковым Г.А. Интервьюер Малая Е.К. 31 января 2026 г. Расшифровка Малой Е.К.

Содержание

От автора 5

Глава 1. Коломна, 1936 12

Глава 2. Сталинград, 1937–38 18

Глава 3. Саранск, 1938–42 43

Глава 4. Темников–Саранск, 1942–45 54

Глава 5. Коломна–Москва, 1946–48 90

Глава 6. Москва, 1948–53 104

Глава 7. Москва, 1953–56 124

Глава 8. Москва, 1956–61 152

Глава 9. Дубна, 1961 162

В книге использованы фотографии из личного архива Г.А. Ососкова.

Издание подготовлено Историческим архивом ОИЯИ

ISBN 978-5-9530-0663-7

Научный редактор Г. Орлова
Научный комментарий – А. Жемчугов, Г. Забродин

Ответственная за выпуск А. Гольдштейн
Редактор Е. Малая, корректор М. Башина, верстка Н. Куликовой

Издание N 243 (электронный вариант)
Подписано в печать 05.02.2026
Формат издания 148x210. Печать цифровая.
Гарнитура PT Sans. Тираж 50 экз.

Отпечатано в типографии Издательского отдела ОИЯИ

